

ЛЕВ
ЖДАНОВ

ЗАБЫТАЯ
КНИГА

ЗАБЫТАЯ
КНИГА

ЛЕВЪ
ЖДАНОВЪ

ПОСЛѢДНІЙ
ФАВОРИТЪ
(ЕКАТЕРИНА II и ЗУБОВЪ)

КН-ВО -ПРОМЕТЕЙ-
Н. Н. МИХАЙЛОВА

ЛЕВ ЖДАНОВ

ПОСЛЕДНИЙ ФАВОРИТ

КНИГА 1

РЕПРИНТНОЕ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ
ИЗДАНИЯ 1914 ГОДА

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1990

Право собственности въ Россіи закрѣплено во всѣхъ странахъ, гдѣ это допускается существующими законами.

Г.г. переводчиковъ просятъ обращаться за разрѣшеніемъ на переводъ и за справками къ издателю Николаю Николаевичу Михайлову по адресу: С.-Петербургъ, Новарскій, 10. Телефонъ 72—72.

Типографія
Спб. Т-ва Печ.
и Изд. дѣла
«ГРУДЬ».
Кавалергар., 40.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Отъ автора	9
Глава I. Новая смѣна	13
„ II. Двойной сговоръ	91
„ III. Давидъ и Голиафъ	133
„ IV. Эсѣиръ и Аманъ	191

„Naturalia non sunt turpia!“
„Изобрѣтать—легко, дѣлать от-
крытія—весьма трудно!“

Екатерина II.—„Разговоры“.

Отъ автора.

По особымъ условіямъ своей исторической жизни Россія только за послѣднія десятилѣтія получила возможность, въ лицѣ цѣлаго народа, узнать подробно все, что дѣлалось за прошлое время въ нѣдрахъ этого самаго народа, и тамъ, на верхахъ его, гдѣ вершились судьбы царства. иной разъ по приговорамъ рока, а порою и по прихоти „случайныхъ“ людей, случайныхъ вершителей народной судьбы.

Это—одна изъ главныхъ причинъ малаго знакомства массъ съ прошлымъ родной земли. Есть еще и другія, не менѣе важныя.

Грамотность, даже въ высшихъ кругахъ общества, или прививалась весьма туго, или направлена была въ сторону иноземныхъ образцовъ. Не только при дворѣ, гдѣ общество всегда больше междуна-родное, чѣмъ національное, и въ высшемъ русскомъ сословіи, вообще, нѣмецкій и, особенно французскій, языкъ былъ болѣе извѣстенъ, какъ литературный, чѣмъ свой собственный, русскій.

Это продолжается даже до середины XIX вѣка, если и не позже.

Вотъ почему такъ мало документальныхъ данныхъ на русскомъ языкѣ о томъ, что дѣлалось тамъ, въ лабораторіи нашей исторической жизни, на ея верхахъ.

А, между тѣмъ, какъ ни могуче было движеніе умственной и политической жизни и созрѣваніе Россіи въ лицѣ ея народа, очень мощнымъ слагаемымъ, вѣрнѣе, пружиной всему, что творилось внутри и внѣ Россіи, больше чѣмъ на три четверти, служила дѣятельность „верховъ“, теперь называемыхъ „сферами“ ...

И знать правду о нихъ, значитъ, понимать весь ходъ внутренняго развитія Россіи и ея роста извнѣ.

Но эту правду, повторяемъ, до самаго послѣдняго времени, если и удавалось узнавать, то больше западнымъ сосѣдямъ, въ видѣ мемуаровъ, порою весьма неточныхъ, неправдивыхъ, подсказанныхъ излишней любовью, или чрезмѣрной враждой...

Или узнавали не истину многіе „избранные“, порою и готовые понести свои знанія въ массы, но видѣвшіе передъ собою неодолимые препятствія, теперь, къ счастью, отошедшія въ вѣчность.

Люди поняли, что „быль молодцу не въ укорь“, особенно, если онъ отошелъ отъ той были и стремился къ лучшему, болѣе свѣтлому „настоящему“ и еще болѣе прекрасному „грядущему“ ...

Вотъ почему теперь явилась возможность дать для прочтенія широкимъ кругамъ и настоящую повѣсть, если не блестящую особыми достоинствами, зато строго отвѣчающую требованіямъ исторической правды.

Конечно, и въ тѣхъ узкихъ рамкахъ, какія намѣнены для настоящей повѣсти, по ея размѣрамъ и по условіямъ замысла, не оказалось возможнымъ использовать все, что касается послѣднихъ лѣтъ царствованія великой государыни, „Екатерины Великаго“, какъ ее въ мужскомъ родѣ величалъ принцъ Де-Линь и другіе. Но все, что здѣсь найдетъ читатель, есть рядъ строго-историческихъ, провѣренныхъ событій и фактовъ.

Историческій романъ, по сущности своей, долженъ не только „знакомить“, но и „научать“...

Въ русской литературѣ есть великолѣпная историческая повѣсть Пушкина „Капитанская дочка“, есть яркія, вдохновенныя страницы Лажечникова, занимательныя хроники Соловьева и болѣе опредѣленные, выпуклые очерки Данилевскаго, Мордовцева... Есть романтическіе „Мемуары“... Словомъ, есть всѣ зачатки будущаго, историческаго романа, который долженъ скоро народиться.

Чтобы стать на ряду съ лучшими произведеніями этого рода, извѣстными во всемірной литературѣ, русскій историческій романъ долженъ имѣть блескъ боевой журнальной статьи, силу драмы и убѣдительность архивнаго документа...

Я со всей Россіей жду народженія такого отраднаго явленія.

А пока рѣшаюсь отдать на судъ читателей мою скромную историческую повѣсть, единственное достоинство которой—ея правдивость.

Л. Ж.

ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ.

ЛЕВЪ ЖДАНОВЪ.

ПОСЛѢДНІЙ ФАВОРИТЪ.

(ЕКАТЕРИНА и ЗУБОВЪ).

РОМАНЪ—ХРОНИКА СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

(1789—1796 г.г.)

Книга I.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

КН-ВО „ПРОМЕТЕЙ“
Н. Н. МИХАЙЛОВА.

I.

Новая смѣна.

Середина іюня 1789 года.

Больше мѣсяца, какъ императрица съ обоими внуками и своей обычной свитой переѣхала въ царскосельскій дворець.

Всего десять часовъ утра, но во всѣхъ жилыхъ помѣщеніяхъ, во дворахъ между зданіями и въ паркѣ кинить жизнь.

Удивительнаго тутъ нѣтъ ничего: сама „хозяйка“ этого очаровательнаго уголка встаетъ въ шесть часовъ; погулявъ немного въ роскошномъ цвѣтникѣ, по новому парку въ англійскомъ вкусѣ, возвращается на небольшую террасу, которая ведетъ въ длинную колоннадную галерею, и садится на зеленомъ, обитомъ сафьяномъ, диванчикѣ, передъ такимъ же столомъ.

Здѣсь часа полтора-два пишетъ и работаетъ Екатерина одна, набрасывая свои „Записки“, страницы „Исторіи Россійскаго государства“, или письма къ Дидро, Гримму, къ мадамъ Жоффренъ, Циммерману, въ которыхъ такъ выливается весь умъ, сверкаютъ искры веселья, юмора и вдохновенія державной сочинительницы.

Послѣ этого еще часа два уходитъ на работу съ дежурными секретарями, тутъ же принимаются доклады петербургскаго оберъ-полицеймейстера.

Затѣмъ Екатерина снимаетъ свой гладкій, сидящій пе-

много набекрень, утренній чепецъ, замѣняетъ его другимъ, украшеннымъ бѣлыми лентами, сидящимъ болѣе прямо на густыхъ, напудренныхъ волосахъ. вмѣсто бѣлаго атласнаго или гродетуроваго капота она надѣваетъ гладкое, тоже атласное, бѣлое платье, поверхъ котораго носить лиловый, или, вообще, темнаго цвѣта „молдаванъ“, родъ казакина. И туалетъ на весь день готовъ.

Размѣренно, по часамъ, даже по минутамъ, идетъ жизнь въ главномъ дворцѣ, который внушительно темнѣетъ со своими глубокими сводчатыми окнами на свѣжей зелени стараго сада и новаго парка...

Въ новой пристройкѣ, созданной для себя лично Екатериной, и во всѣхъ флигеляхъ, службахъ, конюшняхъ и караулкахъ, отъ старшаго внука, великаго князя Александра, до послѣдняго сторожа, всѣ подчиняются разъ заведенному порядку, отступленіе отъ котораго допускается лишь по особому разрѣшенію государыни.

Сравнительно меньше движенія замѣтно въ помѣщеніи, отведенномъ для генераль-фельдмаршала, князя Николая Ивановича Салтыкова, воспитателя великаго князя Александра Павловича.

Княгиня Наталья Владиміровна появляется изъ своего будуара только часамъ къ 11-ти. Но Салтыковъ, по примѣру государыни, давно на ногахъ.

Въ передней у него дожидаются нѣсколько военныхъ съ рапортами изъ военной коллегіи, гдѣ по должности своей предсѣдательствуетъ князь, затѣмъ дежурный отъ молодыхъ великихъ князей и два-три просителя.

Въ гостиной, большой, просторной комнатѣ, выходящей окнами въ садъ, давно уже отдѣльно ото всѣхъ ждетъ выхода князя пачальникъ роты, находящейся здѣсь въ караулѣ, ротмистръ конной гвардіи, совсѣмъ молодой офицеръ, съ виду лѣтъ 20—22-хъ, не больше.

Сначала онъ осторожно, какой-то эластичной, неслышной походкой жѣрилъ комнату, лавируя между столами, креслами, диванчиками и столиками, разставленными въ комнатѣ. Потомъ остановился у окна и, жмуря свои большіе, черные, бархатистые глаза, сталъ глядѣть въ ту сторону, гдѣ на солнцѣ сверкала стеклянная стѣна знаменитой царскосельской галлерей.

Открытая часть этой галлерей, которую образовалъ рядъ массивныхъ колоннъ, служащихъ опорой для крыши, была пронизана лучами утренняго солнца. И, проникая въ пролеты стеклянной стѣны, они отрывали глазу то, что было за окнами, внутри.

Больше часу тому назадъ офицеръ могъ различить, какъ по галлерей прошла женщина, направляясь съ террасы во внутренніе покои, мимо бѣломраморныхъ бюстовъ героевъ и ученыхъ, разставленныхъ вдоль всего пути.

Плотная фигура небольшого роста съ высокой грудью, характерный постановъ головы, чуть-приподнятой, и особая прямизна стана, — все примѣты государыни, хорошо знакомыя ротмистру, привлекли его вниманіе.

Долго послѣ того, какъ женщина скрылась въ глубинѣ галлерей, недоступной его взору, молодой офицеръ все глядѣлъ туда, вслѣдъ, какъ будто обладалъ способностью видѣть сквозь толстыя каменные стѣны..

Гулко пробило 10 на большихъ дворцовыхъ часахъ.

Бронзовые фигурные часы, стоящіе въ гостиной на консоли, мелодично начали вызванивать ударъ за ударомъ.

Офицеръ какъ-будто очнулся отъ своихъ думъ, нервно оправилъ темлякъ, и безъ того бывшій въ полномъ порядкѣ, оглядѣлся, прислушался и опустился въ мягкое соседнее кресло, откуда видно было и дверь спальни князя, и все, что дѣлается за окномъ.

Тонкій слухъ офицера различилъ за дверью невнятное

бормотанье, то прорывавшееся болѣе внятной нотой, то переходившее въ однотонное причитанье, то совсѣмъ затихающее. Изрѣдка какой-то глухой стукъ доносился изъ-за двери, какъ-будто что-нибудь мягкое упало на коверъ; этотъ стукъ повторился разъ 10—12 подъ-рядъ.

Такой звукъ могъ бы издавать большой, очень туго набитый, эластичный мячъ, который, упавъ на полъ, подпрыгивалъ бы и падалъ нѣсколько разъ подъ-рядъ, все слабѣе и мягче.

„Поклоны отбиваетъ... Весьма любопытно свѣдать: какіе грѣхи великіе замаливаетъ сей старшій хорекъ?“ подумалъ ротмистръ.

Лицо его, очень красивое, но мало выразительное и неподвижное до этихъ поръ, оживилось легкой насмѣшливой улыбкой, отъ которой засверкало два ряда мелкихъ, красивыхъ зубовъ, полуприкрытыхъ тонкими, красиво очерченными, краснѣющими, какъ у женщины, губами.

Шумъ и серебристый звонъ бубенцовъ сталъ долетать справа изъ-за окна.

Это отъѣзжала отъ крыльца обычная русская тройка оберъ-полицеймейстера, успѣвшаго сдѣлать государынѣ свой докладъ и теперь во всю мочь лихо покотившаго обратно въ столицу.

Еще не замерли совсѣмъ вдали серебристые перезвоны бубенцовъ и колокольцевъ, когда за дверью рядомъ послышались шуршащія, припадающіе шаги.

Кто-то приближался въ мягкой обуви, прихрамывая на одну ногу, слегка пошаркивая подошвами по паркету, не перекрытому у дверей ковромъ.

Слегка прихрамывая на лѣвую ногу, приближался князь.

Раздѣляя убѣжденія своего времени, Салтыковъ для предупрежденія различныхъ заболѣваній носилъ вѣчно „фон-

тенель“ на этой ногѣ. Полагали, что черезъ незаживающую, постоянно гноющуюся ранку выходятъ всё дурные соки изъ организма и обезпечиваютъ тѣмъ долготѣе, здоровье и силу.

Узнавъ шаги, ротмистръ быстро вскочилъ, вытянулся въ струнку, еще разъ обдернувъ свой прекрасно сидящій мундиръ, приладивъ по формѣ въ рукахъ головной уборъ.

Большая тяжелая дверь медленно, съ короткимъ скрипомъ распахнулась подъ давленіемъ слабой, старческой руки.

Прямо противъ двери находилось окно спальни.

Яркіе золотые лучи, падающіе въ него, наполнили весь пролетъ двери, ударивъ прямо въ глаза ротмистру.

На этомъ золотистомъ, сверкающемъ фонѣ вырѣзалась маленькая фигурка худощаваго старичка со сморщеннымъ лицомъ, съ сѣдою головой на тонкой, вытянутой немного впередъ шеѣ.

Небольшой острый носикъ торчалъ надъ безусымъ, старческимъ ртомъ съ тонкими, нервными губами, которыя порою какъ-будто жевали что-нибудь, не умѣя оставаться въ покоѣ.

Ротъ старика вѣчно былъ ослабленъ въ любезную, даже какъ-будто угодливую полуулыбку привычнаго царедворца. Но общее лукавое выраженіе лица, особенно небольшихъ, карихъ, умно глядящихъ глазъ, какъ-то не вязалось съ этой гримасой, одѣтой, какъ вѣчная маска, на лицо старика.

На немъ былъ военный, зеленого цвѣта, мундиръ и цвѣтной камзолъ нараспашку. Старомодное кружевное жабо бѣлѣло подъ камзоломъ.

На ходу князь четко постукивалъ своимъ костылькомъ съ золотой ручкой, безъ котораго не появлялся нигдѣ.

Князю было всего 60 лѣтъ, но выглядѣлъ онъ гораздо старше, несмотря на свои вѣчныя заботы о здоровьѣ и довольно умѣренный образъ жизни.

Безпокойный, завистливо-подозрительный блескъ глазъ, выдающій ненасытнаго честолюбца, говорилъ внимательному наблюдателю, отчего такимъ изможденнымъ и слабымъ казался князь-фельдмаршалъ, сдѣлавшій блестящую карьеру даже для своихъ лѣтъ и при всей родовитости Салтыковыхъ.

— Здѣсь уже, Платошенька? Здоровъ, здоровъ... Радъ видѣть. Что тамъ: все свои? Ну, погодятъ. Не каплетъ... Садись, потолкуемъ. Что новаго? Кхм... кхм... выкладывай... Постой... Что-й-то ты нынче какъ-будто тово... не тово?.. Ха-ха-ха-ха... Гляди, не истрепись до срока, потомъ чтобы неустойки не вышло... Ха-ха-ха-ха!..

Князь раскатился своимъ дробнымъ, надтреснутымъ смѣхомъ, впиваясь, въ то же время острыми глазами въ лицо покраснѣвшаго ротмистра.

— Что? Нѣтъ? Скромненько живешь? Вѣрю, ладно... Отъ любви сохнешь? Знаю... такъ и толкуемъ мы, гдѣ слѣдуетъ: „помираетъ отъ любви мальчикъ!..“ Ха-ха-ха... Тамъ это любятъ, чтобы за ней помирали, пока самой пора помереть не пришла... Ха-ха-ха... ха-ха! Кх-кх-кх-кх...

Наполовину искусственный смѣхъ перешелъ въ такой же, наполовину только, естественный кашель.

Казалось, этотъ старикъ, въ силу долгой привычки, даже наединѣ съ самимъ собой, даже на молитвѣ передъ Богомъ разучился быть простымъ и естественнымъ. И это притворство, неразлучное съ княземъ, уже не рѣзало окружающимъ ни ушей, ни глазъ.

— Ишь, ишь, зардѣлъ даже, что твоя красная дѣвица!.. Ротмистръ... гвардеецъ, кавалеристъ!.. Ха-ха-ха-ха... ха-ха... Ничего... Это тоже нравится... Это любятъ... Краснѣй, краснѣй... вреда не станетъ отъ того... Ну, толкуй, что новаго? Гдѣ былъ? Кого видѣлъ? Исповѣдуйся, мой свѣтъ. Докладывай по начальству...

Ротмистръ Платонъ Зубовъ, поднявъ скромно опущенные глаза и подобострастно глядя прямо въ лицо внязю, заговорилъ вкрадчивымъ, тихимъ, но внятнымъ голосомъ:

— Нынче Господь счастье послалъ, ваше сіятельство! Раненько утромъ случайно повстрѣчаться довелось... Какъ на первую прогулку выйти изволила...

— Случайно?! Ха-ха-ха... ха-ха! Со мной, братъ, не финти. Со мной начистоту надо... Далѣе! Былъ замѣченъ?

— Помогъ Господь, ваше сіятельство! Я будто по караулу шель... Увидаль издали, остановился, салютую... Собачка одна ко мнѣ кинулась. Я приласкалъ. Тутъ и узнавъ былъ. Изволила головой ласково вивнуть... И далѣе протрѣфовала... Я не осмѣлился ближе. Очень въ задумчивости пребываетъ, видно...

— Задумаешься!.. Этотъ „кафтанъ красный“, какъ она его называетъ, совсѣмъ истрепаля со своей Щербатовой. Отъ него ей, голубушкѣ нашей, ни тепло, ни холодно... А еще ревновать смѣетъ ее, голубушку бѣдную... Собака на снѣгъ, ей-ей! И взглянуть ей не даетъ ни на кого!.. Есть тутъ преображенецъ отставной, секундъ-майоръ Казариновъ. Извѣстенъ давно государынѣ... Красивый мужчина. О немъ тоже многіе хлопочуть. Особливо „потемкинцы“. Замѣть это... Вотъ и захотѣлъ графъ Брюсъ поджечь „Мамону“ нашего... Торговаль тотъ у графа имѣньишко, да остановился. Провѣдалъ, что не стоитъ покушать, крестьянишки разорены... А Брюсу сбыть охота. Онъ и спросилъ на-дняхъ: „Что-жь графъ, покупаете, нѣтъ ли? Другой охотникъ есть“. — „Продавайте!—говоритъ „Мамона“. — „А кто торгуетъ“? — „Казариновъ“... Какъ услыхаль мой Александръ Матвѣичъ, поблѣднѣлъ... голосъ у него отнялся. Еле-слышно выговорилъ: „Да, вить, у Казаринова у этого... и нѣтъ ничего... Откуда у него 300 тысячъ... такая изрядная сумма возъ-

мется?“ И на государыню глядитъ, словно пробуравить ее хочетъ глазами. А она, матушка, таково-то спокойно... и отвѣчаетъ: „Развѣ одинъ Казариновъ на свѣтѣ?“ Можетъ, и кушитъ совсѣмъ не тотъ... на кого ты думаешь?“ А Брюсъ и затакалъ: „Да,—говорить:— секретарь отставной изъ военной коллегіи купить собирается“. Понялъ? Да еще Милорадовича, тебѣ вѣдомаго, тотъ же Безбородко, какъ родню своего, сватаетъ... сватаетъ... да курляндець Менгденъ... да еще есть... Видишь, цѣлый бой идетъ...

— О томъ я извѣстенъ, ваше сіятельство... Анна Никитишна вчерашній день сказывать изволила.

— А, и къ Нарышкиной вчера заглянулъ?.. Молодецъ. Тихой-тихой, а ловить фортуна за хвостъ умѣешь...

— Сама изволила присылать за мной, ваше сіятельство. И что же? Развѣ я посмѣлъ бы?.. И нынѣшняя встрѣча— по совѣту Анны Никитишны вышла... Молъ, на глаза чаще попадаться, чтобы темеръ замѣченнымъ быть, когда тревога въ государынѣ... Сказываетъ Анна Никитишна,—скоро ужъ и конецъ... Съ прошлой-де осени почти что и службы своей не исполняетъ графъ. Только имя одно за нимъ. Приказывала насчетъ бѣля хорошенько подумать... чтобы все какъ надѡ... И наготовѣ быть.

— Такъ, такъ... Ха-ха-ха-ха... ха-ха. Она говоритъ, она знаетъ. И я слыхала, что маханіе графа со княжной, со Щербатовой ужъ и такъ зашло, что нельзя дальше... Свадьбой имъ снѣнить надо, чтобы крестины ее не обогнали... Ха-ха-ха!.. Нехорошо: Щербатовы—не Зубовы, или иные дворяне безпомѣтные... Фамилія первая... Придется графу свѣже-испеченному отвѣтъ держать передъ самой, передъ матушкой нашею, вдвойнѣ. И за обманъ передъ нею, и за попустки столь низкіе съ благородной дѣвицей... Мать ему, гордецу, пришелъ. Недолго повластовалъ. Чваненъ больно. А забылъ, что гордымъ Господь Самъ

противится... Слыхалъ: подъ своего благодѣтеля, подъ свѣтлѣйшаго и то подкапываться уже сталъ „кафтанъ“ нашъ „красный“... Ха-ха-ха!.. На гвоздикъ его за это повѣсить за одно слѣдуетъ. Благодѣтелей не помнить. Ты тоже такой будешь, а? Говори!

— Да, ваше сіятельство!.. Отецъ родной... Да я, развѣ, посмѣю... Ежели бы не вы... Ваше сіятельство! Господь слышитъ. Рабъ вашъ по гробъ жизни... и всегда... Я, ваше...

— Вѣрю, вѣрю. Будетъ. Не заклинайся. Грѣшно. Помни, только, какъ ты передо мною разливался, молвилъ, чтобы я тебѣ командованіе тутъ караульное сдалъ на лѣто... У, и плутъ ты. Не одну выслугу по чинамъ, иное ужъ кое-что чуялъ, либо отъ кого подстроены были? Признавайся? Начистоту!

— Нѣтъ, ваше сіятельство, особаго ничего... Правда, ваше сіятельство, будучи вхожъ въ домъ къ Аннѣ Никитишнѣ, тамъ многое слышалъ и сердцемъ болѣлъ о государынѣ... Но ясно ничего не думалъ... и мнѣ не было сказано. Такъ, совѣтъ давался: лучше-де молодому, собой пріятному человѣку на глазахъ быть для карьеры... Я принялъ къ сердцу слова... Вотъ и все.

— Старая потатчица, Никитишна... Она впередъ знаетъ. На три аршина подъ землей видитъ, что матушки нашей и ея нужды касаемо, по сердечной части. Видно, не захотѣли новаго друга изъ рукъ у свѣтлѣйшаго принимать. Занятно, какъ нашъ „князь тьмы“ на сіе взглянетъ, ежели помимо него ты въ случай проскочишь, въ фаворъ угодишь? Далече онъ. А хотѣлось бы его одноглазую рожу поглядѣть, какъ свѣдаетъ, что иными ты поставленъ, не его милостью... Ха-ха-ха... Это тоже не забывай. Потемкинъ другомъ тебѣ не станетъ, разъ ты не изъ его кармана выскочилъ. Такъ ты старыхъ друзей держися. Словамъ твоимъ и ничѣмъ я давно не вѣрю. А вотъ, какъ будешь помнить,

что кромѣ Бога и меня, старика, нѣтъ у тебя опоры и помощи на высокой, да скользкой горѣ, куды мы тебѣ добратся помогаемъ... Тогда, авось, и благодарности не забудешь?.. Ха-ха-ха... кх...-хкх... кх.. Совсѣмъ я разбился со здоровьишкомъ со своимъ... Ты помни еще и то, отецъ твой и тотъ у меня счастье и подмогу нашель. Онъ, правда, честно править деревнишками своими. Да, поди, и себя не забываетъ. Скупенекъ старикъ, правду сказать надо. Да скупость не глупость. „Денежка рубль бережетъ“, всѣмъ вѣдомо... А безъ нихъ охо-хо-хо какъ плохо жить на свѣтѣ, хоть и въ чинахъ и въ орденахъ... Помни: деньги береги... Не мотай ихъ.. особливо въ первую пору... Щедра тогда наша матушка. Сыплеть золотомъ и домами, и крестьянишекъ не жалѣеть. А ты лови на лету... да угождай... Да своихъ не забывай. Понялъ? Молодъ ты еще, не больно уменъ, какъ слышно... Да, авось, эту науку поймешь... А?

— Пойму, ваше сіятельство... А чего не пойму,—позвольте ужъ васъ беспокоить, какъ отца родного, какъ ангела-хранителя... Ужъ, ваше сіятельство, вся на васъ надежда. Въ ноги вамъ еланяюсь: помогите, не оставьте...

Взманенный картиной золотого дождя, которую сразу и ярко нарисовалъ старый хитрецъ, Зубовъ, дѣйствительно, упалъ въ ноги старику-князю.

— Ну, ну, ладно... Вставай... Нѣтъ у меня силъ подымать тебя... Ишь, невеликъ ты, а грузенъ. Плотный какой, словно ядрышко... Встань... не бабься. Къ чему слезы? Радость тебѣ предстоитъ, не слезы. Я ужъ вижу. Коли Никитишна таеъ за тебя взялася, не спроста оно. Либо „сама“ еще раннѣй запримѣтила твое благородіе... Либо Никитишна полагаетъ, что ты на новомъ мѣстѣ на своемъ ей тоже не безъ выгоды окажешься. Любитъ она денежки, подарки всякіе, супирчики-сувенирчики, понимаешь?

— Понимаю, ваше сіятельство... Я сказывалъ, если Богъ удачу пошлетъ, послѣднее, молъ, тому отдамъ, кто поможетъ мнѣ... Много разъ ей сказывалъ...

— Такъ, такъ, братецъ. Тебя и учить мало надобно... Гляди, скоро изъ рукъ этой старой медиаторши и къ погамъ второй „амьки“, къ Степановнѣ, къ Протасовой попадешь. Съ той какъ быть, слыхалъ ли? Знаешь ли?..

— Толкуютъ много. Да какъ бы промаха не сдѣлать? Научите ваше сіятельство!

— Да, тутъ надо „безъ промаха“... Ха-ха-ха-ха... Тутъ „промаховъ“ не полагается... Прямо въ цѣль попадай... Коли ужъ до того дѣло дойдетъ, слушай какой церемоніаль тутъ полагается... Заглянетъ къ тебѣ, словно ненарокомъ, Роджерсонъ, либо иной лекарь, государины до вѣренный... Про здоровье станеть распытывать. Ты ему говори... Самъ еще попроси: молъ, поглядите, посовѣтуйте, не надо ли чего. Да, на видъ—ты богатырь у меня? Не болѣешь?

— Нѣтъ, ваше сіятельство, храни Господь! Лихорадки бывали тамъ, простуды. А чтобы что... Помилуй Богъ!

— Вотъ, онъ и поглядить... Ты его тоже обласкай, какъ можешь. Эти лѣкаря всегда въ пригону... А тамъ и къ Протасихѣ на вечерокъ тебя пригласятъ. Тутъ ужъ ты не бабься. Гвардію не осрами. Она—баба бывалая. Ворона пуганая. Ничего не испугается, вѣрь мнѣ, Платоша. Я тебя ужъ такъ по старому знакомству зову, а?

— Счастливъ, ваше сіятельство... Сыномъ роднымъ считайте... На всю жизнь... Такъ, стало, робѣть не надо?

— Помилуй Богъ! Да она и сама съ тобой церемониться не станеть. Живо карты на столъ выложить. Ты ей товаръ лицомъ покажи. Поддержи конную гвардію, не скиклуй. А она тебя всякимъ обхожденіямъ научить, какія

пріятны дамамъ високаго свѣта и зрѣлаго возраста... У-у, прожженная бестія... Не проста ея „испытательницей“ называютъ... Такъ, и ты, гляди... Не осрамись. *Donnez des épreuves, que vous pouvez satisfaire un appetit aussi énorme, qu'il est possible, mon cher.* Молю, сумѣешь на всякій вкусъ угодить, понялъ?

— Постараюсь, ваше сіятельство... Да одно мнѣ сумнительно. Всѣмъ извѣстно, какой случай былъ съ Корсаковымъ... Замѣтила государыня, что сей фаворитъ съ той же графиней Брюсъ, которая на мѣсто на Протасовское тогда была, съ нею онъ очень ужъ „смѣло“ поступилъ. И мѣста тотчасъ лишился... Вотъ теперь и думается: хорошо, если Анна Никитешна безъ всякаго умысла поступаетъ... А если я только къ тому веденъ, чтобы въ графѣ ревность поднять, его снова къ мѣсту по всей формѣ вернуть?.. И такая моя смѣлость, въ покояхъ у Протасовой, куда и государыня ежеминутно вхожа!.. Не погубить ли меня?.. Простите, ваше сіятельство! Можетъ, и глупыя слова мои. Вамъ, какъ на духу... Простите...

— Такъ и надо. И всегда такъ будь. Не пожалѣешь. Теперь, слушай, что я скажу. Первое, ты на видъ глупѣе кажешь, чѣмъ всамдѣлѣ есть. Не обижайся: это похвала. Такъ на свѣтѣ легче проживешь. Пусть никто на тебя не думаетъ, ничего отъ тебя особаго не ждетъ, ни въ чемъ не опасается. А ты въ хорошую минуту и работай, какъ тебѣ удобнѣе... Помни слова старика. Всякое слово прослушивай, да не слушайся никого, никому не вѣрь сполна. Только мнѣ вѣрь, что скажу, дѣлай постоянно. Поставлю тебя на мѣсто и не на годъ, на два, десятки лѣтъ просидишь... Знай. Теперь про твой вопросъ скажу. Нарышкиной, ты правъ, сполна довѣрять невозможно. До тебя ей дѣла мало. Лишь бы „другу своему“, государынѣ угодить она могла. Это для старухи больше и прежде всего.

Лѣтъ 45 они ужь дружатъ. Думаю, нашла тебя Никитшна пригоднымъ, вотъ и тянетъ. Что ревнуетъ графъ, тоже ты правъ. Вчера еще государыня говорила: „Проходу не даетъ мнѣ Александръ Матвѣвичъ. Самъ какъ ледь, почитай съ полгода сталъ. А съ меня глазъ не спускаетъ: на кого погляжу, съ кѣмъ словечко молвлю“.. Тутъ у меня, признаюсь, языкъ зачесался-было: ляпнуть ей, что самому вѣдомо. Удержался въ пору, Богъ миловалъ. И вѣсть-то не больно радостная... Пусть другой ее кто... самъ пускай „Кафтанъ красный“ и порадуетъ свою благодѣтельница. Это—перво. Второе—вижу: послѣдній срокъ на это насталъ. Что жъ ее, матушку нашу, голубушку болѣзную, раньше времени сокрушать?! Смолчалъ... Вотъ тебѣ и отвѣтъ: ты не на очахъ Мамонова въ милость идешь. Потихоньку тебя выдвигаютъ. Наготовѣ держать. Значить, жди. Что будетъ на этихъ дняхъ, то тебѣ и ливію покажетъ, какъ надо вести себя? Дочеста ли вѣрить „кумушкѣ“ нашей, Нарышкиной, или погодить чуточку. А, впрочемъ, ей всегда вѣрить опасайся. Какъ тебя она заготовила, чтобы мѣсто не пустовало, если абшидъ дадутъ „Кафтану“, такъ и на тебя она палочку въ уголокъ поставитъ, чуть до мѣста доведетъ. Помни. Въ другое говорю: мнѣ одному вѣрь, на меня полагайся...

Князь внушительно, словно приводя къ присягѣ Зубова, поднялъ правую руку передъ собой.

— Вѣрю... Буду... Богомъ свидѣтельствуюсь!—съ дрогнувшей поткой, со слезами въ голосѣ воскликнулъ Зубовъ и, словно въ неудержимомъ порывѣ, прижалъ сухую, сморщенную руку князя къ своимъ мягкимъ, влажнымъ губамъ...

— Ну, ну, будетъ, не падо,—петорепливо отводя руку, кивая одобрятельно головой, замѣтилъ князь: — Вижу, признательный ты теперь... И весьма тебѣ не терпится на

мѣсто заступить... Еще бы. Да, вотъ, слушай: молодъ ты весьма. Боюсь я того. Не сумѣешь повести себя съ надлежащимъ видомъ. Подленекъ малость по юности. И не бѣдныя вы люди, да отецъ васъ ужъ черезъ мѣру въ черномъ тѣлѣ держаль по скуности... А тутъ—совсѣмъ иное надо. Ты гляди, не гнись, когда часъ настанетъ. Лучше надуйся. И такъ будетъ достойнѣе, чѣмъ если по-теперешнему, въ глаза глядѣть каждому станешь. Угождать—это надо. Мани, обѣщай всѣмъ, чего сами они хотятъ. Но самъ себя не роняй... Такъ будто и не хотѣлъ бы, да рѣчь ведешь. Она это любить. Сама какъ ангелъ простая да добрая. А въ мужчинѣ ей геройство нравится. Слабый полъ, извѣстно. Помни. Да, поди, тебѣ ужъ тамъ старухи все растолкуютъ, какъ въ передѣлку къ нимъ попадешь... А теперь пора, ступай.. Услышишь что, тебя ли касаемое... Такъ ли узнаешь, — сейчасъ ко мнѣ... Чтобы я ранѣй другихъ освѣдомился. Тогда и пользу тебѣ оказать смогу... Съ Богомъ... Стой... Ты, я вижу, малый богобоязливый.. На Бога надежду имѣешь... Въ рѣчахъ твоихъ замѣтилъ я...

— Ваше сіятельство, прозорливость у васъ, свыше данная. Только на Него, на Милосердаго, и на васъ одна надежда... и сейчасъ въ душѣ рѣшилъ: въ храмъ пойти молить Господа: даль бы милости...

— Похвально. Такъ и оставайся. Онъ—всѣхъ насъ защитникъ... Изъ праха на высоту возводитъ и низвергаетъ по волѣ по Своей. Но... ты не очень свое благочестіе всѣмъ показывай... И сама государыня... Какъ бы тебѣ сказать... Слыхаль, поди, рѣчи ея порою... „Съ молодю, говорить, предавалась и я богомольству... была окружена богомольцами да ханжами.. По нуждѣ. Государыня покойная то любила. А въ душѣ—не люблю показного ничего“... Помни слова эти. Молиться хочешь, дѣлай по моему: тутъ, у себя, въ покоѣ... Знаешь теперь, какъ я молюсь. Нехотя выдалъ

я тебѣ молитву свою. И ты такъ дѣлай. Богъ тайную молитву больше цѣнитъ. А услышишь, доведется, отъ нея и слово какое по-твоему вольнодумое, противъ вѣры, или иначе... Молчи, не оговаривай... На словахъ только вольность у нея... Душой и сама вѣритъ не хуже нашего... Да еще... Ну, ступай... А то и не кончу я... Ха-ха-ха... Вишь, и меня, старика, въ соблазнъ ввелъ... Столько я натолковалъ съ тобою... Годами не приводилось того. Положимъ, и дѣло не малое... Можетъ толкъ изъ тебя выйдеть? Пользу какую государству и мнѣ, старику, увидимъ изъ тебя? Ха-ха-ха... кхм... кхм... Коли суждено новому человѣку на старое мѣсто сѣсть, пускай отъ меня тутъ доля будетъ... Моего меду капелька... Съ Богомъ... Чай, скоро свидимся еще...

— Самъ о томъ прошу, ваше сіятельство... Благодарности словъ нѣту выразить...

— И слава Богу... Не то сызнава заболтаемся... Зови тамъ, чей чередъ? Я въ кабинетъ пройду... Съ Богомъ...

Разговоръ этотъ происходилъ въ субботу утромъ, 16 іюня.

Въ это самое время Екатерина, отпустивъ своихъ статсъ-секретарей, вела оживленный разговоръ съ принцемъ Нассау-Зигенъ, командиромъ русской гребной флотиліи, слѣшно снаряжаемой противъ подходящаго къ Кронштадту шведскаго флота.

Бесѣда шла сначала довольно спокойно, хотя лицо государыни было покрыто пятнами, а глаза съ расширенными, потемнѣлыми зрачками были какъ-будто заплаканы.

Нассау, сразу все разглядѣвъ, старался не выдавать своихъ тревогъ и наблюдений. Онъ, какъ и всѣ во дворцѣ, зналъ о кризисѣ, переживаемомъ Екатериной въ ея отношеніяхъ къ графу Димитріеву-Мамонову.

Принцу казалось болѣе удобнымъ дѣлать видъ, что ея раздраженіе онъ всецѣло относитъ къ нѣкоторымъ неуда-

чамъ и задержкамъ въ военныхъ дѣлахъ, на которыя горячо жаловалась императрица.

— Нѣтъ, дерзость какова!—неожиданно подымаясь со стула и начиная по излюбленной привычкѣ шагать по кабинету, заговорила Екатерина, когда принцъ дочиталъ свой докладъ о ходѣ работъ по снаряженію гребной флотиліи.— Что онъ полагаетъ, этотъ „духовидецъ“, неуклюжій Гу, въ самомъ дѣлѣ, думаетъ, что, вступая въ наши предѣлы, путивъ къ нашимъ берегамъ 30—40 военныхъ кораблей, онъ насъ испугалъ? Напрасно... Ему придаютъ духу наши первые промахи да неудачи? Это—плохая игра. *Viva bien qui riga le dernier*,—вставила она французскую поговорку въ свою пѣмецкую рѣчь:—мы скоро оправимся, я тому порукой.

— И моя честь, государыня!

— Вѣрю, знаю, принцъ. Жду, когда все будетъ у васъ готово и вы начнете гнать этихъ земноводныхъ лягушекъ... О, если бы свѣтлѣйшій былъ здѣсь... Онъ бы сразу имъ показалъ. Я сдѣлала все, что могла. Но Мусинъ-Пушкинъ—соня... Михельсонъ, наоборотъ, лѣзетъ впередъ безъ оглядки. Такъ осрамить наше оружіе... Когда я получила извѣстіе объ его отступленіи, объ его разбитіи... Кѣмъ? Шведами, въ небольшомъ числѣ!.. Я два дня мѣста не могла себя найти.. 27 лѣтъ я такого извѣстія не получала, съ тѣхъ поръ, какъ взяла здѣшнее правленіе въ свои руки. И только, какъ пришли отъ Сенъ-Михеля добрыя вѣсти четвертаго сего числа,—вздыхнула свободнѣе! Пусть берегутся! На нападающаго—самъ Богъ. И я имъ покажу это... Войска собираются.. Мы ихъ и съ суши, и съ моря такъ должны подпереть, чтобы они и дороги домой не нашли..

Быстрымъ жестомъ засучила она широкіе рукава своего „молдавана“, словно они стѣсняли ее.

— Признаюсь, государыня, меня удивила послѣдняя диверсія шведовъ, ихъ переходъ къ наступательной войнѣ.

— А меня ничуть! Я знаю, въ чемъ дѣло. Субсидіи, обѣщанныя отъ французскаго короля, недавно были выданы толстому Густаву... хотя и не сполна. Подумаешь, какое неистощимое сокровище. Не надолго его хватить. Мы и безъ субсидій обойдемся. Имперія моя еще довольно велика и богата, чтобы побѣждать безъ чужихъ подачекъ. Я докажу это имъ! Хотя, надо сознаться, христіаннѣйшій король поступаетъ далеко не по-христіански. Поджигаетъ войну... тянетъ руку невѣрныхъ оттомановъ, которыхъ мы должны громить на дальнихъ предѣлахъ государства... Кто не понимаетъ этого: шведы—прямые помощники и союзники султана противъ Россіи. А Франція поетъ въ третій голосъ... И скверно, должна сказать. Даже безъ обычной ловкости и умѣнія... То навязывалась со своимъ союзомъ къ Россіи. А нынѣ подъ разными предлогами никакъ не соберется довести дѣла до конца! Чѣмъ это вызвано?

— Можетъ-быть, на самомъ дѣлѣ, государыня, дѣло и не совсѣмъ такъ, какъ вамъ доносятъ. Можетъ статья?..

— Никто ничего мнѣ не доноситъ. Я все вижу сама... Политика французскаго двора весьма неоткровенна... Сдается мнѣ, даже враждебна намъ. Я не хочу выводить дѣла прямо наружу, потому что не опасаясь того вреда, какой могла бы причинить мнѣ Франція... Больше скажу: кромѣ Господа, никого и ничего не опасаясь на свѣтѣ, ибо помню, что за мной стоитъ 16 тысячъ верстъ пространства земель и 20 миліоновъ вѣрноподданныхъ россіянъ!

Глуховатый, мужского оттѣнка, голосъ Екатерины тутъ зазвучалъ полно и сильно, какъ боевой вызовъ, какъ пророческій кличъ:

— Пусть вся Европа пойдетъ на насъ,—мы выдержимъ бурю и отразимъ удары. . Пошатнуть могутъ мою державу и меня, но не опрокинуть вовсе, какъ иные троны...

— Аминь, государыня...

— Аминь, скажу и я, — тихо, мягче подтвердила Екатерина, снова опускаясь на свое мѣсто передъ принцемъ.

И даже ея обычная привѣтливая улыбка постепенно освѣтило лицо, на которомъ до тѣхъ поръ сжатія брови и сверкающіе глаза представляли непривычное, пугающее зрѣлище.

— Я, конечно, напрасно волнуюсь, понимаю сама. Только, все тутъ сошлось разомъ... И, наконецъ, помимо прочаго, я не хочу казаться такой простушкой... Въ Парижѣ не должны думать, что я очарована ложными увѣреніями... Послушайте, принцъ! Вы, надѣюсь, уже достаточно стали русскимъ... и потому желаю, чтобы вы написали, такъ, отъ себя... конфиденціально, министру... Монморену... Дали бы понять, что отказъ отъ союза версальскаго двора и поведеніе ихняго посла въ Константинополь, интриги Шуазеля противъ Россіи не даютъ мнѣ болѣе возможности довѣрять ему постарому... Словомъ, одно изъ двухъ: или французскій дворъ со мною поступаетъ недобросовѣстно... Либо приказанія короля исполняются его довѣренными весьма дурно. Меня даже увѣряли... Признаюсь, это мнѣ очень непріятно... Говорили, что Сегюръ, такъ обласканный мною, сообщалъ моимъ министрамъ неточныя извлеченія изъ депешъ, получаемыхъ имъ изъ Стамбула, отъ Шуазеля... Послѣ такихъ увѣреній въ дружбѣ, въ любви... Впрочемъ...

Екатерина не досказала, снова порывисто поднялась и зашагала по свѣтлой съ зеркальными стѣнами комнатъ, служащей вмѣстѣ и спальней, и рабочимъ кабинетомъ императрицы.

Нассау хотѣлъ было что-то замѣтить, но Екатерина снова заговорила съ затаенной горечью:

— Коли своимъ не стыдно, что же съ чужихъ выискивать?! Богъ съ нимъ. Буду впередъ еще осторожиѣе съ людьми... Особливо галльскаго происхожденія!

— Я не рѣшаюсь оспаривать вашего мнѣнія, государыня,—осторожно началъ принцъ,—но все же думается, васъ могли ввести въ нѣкоторое заблужденіе... Можетъ-быть, даже противъ воли, съ самыми лучшими намѣреніями...

— Надѣюсь, свѣтлѣйшій мнѣ зла не пожелаетъ... да иныя тоже. Мнѣ зло—имъ зло. Толкуютъ, что каждый изъ моихъ вельможъ отъ какого-либо изъ дворовъ получаетъ хорошія поминки, если не постоянныя субсидіи. Если бы и такъ. Въ концѣ концовъ, я имъ больше всѣхъ плачу. Мнѣ они и должны служить лучше всѣхъ. Такъ и бываетъ. Помните это, милый принцъ. А пока покончимъ этотъ разговоръ. Торопите съ флотиліей. Если нужно еще денегъ, или чего иного, говорите прямо мнѣ. Я взяла на себя веденіе этой войны. Надѣюсь, что для шведовъ и меня хватить... Подите съ Богомъ...

— Да хранить васъ Господь, государыня.

Когда принцъ уходилъ, Захаръ Зотовъ, одинъ изъ двухъ камердинеровъ, постоянно дежурящихъ за дверью спальни, появился на звонокъ государыни.

Съ самой Екатериной вдругъ произошла мгновенно удивительная перемѣна.

Глаза ея потухли, принявъ блѣдный, сѣроватый оттѣнокъ вмѣсто голубого, имъ обычнаго. Пылающее лицо, какъ будто отъ внутренней затаенной боли, перекосило страдальческой гримасой и оно покрылось морщинами, особенно у рта и воеругъ глазъ. Потерявшіе напряженіе мускулы лица давали замѣтить, что подбородокъ ея, обычно немного выступающій впередъ, можетъ заостряться, какъ у самой дряхлой старухи, даже такой полной, какъ Екатерина.

Даже высокая, налитая еще грудь подъ свободнымъ платьемъ какъ-то сразу ввалилась, подраблѣла.

Сильный нервный подъемъ удивительно молодилъ Екатерину.

Минуту тому назадъ никто не повѣрилъ бы, что этой женщиной недавно исполнилось 60 лѣтъ.

А сейчасъ на ея лицѣ, на всей согбенной, усталой фигурѣ, казалось, яркими знаками проступила далекая дата: 29 мая, 1729 года, день появленія на свѣтъ принцессы Софїи Ангальтъ-Цербстской, которую теперь, уже при жизни, современники, весь цивилизованный мїръ называлъ Екатериной Великой.

— Что съ вашимъ величествомъ? Нездоровится, матушка,—заботливо спросилъ Захарь, взглядъ котораго привыкъ замѣчать малѣйшее измѣненіе въ чертахъ этого давно знакомаго ему лица.—Лѣбаря не позвать ли? Рочерсона?.. Я сейчасъ скажу...

— Нѣтъ, постой... Такъ, обычное у меня... Колика моя подступила. Дай воды... Вотъ и полегчало... Благодарствуй... Отважи тамъ всѣмъ, если ждуть... Довольно на повѣшій день...

— Почитай, никого и нѣтъ. Вяземскій князь одинъ... Я сейчасъ... А къ вамъ, матушка, кого звать? Марью Савишну, можетъ? Въ постельку, можетъ?...

— Нѣтъ... Тутъ еще мяѣ надо... Попроси Анну Нивитишну... Она знаетъ. Ждетъ, поди, у себя. Мы стоварились съ ней... Скажи, прошу ее... Ступай... Успокойся: видишь легче мнѣ...

И новымъ усиленіемъ воли старая, больная женщина заставила себя принять свой почти обычный бодрый, ясный и ласковый видъ.

— Слушаю, матушка... Иду...

Привычный ко всякимъ переменамъ въ этой сложной натурѣ, въ этой царственной артисткѣ, одаренной необычайной способностью: казаться такою, какою она сама хотѣла,—любимецъ ея Захарь вышелъ изъ покоя, незамѣтно

покачивая съдой головой, украшенной пышнымъ, пудреннымъ парикомъ.

* * *

— Ну, что, узнала, Annete? Говори, рассказывай все, прямо. Мнѣ надо знать. Правда это? Правда все, что я слышала?.. Или обносятъ его? Мнѣ надо знать... Говори прямо, не бойся: я спокойна и сильна... Со мной ничего не будетъ...

Такъ засыпала вопросами Екатерина Анну Никитишну Нарышкину, какъ только ея старинная подруга появилась на порогѣ.

— Успокойся. Сейчасъ все скажу, по крайнѣй мѣрѣ, то, что сама знаю. Прошу тебя, не волнуйся, не страдай такъ. Это и меня заражаетъ... Ну, присядь, если можешь. Сюда на диванъ, Вотъ такъ. Ну, а я у твоихъ ногъ. Помнишь, какъ мы часто саживали съ тобою въ наши минувшіе годы... Такъ. Дай руку... Я такъ люблю твои руки. Ни у кого, нигдѣ не видала я такой красивой, нѣжной... такой бархатной и сильной руки... Сейчасъ, сейчасъ... скажу... Не волнуйся. Ничего особенно важнаго нѣтъ. Потому я и не спѣшу. Вотъ теперь лицо твое стало свѣтлѣе. И хорошо. Слушай... Знаешь, какъ это по-русски говорятъ?..

И, до сихъ поръ сыпавшая французской рѣчью, Нарышкина произнесла чистымъ, московскимъ говоркомъ:

— „Нѣтъ вѣстей, добрыя вѣсти“.

— Нѣтъ вѣстей?..—тоже по-русски, чуть-чуть выдавая свое нѣмецкое происхождение отчеканиваніемъ согласныхъ, протяжно по-своему переспросила Екатерина.—Какъ же это, помилуй? А вѣсти были, и весьма не отмѣнные... Слышь, говорятъ...

— Што курь доятъ. Лихъ, молока никто не пилъ... Такъ и тутъ. Со всѣхъ концовъ про Щербатову про княжну

толки. А какъ стали съ самими, со стариками говорить, тѣ и на дыбы. „Да, нѣтъ, да быть не можетъ“.

— Нашли кого пытать... Они не скажутъ. Меня боятся, гнѣва моего. Старики старомодные..

— А, можетъ, и такъ,—незамѣтно наблюдая за Екатериной, согласилась Нарышкина.

Что-то сдержанное замѣчалось въ ея движеніяхъ, словахъ, въ самомъ звукѣ голоса. Какъ-будто она хотѣла приготовить къ непріятному извѣстію старую подругу и вела дѣло такъ, чтобы полегче нанести ударъ.

Въ другое время Екатерина сейчасъ замѣтила бы непривычную манеру подруги. Но теперь, занятая одной жгучей, неотвязной мыслью, она больше прислушивалась къ собственнымъ ощущеніямъ и словамъ, чѣмъ къ чему-нибудь иному.

— Статся можетъ, и права ты,—душенька—протяжно, въ тонъ Екатеринѣ повторила Нарышкина.

— Какъ права? Въ чемъ? Вѣстимо, права... А ты еще споришь.. Съ ней онъ, съ этой змѣей подколодной, съ дѣвчонкой наглою стакнулся.. Меня осмѣяли.. И это имъ такъ не пройдетъ. А ты еще увѣряешь, что нѣтъ ничего.. ты...

— Дай срокъ. Не сбой съ ногъ... Послушай спервоначалу, что я? Въ ту пору и будешь грозой метать... Оно хоть идетъ къ лицу тебѣ, какъ у тебя очи такъ почернѣютъ. Да я не кавалеръ. И безъ того люблю тебя безмѣрно. Договорить-то позволь, душенька.

— Говори. Только я ничему не вѣрю...

— И на томъ спасибо. Много, поди, лѣтъ 40 съ лишнимъ дружбу ведемъ, а такого не слыхала. Видно, шибко заѣлъ этотъ „Кафтапчикъ красный“ вотъ тутъ у тебя?..—И фамильярно Нарышкина дотронулась рукой до груди своей державной подруги.

— Оставь. Что говорить хотѣла? Сказывай. Слушаю я... И не думай вовсе, чтобы ужъ очень онъ мнѣ... Ну, понимаешь.. Вынести того не могу, когда не я первая абшидь даю. Когда по столицѣ и повсюду говоръ пойдетъ: „постарѣла, моль... Прошло, моль, мое время... Вотъ моль“... Да, нѣтъ! быть того не должно...

— И не будетъ. Пріятно, когда слышу рѣчи такія твердыя... Ну, мало ль дури на свѣтѣ? Смазливая рожица княжны приворожила его... Не надолго, поди. Перваго родить, сама рожномъ станетъ. Видала я такихъ, какъ она... Тебѣ ли чета? Хоть и внучкой тебѣ быть можетъ... Только годами и взяла... Да тѣмъ, что, гляди, если правду врутъ: онъ первый къ ней коснулся... Это лестно мужчинѣ... Плодь какой, подумаешь, диковинный... что у каждой дѣвки дворовой въ 13 лѣтъ найдется... Ну, да шутъ съ ними... Пусть лакомятся на здоровье... Меня послушай. Знаешь, душенька... царица ты моя любимая... Твоя радость—моя радость. А всегда я понять плохо могла, что тебѣ въ немъ полюбилось? Вспомни, какъ свѣтлѣйшій съ него портретъ тебѣ показывалъ, сваталъ молодчика, послѣ покойнаго нашего, незабвеннаго, какъ это ловко ты вымолвила: „Рисунокъ хорошъ, да краски неважныя“. А по мнѣ совсѣмъ линялый твой „Красный кафтанъ“... Привыкла къ нему ты, вотъ и все... А то...

— Оставь, молчи... Пустое несешь... И уменъ, и образованъ, не похуже Андрея Шувалова... Собою сколь хорошъ, не слѣва ты, поди... Не люблю, когда лукавятъ. Роду прекраснаго... Отъ корня высокого, отъ Рюрика... Всѣмъ взялъ... И... что отъ тебя таить?... Надоѣлъ бы онъ мнѣ... будь и въ сто разъ лучше, такъ и спустила бы на воду, какъ икону старую... Какъ другимъ приводилось плыть... И „Орлу“ моему... и свѣтлѣйшему, другу неизмѣнному... и прочимъ... А тутъ насупротивъ того. Вотъ, безъ этой

причины, а ужъ у насъ и въ Европѣ толки идутъ: больна я смертельно... Ракъ меня грызетъ, помираю-де совсѣмъ... Поневолѣ, кто не вѣрилъ, вѣрить станетъ, какъ узнаютъ, что люди самые близкіе прочь бѣгутъ... Что одна я... всѣми кинутая, отброшенная...

— Да помилуй, душенька, chere Catherine, побойся Бога... Тутъ же подъ бокомъ молодые люди рѣжутся, стрѣляются отъ страстей своихъ къ тебѣ... А ты говоришь...

— Что еще тамъ? Кто еще... Все твой вздоръ? Слышала я.

— Не слушай, если не охота. Я этимъ не торгую. Знаешь: если и думаю, о твоей только радости... Про тебя, на самомъ дѣлѣ, кто бы не дерзнулъ чего такого помыслить... И самъ, какъ увидитъ, что бросаешь ты его безъ дальнихъ словъ, „кафтавъ этотъ лицялый“...

— Мо чы... Ты опять о ротмистрѣ твоємъ... Объ этомъ съ женскимъ лицомъ... Глаза у него красивые, правда. Я замѣтила... И ротъ пріятный... Даже знаешь, онъ мнѣ чѣмъ-то Александра Димитрича покойнаго, ангела моего, припоминать сталъ... Вѣришь ли?

— Какъ не вѣрить! Лучше еще его. Сила какая, ежели бы ты знала... Что про него рассказываютъ!.. Повторять даже стыжусь. Большой шалунъ... по сердечной части. Неутомимъ ни въ чемъ... А характеръ голубинный. Сынъ такой ибѣжный... почтительный... Братъ рѣдкій. Сестры у него... Просто, онъ имъ матери лучше... Бриллиантъ, а не мужчина... и...

Нарышкина снова перешла на французскую рѣчь:

— Насъ ужъ такъ любить... умираетъ отъ страсти... Я не зря говорю... Даже на свою жизнь покушался. Едва удержали...

— Не вѣрю...

— Ваша воля... А я бы не то повѣрила... Сама бы

такого подыскала молодчика... и зажила бы превесело. А „кафтанчикъ“ за дверь...

— Ахъ, вотъ какъ...

— Разумѣется. Пусть желится, на комъ хочетъ послѣ того. Отъ тебя отставка ему, не тебѣ отъ него...

— Вотъ какъ: женится?! Наконецъ-то выговорила. Правда, значить, жениться онъ собирается. Всѣ ужъ знаютъ? Вотъ куда ты вела?..

— Да, нѣтъ, такъ только...

— Знаю я тебя. Всегда вокругъ да около... Прямо не скажешь. А еще другомъ себя считаешь моимъ. Не вѣрю я и тебѣ ни единого слова... Теперь вижу: въ чемъ дѣло. Помѣшалъ кому-либо графъ. И выдумали всю эту повѣсть... И мнѣ иногo подставляютъ. Полагали, я на свѣжую приманку такъ и накинузъ, мальчика отличу... и отъ себя отгоню человѣка, который нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ безъ пятна здѣсь прожилъ... Все я поняла... Не удастся вамъ ваша затѣя... Я во-время спохватилась. Правда, есть между мной и графомъ полоса сѣрая... Да не вовсе пропасть. Можетъ, и правится ему дѣвчонка.. Не бѣда... Побалуешь съ ней и бросить. Меня не кинетъ. Я себя знаю... И ты меня знать должна... и всѣ вы... Ступай, оставь меня...

Нарышкина съ нескрываемымъ сожалѣніемъ посмотрѣла на свою подругу, повидимому, нисколько не обидясь на упреки и подозрѣнія, брошенные ей въ лицо страдающей женщиной.

Отвѣсивъ глубокій почтительный поклонъ, она направилась къ выходу. Быстрымъ движеніемъ, на какое нельзя было считать способной эту пожилую, грузную женщину, Екатерина кинулась за подругой и остановила ее у самыхъ дверей.

— Постой, погоди... Не сердись... Не уходи такъ... молча... Неужели же ты не видишь, какъ я страдаю?.. Не

смѣйся надо мной... Сама не рада сердцу моему старому, глупому... А не слушает оно ни лѣтъ, ни разума... Только въ немъ и мука, и страда моя... Со всѣмъ умѣю справиться... Все разберу, со всѣмъ справлюсь, если нужда приходится... А вотъ, съ собой не могу... Терлю разумъ... какъ дитя малое становлюсь. Ты знаешь. Ты добрая... ты любишь... Такъ не сердись. Останься. Помоги. Научи, что дѣлать? Помоги, какъ быть?..

И совсѣмъ по-женски, спрятавъ лицо на груди подруги, Екатерина залилась слезами.

— Ждать, одно осталось... Думаю, что недолго ужъ. Больше и сказать ничего не умѣю. Попробуй, сама хорошенько спроси его... Вотъ, хоть нынче... Послѣ обѣда, какъ останетесь вдвоемъ, и приступи къ нему... Пора маску снимать...

— Маску?... Такъ, ты увѣряешь?... Нынче?... Охъ, Анечка, я сколько разъ пробовала. А приступить духу нехватаетъ... Глупыя мы... самыя сильныя женщины, а все же глупыя... Хорошо, я возьму на себя рѣшимость... Я спрошу... Только ты близко будь... Если правда... Если онъ мнѣ скажетъ такъ, прямо... Не знаю, перенесу ли! А надо же узнать... Покончить надо. Теперь такая пора трудная. Враги кругомъ. Людей нѣту... Сама чуть не фуражъ для солдатъ собирать должна.. Тутъ—враги... На югѣ—война. На Западѣ Пруссія кулаки сжимаетъ. Даже придется, того гляди, изъ Польши войска выводить... Царство шатается... Надо весь умъ собрать, всю душу взбодрить... А тутъ сердце мое растерзано, думамъ мѣшаетъ, лишаетъ смысла и памяти... Нельзя такъ. Правда, ждать нечего. Одинь конецъ. Мнѣ мое царство десятка графовъ дороже... Хоть бы и любилъ меня... Хоть бы и на время задурилъ. Надо кончать. Безъ любви безъ всякой, ты права, лучше этого мальчика приблизить. Пусть мѣсто занимаетъ... И спокойнѣй

буду. 27 лѣтъ честно послужила трону... И теперь надо обо всемъ забыть... Рѣшу. Нынче... А ты своего ротмистра готовь. Чтобы не подумаль этотъ зазнайка, что я жалѣть по немъ стану. . Иди... зови мнѣ Козлова... Чесаться... Одѣваться пора... Къ столу время... Выйду, похвалишь меня. Никто не замѣтитъ, что у государыни у всероссійской сердце можетъ, какъ у простой слабой женщины, тесковать и кровью обливагься... Тебѣ спасибо, милая... Сумѣла мнѣ доброе слово, какъ надо, сказать... Зови людей моихъ..

Быстрыми шагами направилась государыня въ свою уборную.

Нарышкина со вздохомъ облегченія послѣдовала за нею.

* * *

Объясненіе произошло въ тотъ же день, послѣ обѣда, и длилось около четырехъ битыхъ часоѣвъ.

Въ семь часоѣвъ графъ Дмитріевъ-Мамоновъ, измученный, блѣдный, вышелъ изъ комнаты Екатерины, поднялся во второй этажъ флигеля, который занималь во дворцѣ, кинулся на диванъ въ кабинетъ и долго такъ лежалъ, мрачный, безмолвный, не пуская къ себѣ никого.

Екатерина съ пылающимъ лицомъ, съ заплаканными глазами, которые даже ципухли отъ слезъ, ввустила къ себѣ Нарышкину, и долго онѣ толковали вдвоемъ.

О сценѣ сейчасъ же сдѣлалось извѣстно всюду во дворцѣ, и, хотя подробностей никто не зналь никакихъ, но догадки, высказанныя съ разныхъ сторонъ, были довольно близки къ истинѣ.

Совершенно неожиданно ровно въ 9 государыня появилась изъ своей спальни и вмѣстѣ съ Нарышкиной быстро прошла въ паркъ, къ свѣтлomu, красивому пруду, брошенному искусной рукой среди обширной зеленой лужайки, отъ которой лучами расходились въ разныя стороны тѣни-

стыя, ровныя аллеи. Причудливо - подстриженныя деревья и кусты, густыя, стѣнной подпята, зеленыя изгороди окаймляли лужайку, какъ живой заборъ... Только темныя пролеты аллей нарушали сплошную зелень оградъ, какъ бы прорывая ихъ своею заманчивой, густѣющей, что ни дальше поглядѣть, темнотою.

Бѣлыя ночи придавали особый, мертвенно-серебристый отблескъ и гладкой поверхности озера, и свѣжей, зеленой листвѣ.

Ночной свѣтъ, разлитый повсюду и не дающій тѣни, настраивалъ на грустный, но въ то же время мирный ладъ.

— Какъ сильно по вечерамъ пахнутъ цвѣты! — замѣтила Екатерина, проходя мимо цвѣтника: — можно подумать, что это — часъ ихъ любви...

— Говорятъ, что такъ оно и есть, ваше величество...

— По вечерамъ?.. Когда сѣло солнце.. Когда тихо... Когда всея заботы отошли... Когда прохладно и легче дышать. А они не глупы, эти цвѣты... — покачивая головой, негромко, какъ-будто разсуждая сама съ собой, сказала государыня.

— Все, что живетъ, цвѣтеть и любить, — все это создано не безъ ума, ma chere!..

— Правда твоя, Аннетъ.

Екатерина глубоко вдохнула и онѣ медленно двинулись вдоль пруда.

На одномъ изъ поворотовъ, когда веселый, подстриженный, густой кустарникъ вдругъ раздвинулся, открывая видъ на озеро, онѣ совсѣмъ близко передъ собой различили на скамейкѣ темную фигуру сидящаго мужчины, военнаго.

Онъ былъ погруженъ въ глубокую думу и, казалось, не слышалъ, не замѣчалъ приближенія государыни и ея спутницы.

Екатерина готова была свернуть въ сторону, чтобы не видѣть чужого, посторонняго лица и самой не показаться въ такомъ разстроенномъ видѣ, какъ была сейчасъ.

Но Нарышкина, словно не понимая ея намѣренія, спокойно подвигалась по аллеѣ, не выпуская руки подруги, какъ держала ее раньше.

Шагахъ въ пяти-шести отъ скамьи, куда привела обѣихъ аллея, онѣ очутились почти лицомъ къ лицу съ сидящимъ.

Это былъ Платонъ Зубовъ, блѣдный, мечтательный.

Глаза его были опущены, словно на днѣ пруда, который былъ у его ногъ, лежала какая-то великая загадка, поставленная ему для разрѣшенія.

Шорохъ шаговъ по аллеѣ вывелъ его, наконецъ, изъ задумчиваго оцѣпенѣнія.

Узнавъ обѣихъ дамъ, ротмистръ вскочилъ, вытянулся, отдавая честь, и, въ то же время, словно противъ воли, взглядъ его, болѣе, чѣмъ это предписано артикуломъ, впился въ лицо государыни.

Взглядъ Екатерины невольно скрестился съ этимъ жаднымъ, горящимъ, какъ показалось ей, взглядомъ.

Что-то давно знакомое, пріятное напомнилъ и всколыхнулъ въ ней этотъ упорный, наивно-дерзкій, хотя и полный почтительнаго обожанія, взглядъ.

И сейчасъ-же онъ потухъ, опустился внизъ, какъ-будто не вынесъ отвѣтнаго взора, брошеннаго ему помимо воли этой неувядающей очаровательницей, Семирамидой Сѣвера, по словамъ друзей.. Мессалиной новыхъ дней, по отзыву завистниковъ, враговъ и клеветниковъ.

Ласково, привѣтливѣе обыкновеннаго кивнувъ головой молчаливому мечтателю, Екатерина прошла мимо своей твердой, величавой походкой.

И, не оборачиваясь, не видя, она ясно чувствовала на

себѣ, на плечахъ, на кончикѣ уха, вдругъ зардѣвшагося отчего-то, все тотъ же упоительный, жадный взглядъ красивыхъ, большихъ, бархатныхъ глазъ.

— А знаешь, онъ совсѣмъ недуренъ собой, — послѣ долгаго молчанія бросила она Нарышкиной, словно мимсходоужь.

— Такъ всѣ говорятъ, — отозвалась та, давно уже ожидавшая этихъ именно словъ.

И снова въ молчаніи обѣ пошли онѣ дальше...

Десять ударовъ протяжно и звонко пронеслись надъ озеромъ, улетѣли въ эту ночную, причудливо-свѣтлую даль.

Молча направилась Екатерина къ своему флигелю, прстилась съ Нарышкиной и вошла къ себѣ.

А Нарышкина, вмѣсто того, чтобы внутренними переходами пройти на отведенную ей половину, снова показалась въ паркѣ, какъ бы желая еще побродить въ старомъ саду, подъ развѣсистыми, вѣковыми липами, освѣняющимъ тутъ дворцовые флигеля.

И слова ей встрѣтился Зубовъ, какъ-будто поджидающій свою покровительницу.

— А, вы не пошли на покой? Не спится, Платонъ Александровичъ? Съ чего это? Въ наши годы бессонница — еще понятная вещь, — протягивая руку ротмистру, насмѣшливо заговорила Нарышкина. — А вамъ, молодымъ людямъ... Интересно, какая муха васъ пикировала? Говорите...

Зубовъ, почтительно прижавъ къ губамъ теплую, еще красивую руку придворной затѣйницы, многое состряпаншей и разладившей на своемъ вѣку, мягкимъ, негромкимъ голосомъ, по своему обыкновенію, заговорилъ:

— Развѣ можно уснуть?! Дивная пора... *Primaver — gioventu del anno...*

— *Gioventu primaver della vita...* Bravo, вы и это

знаете?! Совѣтъ молодецъ. Не даромъ сѣйчасъ государыня такъ лестно отозвалась о нашемъ маленькомъ ротмистрѣ... *Avanti, sempre avanti!* Теперь, либо никогда... Слышали, какая была сегодня продолжительная баталія?

— Говорять во дворцѣ. Никто толкъ не знаетъ, въ чемъ суть?

— Особенно нечего и знать... Онъ не глушь, какъ оказывается. Не даетъ ей напасть. Первый дѣлаетъ вылазки. О княжѣ ни слова. Бойтся, чтобы въ припадкѣ гнѣва она не рѣшилась на что-нибудь ужасное. Надѣ бы его успокоить, что наоборотъ: откровенность пробудитъ въ ней великодушіе. А онъ вмѣсто того толкуетъ о своемъ раскаяніи. Его положеніе фаворита заставляетъ-де краснѣть такого безупречнаго дворянина, какъ графъ Димитріевъ Мамоновъ... И прочее и прочее.

— Дерзкій глупецъ!..

— Вотъ, вотъ. И я полагаю то же самое... Но, мужайтесь. Вы замѣчены. Съ нимъ дѣло начато... Шаръ покотился съ горы и остановить его ужъ нельзя. Не нынче-завтра наступитъ рѣшительная развязка. Я государыню знаю... Хотя немного и моложе ея...

— О, вы...

— Безъ лести и комплиментовъ... Я ревную за нее даже къ себѣ самой... Да-да, помните: мы очень ревнивы. Будьте осторожны всегда и во всемъ.. Ну, вотъ, я вамъ почти все и сказала.. Мы у дверей моихъ покоевъ.. Благодарю васъ. Доброй ночи, Платонъ Александровичъ.. Спите спокойно... Кстати: князь Вяземскій тоже какъ-то ввернулъ словечко за васъ. Про Салтыкова ужъ и говорить нечего. Признаться, у васъ хорошая спека.. А мы къ этому прислушиваемся. Кого всѣ хвалятъ, — значить стоитъ похвалъ.. Такъ думаетъ государыня.

— А вы, Анна Никитишна? Я хотѣлъ бы знать, какъ вы?..

— А мнѣ?.. Нравится тотъ, кто... мнѣ нравится...
Et voila tout... Доброй ночи. Не блѣднѣйте: вы мнѣ тоже нравитесь... Спите сладко... Пусть вамъ грезится то, что должно скоро сбыться... влюбленный Адонисъ!.. Ха-ха-ха!

И Нарышкина скрылась за своей дверью, оставивъ Зубова въ какомъ-то непонятномъ для него состояніи, гдѣ ожиданіе, надежда и полное отчаяніе тѣсно переплетались между собою въ трепещущей, возбужденной душѣ.

* * *

По воскресеньямъ особенно шумно и людно бываетъ во дворцѣ и въ паркѣ Царскаго Села.

Государыня изъ церкви проходитъ въ большой залъ, куда собираются всѣ, кто имѣетъ право пріѣзда въ эту лѣтнюю резиденцію.

Великій князь Павелъ Петровичъ съ Маріей Θεодоровной, раньше часто посѣщавшіе государыню, теперь по долгу „службы“, такъ сказать, являются въ воскресные и праздничные дни съ лицами ближайшей свиты на поклонъ къ императрицѣ.

А паркъ наполняется самой разнообразной, мѣстной и столичной, публикой, которую привлекаетъ желаніе хотя бы издали увидѣть любимую государыню.

Стѣсненій, охраны особой не полагается никакой.

Именно теперь, когда во Франціи кипитъ революціонный котелъ, когда и въ сѣверную столицу допеслись темныя вѣсти о подготовляемомъ покушеніи на Екатерину, она не позволяла принять какихъ-либо чрезвычайныхъ мѣръ.

Генераль-адъютантъ Пассекъ, дежурящій во дворцѣ, приказалъ было только удвоить караулы. Но государыня узнала и велѣла все отиѣнить.

— Богъ и мои дѣла, любовь моего народа—вотъ что

охранить меня лучше сотни бравыхъ гренадеровъ съ ружьями!—улыбаясь, замѣтила она огорченному Пассеку.

И восторгъ, всколыхнувшій его грудь, смѣшался съ чувствомъ неяснаго опасенія, не ушедшаго сразу изъ недо-вѣрчивой души.

Несмотря на воскресный день и всѣ волненія минувшаго дня, Екатерина проработала обычнымъ порядкомъ со своими секретарями, приняла очередные доклады, теперь, по случаю войны со шведами и турками имѣющіе особую важность.

Послѣднимъ занялъ свой стулъ за вырѣзнымъ столомъ противъ государыни ея любимый статсъ-секретарь А. В. Храповицкій.

Семья Храповицкихъ издавна имѣла прочныя связи съ русскимъ дворомъ по отцу, служившему лейбъ-кампанцемъ при покойной императрицѣ Елисаветѣ, но еще больше съ женской стороны.

Мать самого Храповицкаго была дочерью Елены Сердюковой, побочной дочери Великаго Петра, которую царь пристроилъ за одного изъ своихъ приближенныхъ.

Такимъ образомъ, Храповицкій отъ рожденія считался не только въ ряду постоянныхъ слугъ, но даже „свойственникомъ“ Елисаветы Петровны и пріемниковъ ея.

Кромѣ того, многочисленныя связи и матеріальный достатокъ дали возможность юношѣ избрать себѣ любой родъ службы при дворѣ.

По обычаю той поры, онъ началъ съ военной карьеры, затѣмъ перешелъ на гражданскую службу. Вездѣ проявилъ врожденный тактъ, необычайную мягкость, вѣроятно наслѣдіе предка-поляка, своего прадѣда, но выдвинуться нигдѣ не успѣлъ. Отчасти причиной служило полное отсутствіе у Храповицкаго честолюбія въ его высшемъ смыслѣ.

Затѣмъ его лѣнивая натура славянина, въ связи съ

какой-то болѣзненной склонностью къ грубому пьянству и разврату, главнымъ образомъ, остановила быстрые сначала успѣхи Храповицкаго по службѣ и даже въ литературѣ, гдѣ онъ пробовалъ силы, выступая довольно удачно.

Эта самая литературность и доставила ему прочное и очень почетное положеніе „статсъ“ секретаря, удобное именно тѣмъ, что отнимало очень мало времени, давая возможность жить такъ, какъ хотѣлось этому странному человѣку.

Ихъ двое было такихъ „чудаковъ“ при екатерининскомъ дворѣ: онъ и Безбородко.

Графъ священной имперіи, государственный канцлеръ, одинъ изъ первыхъ богачей, Безбородко, такъ же полякъ происхожденіемъ, какъ и Храповицкій, 15 лѣтъ тому назадъ быстро выдвинулся при Екатеринѣ, благодаря своей сметкѣ, гибкости и умѣнью ловить моментъ. Злые языки даже толковали, что Екатерина, несмотря на грубоватую наружность молодого секретаря, на короткое время приблизила его было къ себѣ, какъ и многихъ иныхъ, но мѣста фаворита онъ не получилъ. Въ этомъ отношеніи, очевидно, дарованія его не соответствовали важности положенія.

Прозванный въ юности „хохлому“ за свою простоватую внѣшность и сильный малорусскій говоръ, Безбородко остался неизмѣненъ и на высотѣ.

Распутный, обжора, пьяница, содеража настоящій гаремъ, Безбородко, какъ это знали всѣ, по субботамъ уходилъ изъ своего богатаго дворца, одѣтый простымъ обывателемъ, съ сотней рублями въ карманѣ, и въ самыхъ грязныхъ притонахъ пьянствовалъ и развратничалъ до понедѣльника утра.

Затѣмъ возвращался домой, гдѣ короткій сонъ и холодныя ванны возвращали ему все самообладаніе и важный видъ вельможи.

Такъ же, по странному совпаденію, поступалъ и Храповицкій.

Кончалось его дежурство во дворцѣ, не предвидѣлось дѣлъ, по которымъ государыня могла бы вызывать его не въ урочное время, и Храповицкій отводилъ душу, посѣщая самые грязные притоны столицы, гдѣ не разъ въ пьяномъ видѣ затѣвалъ даже драки, рискуя быть искалѣченнымъ, если не убитымъ на мѣстѣ.

Всѣ передавали случай, когда явился къ Храповицкому утромъ какой-то посѣтитель и обомлѣлъ.

Наканунѣ, въ притонѣ пришлось ему въ ссорѣ избить пожилого толстяка съ наглымъ лицомъ, по пьяному дѣлу буянящаго и оскорбляющаго другихъ.

Взглянувъ утромъ на Храповицкаго, въ рукахъ котораго находилось важное дѣло, касающееся просителя, послѣдній узналъ въ сановитомъ вельможѣ вчерашняго пьянаго толстяка. Сомнѣваться нельзя было уже потому, что на лицѣ его, замазаные, покрытые пластырями, сохранились явные слѣды ночного побоища.

Добрый по душѣ, Храповицкій ласково принялъ вчерашняго обидчика, какъ-будто никогда съ нимъ не сталкивался, и рѣшилъ его дѣло какъ только могъ лучше.

Стоя внѣ всякихъ партій, увѣренный въ своемъ личномъ положеніи, Храповицкій не интриговалъ, не подкапывался ни подъ кого изъ окружающихъ, напротивъ, былъ со всѣми въ хорошихъ отношеніяхъ, хотя и не старался услужить никому изъ враждующихъ между собой придворныхъ и фаворитовъ.

За нимъ не примѣчали и другого, общаго для всѣхъ грѣха—лихоимства.

— Готова дать на сожженіе руку, что Храповицкій взятюкъ не беретъ,—сказала о немъ какъ-то государыня, которая хорошо знала всѣхъ своихъ приближенныхъ съ ихъ достоинствами, недостатками и грѣшками.

Поэтому Храповицкій долгое время пользовался осо-

бымъ довѣриемъ Екатерины. Совсѣмъ подѣ конецъ ея жизни умному придворному пришлось сломить себѣ шею на самой, казалось бы, безобидной вещи.

Ежедневно для потомства записывалъ Храповицкій все, что слышалъ во время своихъ докладовъ отъ императрицы.

Въ правдивую запись онъ не вносилъ ничего отъ себя: ни мыслей, ни соображеній, ни личныхъ чувствъ. Какъ въ зеркалѣ, отразилась тутъ одна сторона жизни этой сложной женщины, желающей всегда и во всемъ остаться госпожей, испытывать другихъ, а не служить предметомъ изученія.

Узнавъ о „записяхъ“ челоѣка, котораго она считала простымъ инструментомъ въ своихъ искусныхъ рукахъ, Екатерина постепенно отдалила отъ себя тайнаго наблюдателя, или соглядатая, какъ она рѣшила, который, можетъ-быть, передастъ будущимъ поколѣнїямъ не то именно, что она сама рѣшила сказать о себѣ...

Это случилось потомъ... Теперь же, въ 1789 г., Храповицкій еще пользовался полной довѣренностью и близостью къ императрицѣ.

По общему мнѣнїю, онъ того вполне заслуживалъ.

Толстый, немолодой, страдающій одышкой, онъ проявлялъ юношескую легкость и изворотливость ужа, когда этого требовалось, чтобы услужить государынѣ.

Словомъ, въ немъ Екатерина шла идеальнаго, образованнаго, умнаго, неподкупнаго секретаря-лакея, то именно, чего искала и въ своихъ сановникахъ и даже въ большинствѣ фаворитовъ, которыхъ называла „своими воспитанниками“...

Въ числѣ другихъ обязанностей Храповицкій докладывалъ Екатеринѣ о болѣе важныхъ и занимательныхъ открытїяхъ, какія дѣлалъ петербургскій „черный кабинетъ“, занимаясь очень успѣшно „перлюстраціей“, какъ это называлось тогда.

Переписка иностранныхъ пословъ, посылаемая по почтѣ,

какъ и письма своихъ сановниковъ, почему-либо заподозрѣнныхъ, или интересующихъ государыню, все это осторожно вскрывалось, съ болѣе интересныхъ снимались цѣликомъ или частично точныя копи, послѣ чего письмо снова тщательно запечатанное, отправлялось по назначенію.

Такой шпіонажъ, въ связи съ изданіемъ „Санктъ-Петербургскаго Вѣстника“, замѣняющаго позднѣйшее „Освѣдомительное Бюро“, позволялъ не только узнавать настоящее общественное мнѣніе, и „создавать“ его, или, по крайней мѣрѣ направлять, по возможности, въ сторону, пріятную и желательную для Екатерины и ея политики, внутренней и вѣшной, отчасти.

— Сегодня, видать, не особый уловъ,—съ обычной ласковой улыбкой замѣтила Екатерина, когда Храповицкій доложилъ ей число и содержаніе писемъ, копи съ которыхъ лежали у него наготовѣ, въ портфель.—Все старое... Жалобы на насъ, недовольство Россіей... ея управленіемъ, правами, климатомъ... Да, ради Бога, кто же тянетъ сюда всѣхъ силой? Смѣшной народъ. Каждый долженъ устраиваться, какъ можетъ лучше по своимъ силамъ и умышку... И мы такъ дѣлаемъ. Въ чемъ же бѣда? Покуда, не глядя на многія невзгоды, мое маленькое хозяйство идетъ себѣ кое-какъ, безъ особаго урона и вреда. Надѣюсь на лучшее впереди. А они пускай себѣ лаютъ... Постой, дай-ка сюда еще письмо француза... графа нашего...

Быстро нашелъ и подаль Храповицкій листокъ, на которомъ было скопировано послѣднее посланіе версальскаго посла, графа Сегюра къ Ла-Файету, въ Парижъ.

— Тоже человѣкъ весьма мало понятный... Что писать! Поздравляетъ со вступленіемъ на столь опасный, бунтовщицкій путь... И кому,—столь ярому честолюбцу и открытому якобинцу, де-ла-Файету?... Можетъ ли такъ писать королевскій посолъ? Скажи прямо твое мнѣніе.

— Думается, это безъ всякой дурной мысли, ваше величество. Они же и кузены.

Екатерина быстрымъ взглядомъ окинула секретаря.

Тотъ глядѣлъ ей прямо въ лицо своими добрыми, заплывшими глазами.

— Пожалуй, ты и правъ. Дѣло проще, чѣмъ я полагала. Хотя графомъ я вообще не очень довольна. Мало ли тыкала я ему въ глаза лучшими правилами французской старой доблести, рыцарскимъ обычаемъ. А онъ сталъ лукавить съ нами... Я во-время смѣтила.

— А что касается господина Фаэта... Король сдѣлалъ промахъ. Ничѣ тамъ не умѣютъ пользоваться распоряженіемъ умовъ. Этого Фаэта, на мѣстѣ короля, я, какъ явнаго честолюбца и знатнаго родомъ, взяла бы къ себѣ. Сдѣлала бы своимъ защитникомъ противъ враговъ Змѣтъ, что и дѣлала здѣсь, у насъ съ моего вѣшества..

— И звѣзда отъ звѣзды разиствууетъ, государыня.

— А, вотъ какъ... Благодарствуй на похвалѣ. Но то помни: я—только женщина. Онъ же—король мужъ. О, если бы вмѣсто этихъ юбокъ имѣла я право природное носить штаны! Я была бы въ силахъ за все въ царствѣ отвѣтить... Какъ ни велика наша держава.. Управляютъ, слышь, и глазами и рукой... Какъ Петръ, какъ ине... А у женщинъ есть лишь уши. Да и тѣ золотомъ занавѣшаны порою... либо иной женской слабостью. Какъ скажешь?

— Взгляните, государыня, на дѣла свои. Они громче моего отвѣчаютъ и вамъ самимъ, да и міру цѣлому..

— Э, ты, толстякъ... тонкимъ льстецомъ сталъ. Гдѣ это научился, говори? Не отъ французовъ ли, что за ихъ стоишь? Гляди! *Je vous tuega avec un morceau du papier!*

И быстрымъ, какимъ-то дѣвически-шаловливымъ жестомъ, свойственнымъ ей одной, Екатерина слегка коснулась выдающагося живота Хразовицкаго свернутымъ лист-

комъ, всторый держала въ рукѣ, засмѣявшись при этомъ громкимъ, сбъчнымъ смѣхомъ.

— Ха-ха-ха. Мертвъ... мертвъ, государыня... Ужъ и отпѣтъ совершенно,—сдержанно почтительно вторя хохоту императрицы, отозвался осчастливленный милой шуткой секретарь.

— Болѣ нѣтъ ничего,—быстро принимая дѣловой тонъ, спросила Екатерина.—Ступайте съ Богомъ. Буду рада видѣть васъ нынче у себя за столомъ. Идите.

Храповицкій почтительно коснулся губами протянутой ему полной руки, на что государыня отвѣтила легкимъ пожатіемъ.

— Въ приѣмной принцъ, его высочество, Зигенъ-Нассаускій ждетъ, проситъ дозволенія войти,—доложилъ Захаръ, пропустивъ за дверь Храповицаго.

— Принцъ? Что больно часто? Новыя дѣла, видно. О чемъ вчера было сказано, не успѣла я еще ему сострапать... Да, видно, надо, коли пришелъ... Есть еще минутка. Зови. Пускай...

— Что скажете?—отвѣчая ласковымъ поклономъ на почтительный привѣтъ принца, спросила Екатерина, стоя посреди комнаты и тѣмъ давая знать, что свиданіе не можетъ быть продолжительнымъ.—Что-нибудь новенькое? Дурное? Хорошее? Въ чемъ дѣло, принцъ?

— Я отъ Сегюра, государыня.

— Отъ Сегюра... Что нужно Сегюру отъ меня?

Молча принцъ передалъ Екатеринѣ большого формата конвертъ, запечатанный гербомъ французскаго посла.

На конвертѣ была написана только одна строка:

„Не императрицѣ, а Екатеринѣ Второй“.

— Что такое? Что это значить?—съ неподдѣльнымъ изумленіемъ произнесла она и быстро вскрыла конвертъ.

Изумленіе еще увеличилось. Тамъ лежала подлинная

депеша, очевидно, сегодня лишь доставленная курьеромъ Сегюру изъ Константинополя отъ тамошняго посла Франціи, Шуазеля.

Большихъ два листа, исписанные условнымъ рядомъ цифръ и знаковъ, были дешифрованы рукою Сегюра. Между строкъ онъ вписалъ буквы азбуки, соответствующія цифрамъ секретнаго письма, и эти буквы составили точный, понятный переводъ всей депеши.

Съ жаднымъ, нескрываемымъ интересомъ Екатерина заскользила глазами по двойнымъ строкамъ, слегка даже раскачиваясь всѣмъ тѣломъ, кивая головой, словно подчеркивая движеніями то, что открывала въ депешѣ.

— Боже мой!.. Вотъ оно что, — вырвалось невольно вполголоса у нея.

Нассау осторожно отступилъ назадъ, какъ бы желая уйти за дверь, спиною къ которой онъ стоялъ.

— Ради Бога, принцъ, не уходите отъ меня ни на одну минуту! — живо остановила его государыня. — Вы же видѣли надпись на конвертѣ. Неужели вы не поняли ее? Вы знаете, что онъ посылаетъ мнѣ? Подлинную шифрованную депешу и сверху переводъ. Стоитъ мнѣ самой, или кому-нибудь списать отсюда двѣ параллельныхъ строки — и весь ключъ посольской ихней переписки будетъ въ рукахъ у насъ. Вы должны видѣть, что я не сдѣлала того. Вы подтвердите это графу... Одну минуту. Я не задержу васъ... Сейчасъ прочту...

Принцъ, хорошо понимающій, въ чемъ дѣло, какъ умный и ловкій придворный, принялъ слова Екатерины, какъ вѣчто новое для себя, какъ откровеніе. На лицѣ его выразилось удивленіе, отчасти искусственное, отчасти искреннее.

На мѣстѣ Екатерины рѣдко кто другой поступилъ бы такъ безупречно.

Онъ не зналъ одного: шифръ французской дипломатической переписки былъ отчасти извѣстенъ русскимъ министрамъ и ей самой...

— Нѣтъ, слушайте... слушайте, что пишетъ Шуазель... Оказывается: англичанинъ и пруссакъ безбожно обманывали меня. Здѣсь они увѣряютъ, что стремятся установить миръ, уговариваютъ султана пойти на уступки... Готовы оказать намъ всякую добрую услугу и содѣйствіе... А тамъ, въ Портѣ... Слушайте, что тамъ вытворяютъ англійскій и прусскій повѣренные по приказанію своихъ дворовъ! Они возбуждаютъ турка противъ меня... Обѣщаютъ султану всякую поддержку... Смотрите, что они позволяютъ себѣ въ своихъ донесеніяхъ: „Русская императрица совѣмъ одряхла. Войскъ нѣтъ. Казна опустѣла и послѣдніе рубли уходятъ на подарки молодымъ, красивымъ офицерамъ ея гвардіи, которые имѣютъ счастье привлечь взоръ этой полуразвалины“... Нѣтъ, слушайте... слушайте! Можете сами судить, правда ли это! Но какъ смѣютъ они. Такая ложь... такая низость... Еще лучше: „Страна вся въ броженіи. Полки отказываются выступать въ походъ... Наслѣдникъ располагаетъ не только сильной дворцовой партіей, но любовью всего народа и войска... Не нынче—завтра переворотъ, сходный съ тѣмъ, какой устроила сама Екатерина четверть вѣка назадъ, дастъ новое направленіе политикѣ Россіи, если только въ этомъ государствѣ есть что-либо похожее на настоящую, народную политику.

Продажность первыхъ чиновъ государства... тяжесть налоговъ... темнота народа... Распутство самой...“ Hundert Teufel!..

Екатерина не дочитала и едва сдержалась, чтобы не скомкать, не изорвать листковъ.

— Ну, я имъ дамъ себя еще знать... Благодарна графу Луи за его откровенность и довѣріе. За то уваженіе

ко мнѣ, которое доказано этимъ довѣріемъ. Я заслуживаю его. Графъ меня понялъ.

Овладевъ окончательно собою, Екатерина аккуратно сложила листки и подала ихъ привцу.

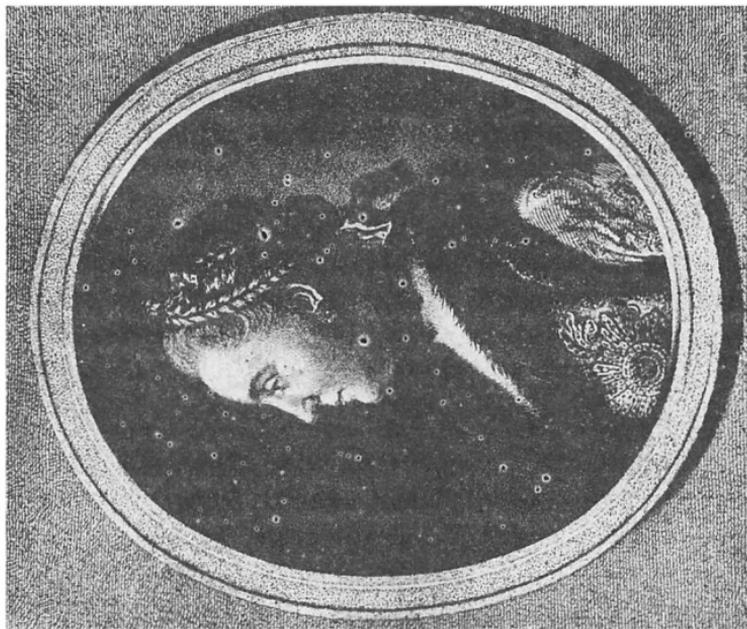
— Скорѣе передайте ихъ обратно Сегюру. Скажите: я никогда въ жизни не забуду этого великодушнаго поступка... Скажите ему... Постойте, гдѣ, когда вы получили отъ него конвертъ? Почему онъ далъ его именно вамъ?

— Дѣло просто, государыня. Намъ случайно пришлось нынче ѣхать сюда вмѣстѣ. Какъ доброму пріятелю, я открылъ ему все, что зналъ о справедливомъ негодованіи вашего величества на дѣйственные поступки берсальскихъ министровъ. Онъ сталъ возражать. Указалъ на вѣскольکو лицъ, которые, по его мнѣнію, стараются умышленно сорить ваше величество съ министрами короля... И тутъ же, въ доказательство своей правоты, въ подтвержденіе правдивости выдержекъ, какія онъ даетъ русскимъ министрамъ, вынулъ и передалъ мнѣ для вашего величества настоящую депешу. Конвертъ нашелся здѣсь. А печать свсю графъ всегда носилъ при себѣ.

— Точно, ясно и просто, но полно смысла и силы, какъ все, что исходитъ отъ героя, моего милого принца! Такъ, Сегюръ здѣсь? Рада. Передайте ему... Нѣтъ... Прощу васъ, ни слова. Такъ же молча отдайте графу пакетъ, какъ вручили его мнѣ. Словесную часть приключенія предоставьте мнѣ. Можно, принцъ?

— Приказывайте, государыня. Въ преданности и скромности моей вы не должны сомнѣваться.

— И не усомнюсь никогда, Богъ—свидѣтель. Идите съ Богомъ. До свиданія, за столомъ.

ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ.

— Добрый день, графъ! Какъ поживаете? Какія вѣсти изъ Версаля, съ вашей родины? Я очень рада васъ видѣть у себя!

Такъ съ ласковой, привѣтливой улыбкой обратилась Екатерина къ первому Сегюру, когда передъ обѣдомъ вышла въ большой пріемный залъ, переполненный придворными, членами посольствъ и личной свитой государыни.

Если бы граната вдругъ разорвалась среди всей богато-разодѣтой толпы, общее изумленіе, даже испугъ, пожалуй, были бы не больше того, какой сейчасъ отразился на лицахъ.

Уже нѣсколько времени, какъ Екатерина, подъ вліяніемъ разныхъ слуховъ и внушеній со стороны близкихъ своихъ совѣтниковъ, совершенно охладѣла, сразу отвернулась отъ французскаго дипломата. Враги Франціи, прусскій и англійскій полномочные министры, пользовались самымъ ласковымъ вниманіемъ и заранѣе учитывали выгоды, какія можетъ принести это лондонскому и берлинскому дворамъ.

Екатерина хорошо замѣтила впечатлѣніе, произведенное ея словами, дружескимъ жестомъ, съ которымъ она подала руку Сегюру для поцѣлуя.

Сегюръ, умный и опытный дипломатъ и придворный, желая еще больше подчеркнуть соль настоящаго положенія мнимой своей скромностью, негромко, но очень внятно проговорилъ:

— Что мнѣ сказать, государыня? Разъ вы такъ внимательны и интересуетесь дѣлами моей родины, — Франція можетъ быть спокойна, какія бы тучи ни омрачали ея южныя голубыя небеса.

— Болтунъ, краснобай! — не выдержавъ, буркнулъ грубоватый пруссакъ-посоль лорду Уайтворту, своему сосѣду и тайному единомышленнику.

Екатерина разслышала и узнала голосъ, хотя и не разобрала словъ.

Живо обернулась она къ двумъ неразлучнымъ за послѣднее время дипломатамъ и слегка повышеннымъ, дѣланно-любезнымъ тономъ произнесла:

— Впрочемъ, что я... Вотъ гдѣ надо искать послѣднихъ вѣстей, все равно, о своей или о чужой землѣ. Въ Пруссіи и Англіи знаютъ все лучше другихъ... И самую сокровенную истину... Не такъ ли, лордъ? А какъ по вашему, графъ Герцъ?

Отъ волненія и злобнаго возбужденія зрачки у нея расширились, наполнили почти весь глазъ, такъ что глаза императрицы стали казаться не голубыми, а черными. Гордо вскинувъ голову, съ напряженной, ытянутой шеей, сдержанно-гнѣвная и величественная, она вдругъ словно выросла, стала выше цѣлой головой на глазахъ у всѣхъ.

Опасаясь неловкимъ словомъ усилить еще больше неожиданное и непонятное для нихъ раздраженіе, оба дипломата молчали, выжидая болѣе благопріятной реплики и минуты для отвѣтовъ.

Но Екатерина и не ждала никакого отвѣта.

— А, можетъ-быть, по законамъ дипломатической войны нельзя говорить того, что знаешь, а надо оглашать лишь то, чего нѣтъ? Значить, я ввожу васъ во искушеніе своими вопросами. Прошу извиненія. Мы, сѣверные варвары, еще такъ недавно стали жить съ людьми заодно... Намъ еще многое прощительно... Не такъ ли, лордъ? Вы, конечно, согласны, графъ? Мы, русскіе, напримѣръ, очень легковѣрны... Читаемъ ваши печатные листки, разныя „Гамбургскія“ и иныя вѣдомости, и думаемъ, что тамъ все—истина... Вѣримъ даже устнымъ вракамъ и сплетнямъ... Знаете ли, г. Герцъ, у насъ вѣрятъ такой нелѣпости, что молодой прусскій король вовсе не похожъ ни умомъ, ни дѣлами, ни королевскимъ своимъ словомъ на покойнаго великаго государя... Допускаютъ, что онъ способенъ упо-

каивать насъ дружескими обѣщаніями, а самъ готовится съ Польшей ради враждебной намъ Швеціи, на радость невѣрнымъ Оттоманамъ, съ третьей стороны ударить на рускія владѣнія, поразить грудь нашей земли, благо руки у насъ въ иныхъ мѣстахъ заняты... Мы, конечно, не допускаемъ, не можемъ допустить подобнаго вѣроломства... Не вѣримъ и тому, что у прусскаго короля совѣтники и слуги способны ради личныхъ выгодъ дѣйствовать въ ущербъ интересамъ родины, подвергать опасности сосѣднюю, дружелюбную, могущественную державу, съ которой придется еще не одинъ фунтъ соли съѣсть... Мы не вѣримъ, что такіе дурные, вредные...

— Жаль, расходилась наша матушка,—вдругъ услышала Екатерина недалеко за своей спиной знакомый голосъ Храповицкаго, который давно съ волненіемъ и страхомъ глядѣлъ на ея лицо, пылающее и властное, съ опасеніемъ ловилъ потокъ справедливыхъ, но неумѣстно высказанныхъ упрековъ и колкостей. Рискаю обратить на себя гнѣвъ государыни, онъ все-таки произнесъ вполголоса приведенное замѣчаніе.

Сказалъ и окаменѣлъ отъ страха, въ ожиданіи того, что теперь будетъ.

Мгновенно умолкла Екатерина.

Наступило короткое, но тяжелое, почти зловѣщее молчаніе, совершенно необычное въ подобныхъ сборищахъ при этомъ дворѣ...

Взоры всѣхъ, прямо или исподтишка, были устремлены на Екатерину.

И почти мгновенно, подъ всѣми этими взорами, какъ и въ своемъ кабинетѣ, государыня какимъ-то неувидимымъ приказомъ, даннымъ самой себѣ, вся преобразилась. Глаза посвѣтлѣли, лицо приняло обычный, улыбающійся видъ, пурпурный румянецъ смѣнился обычной легкой окраской щекъ, которая и въ 60 лѣтъ не измѣняла императрицѣ.

Какъ бы для большой силы впечатлѣнія, государыня съ самымъ добрымъ видомъ обратилась къ своимъ внукамъ, стоящимъ вдали, въ ожиданіи, пока ихъ позовутъ:

— А, вы уже здѣсь, дѣти мои. Подойдите... Я и не замѣтила васъ сразу... Я потомъ, г. Герцъ... Мы послѣ докончимъ этотъ разговоръ, не правда ли, сэръ?—холодно, но любезно обратилась она къ двумъ дипломатамъ, вопреки ихъ навыку, обращеннымъ въ двѣ безмолвныхъ статуи.

Кивнувъ обоемъ въ отвѣтъ на низкій поклонъ, она занялась обоими внуками, Александромъ и Константиномъ, рослыми не по годамъ, изъ которыхъ старшему было 11, а младшему—шелъ 10-й годъ.

И ни слова, ни взгляда въ сторону Храповицкаго, который такъ и стоялъ ни живъ, ни мертвъ.

Только послѣ обѣда, когда всѣ приглашенные разбились на кучки, разбрѣдясь по разнымъ угламъ столовой и сосѣднихъ покоевъ, даже на террасъ,—Екатерина, весело шутившая и болтавшая во время обѣда, подошла къ своему смѣлому секретарю съ чашкой кофе въ рукахъ.

— Вы здѣсь... Я должна вамъ сказать... Вы принуждаете меня замѣтить...—Она заговорила негромко, но голосъ звучалъ сильно, дрожалъ и прерывался отъ гнѣва. Лицо снова покраснѣло. Чашка ходуномъ заходила въ рукахъ.

— Ваше превосходительство, вы слишкомъ дерзки, что осмѣливаетесь давать совѣты, каковыхъ у васъ не просятъ... Понимаете!..

Чашка едва не упала на полъ. Екатерина быстрымъ движеніемъ поставила ее на сосѣдній столъ и, кинувъ растерянному, уничтоженному человѣку коротко и властно: „Можете идти къ себѣ“, отошла отъ него быстрыми шагами, не давая даже окружающимъ возможности уяснить себѣ, что произошло сейчасъ между преданнымъ, старымъ слугой и императрицей.

Графъ Сегюръ, очень довольный своей удачей, разговаривалъ, присѣвъ за отдѣльнымъ столомъ, съ Александромъ Андреевичемъ Безбородко, съ графомъ Завадовскимъ и княземъ Воронцовымъ.

Онъ зналъ, что эти три человекъ составляли ядро „сосіетета“, какъ выражались при дворѣ, особой партіи, рѣшившей подкопаться и окончательно свергнуть свѣтлѣйшаго князя Потемкина, какъ неудобнаго для нихъ диктатора, преграждающаго имъ и другимъ лицамъ пути во многихъ отношеніяхъ.

Тотъ же Потемкинъ, какъ узналъ Сегюръ, войдя въ дружбу съ представителемъ Англій, способствовалъ охлажденію Екатерины къ версальскому двору и къ самому посланнику, котораго до тѣхъ поръ царица удостоивала личной дружбой и вниманіемъ.

Рѣчь у собесѣдниковъ шла о томъ, что „отсутствующіе всегда виноваты“... Иными словами, намѣчался планъ, какъ лучше воспользоваться отъѣздомъ Потемкина въ армію, посланную противъ турокъ, и въ награду за побѣды, одержанныя на поляхъ битвъ, устроить ему домашнее пораженіе.

Сюда направилась отъ Храповицкаго Екатерина.

— Не посѣтуйте, господа, если я похищаю у васъ интереснаго собесѣдника. Но я тоже не прочь, что получше, тѣмъ воспользо­ваться... Пройдемтесь, графъ...

Улыбаясь и ласково кивая кой-кому изъ болѣе близкихъ, кто попадался на пути, обмѣниваясь незначительными фразами съ восхищеннымъ французомъ, медленно миновала Екатерина нѣсколько покоевъ, и оба они очутились въ длинной галлерей, теперь, какъ и утромъ, озаренной волнами свѣта.

Сзади доносился шумъ голосовъ оставленной толпы придворныхъ.

Тамъ блѣдный, съ озабоченнымъ видомъ, фаворить графъ Мамоновъ, какъ заходящее солнце, велъ бесѣду съ нѣсколькими изъ болѣе близкихъ къ нему людей. Здѣсь были австріецъ графъ Кобенцель, оберъ-штальмейстеръ Левъ Нарышкинъ, другъ Пруссіи, графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ, генераль Петръ Александровичъ Соймоновъ, оберъ-прокуроръ Синода графъ Мусинъ-Пушкинъ; они составляли одну изъ самыхъ видныхъ группъ и въ то же время словно старались не дать замѣтить чужой публикѣ, что государыня далеко не съ прежнимъ вниманіемъ и заботой относится къ своему признанному избраннику графу Димитріеву-Мамонову.

Молодежь разбилась маленькими группами. Нѣкоторые вышли на террасу слушать русскихъ пѣсенниковъ, которые вошли въ моду съ начала турецкой войны. Звуки залихватскихъ пѣсенъ, смѣняемыхъ заунывными старинными напѣвами, долетали и въ галерею, гдѣ гуляла Екатерина съ Сегюромъ, любуясь черезъ раскрытыя окна видомъ парка, оживленнаго посторонней, разряженной публикой, обычной здѣсь по воскреснымъ днямъ.

— Кто бы могъ подумать, что мы въ странѣ, которая ведетъ войну съ двумя сосѣдями, очень воинственными, получающими всякую поддержку отъ сильнѣйшихъ европейскихъ дворовъ, — сказалъ Сегюръ, уловивъ довольный взоръ собесѣдницы, которымъ она окидывала паркъ и гуляющихъ въ немъ людей.

— Да, вы правы... Еще надо добавить, что одна неприятельская армія маневрируетъ въ 40 верстахъ отъ столицы, что ея флотъ можно видѣть съ башенъ моихъ приморскихъ дворцовъ, что... Впрочемъ, постойте. Я увлекла васъ не для того, чтобы выслушивать ваши изящныя похвалы и самой гордиться величіемъ моей страны. Примите раньше благодарность отъ русской государыни за довѣріе,

оказанное Екатеринѣ II. Вы говорили съ принцемъ? Онъ передалъ вамъ?

— Передалъ... Но не сказалъ ни слова, какъ я ни старался...

— Узнаю моего рыцаря безъ страха и упрека. Это онъ мнѣ далъ слово и потому вамъ ни слова! Ха-ха-ха... Я хотѣла сама имѣть удовольствіе поблагодарить васъ и подтвердить, что мое расположеніе останется къ вамъ неизмѣннымъ... вопреки многимъ... и, надо сознаться, сильнымъ искушеніямъ, которымъ я подвергалась и подвергаюсь со всѣхъ сторонъ... Чтобы доказать это на дѣлѣ, перехожу къ дѣламъ... И весьма немаловажнымъ, имѣйте въ виду, мой милый шевадье... Прежде всего о томъ, что намъ, мнѣ особенно, ближе всего. О себѣ и о Россіи.

— Я—весь вниманіе, государыня...

— Какъ бы это вамъ сказать?.. По виду, съ наружной стороны, они, англичанинъ и пруссакъ, въ своихъ донесеніяхъ оба правы... Но они—дураки. Война намъ тяжела... войскъ не хватаетъ... начальники бездарны, или вороваты. А то и никакихъ нѣтъ, хоть сама надѣвай генеральскіе штаны... Провіантъ подвозить трудно, да порой и нечего... Денегъ мало... Оброки тяжелы... народъ стонетъ... ропщетъ порой... и не безъ серьезнаго основанія. Теперь плохо. Прозитъ быть еще горше. Особливо, если пруссаки выполнятъ угрозу, вѣднятся съ запада, впускаютъ намъ зубы въ самое горло, какъ дѣлаетъ то шведъ на загривкѣ, какъ турокъ хватается за далекій задъ... О пасквиляхъ и вракахъ, кои противъ меня распускаются, даже и при версальскомъ дворѣ... о томъ не стану говорить. Ни помочь, ни помѣшать дѣлу это не можетъ... Царства это мало касается... Отвѣчать въ томъ я буду исторіи, а не моимъ союзникамъ и врагамъ... Вотъ, значитъ, о дѣлахъ... На первую Турецкую войну ушло у насъ почти полсотни мил-

ліоновъ рублей. Теперь надо столько же, если не больше. Безъ денегъ нѣтъ войны... Безъ войны нѣтъ силы!.. А мы сильны, что бы тамъ ни говорили... И будемъ еще сильнѣе... Да хотя бы вотъ почему...

— Доказательствъ не надо, государыня... Я ихъ слышу. Я ихъ вижу передъ собой... Самое главное, по крайней мѣрѣ...

— Я говорю сейчасъ серьезно, Сегюръ... Они не знаютъ моей земли, не знаютъ моего народа... его вѣры въ свои силы, вѣры въ меня, въ каждаго, кто займетъ мое мѣсто, кто будетъ по доброй совѣсти исполнять свою обязанность, честно станетъ править свое ремесло. И великому народу въ обширномъ краю не страшны никакія жертвы. Мы рѣшили брать по 5 рекрутовъ съ тысячи. И рекруты есть. Мы можемъ ихъ взять и 10 съ тысячи... Они явятся подъ знамена. Что бы сказали у васъ на такую вербовку?

— Долой правительство и къ чорту короля!..

— Вотъ то-то и есть... Нѣтъ денегъ, я выпускаю ассигнаціи и получаю за нихъ все, что мнѣ надо... Если захочу просто писать свое имя на кусочкахъ кожи, на холстѣ,—и за нихъ мнѣ принесутъ всего... Никакія жертвы не страшны, не тяжелы моему народу, пока онъ вѣритъ, что это для его блага, для блага земли... А они, эти частыя, наивныя дѣти мои, они вѣрятъ этому...

— И не обманутся, государыня...

— Богъ вѣдаетъ, дающій успѣхъ и посылающій горе государямъ, народамъ и каждому нищему на землѣ. Я—не ханжа... Но есть Нѣчто, во что я глубоко вѣрю... Вотъ вамъ первая моя сила... Вторая, то...

— Что вы сознаете ее.. и этимъ заражаете и окружающихъ... и цѣлый міръ, государыня...

— Пожалуй, и такъ, Сегюръ. Это умно... очень умно. Такую „заразу“ я рада всегда распространять... А вотъ

та, которую несет бурей отъ вашей стороны, отъ Парижа особливо... Такая мнѣ очень не по-душѣ... Въ ней кроется опасность и для моего трона. Какъ въ Святой книгѣ: народъ мой счастливъ, пока не позналъ добра и зла... Придетъ пора, онъ сможетъ все знать, на все дерзать. Но пока далеко къ тому не время... Я много думала о томъ, что творится у васъ, Сегюръ, на родинѣ... Тамъ очень плохо, Сегюръ. Это мнѣ особенно непріятно и за вашу королеву... и за короля... и за меня самое... Теперь-то помощь Франціи была бы мнѣ нужна... Скажите, какъ думаете, поможетъ ли мнѣ вашъ дворъ войсками и другимъ, если этотъ мальчишка, король прусскій, какъ обѣщалъ Швеціи и полякамъ, объявить намъ войну?..

— Я объ этомъ не велъ переговоровъ съ моимъ повелителемъ, ни съ министрами, но, какъ частный человѣкъ, думаю...

— Не продолжайте. Я не хотѣла поставить васъ въ затруднительное положеніе... Сама вижу, что вашему двору теперь не до военныхъ авантюръ... Третье сословіе требуетъ слишкомъ много... Предстоитъ цѣлая буря... У руля тамъ стоятъ люди не слишкомъ рѣшительные и смѣлые... Безпечные даже могу сказать. Ничего не приготовлено... Нѣтъ яркихъ рѣшеній... Знаете, порою мнѣ сдается, вашъ тронъ похожъ на тяжкую колесницу съ надломленной осью, уносимую конями, которые закусили удила...

— Образное сравненіе, ваше величество... но болѣе подходящее къ сарматскимъ и скиескимъ нравамъ, чѣмъ къ вашему веселому народу, къ галламъ, государыня.

— Не обижайтесь, Сегюръ. Я вамъ вѣрю, люблю васъ, потому, можетъ-быть, не очень выбираю образы и слова... Но какъ назвать иначе, если въ короткое время у васъ 20 разъ мѣняли министровъ и всю систему управленія... У васъ, гдѣ жизнь давно идетъ твердой колеей...

— Въ чужихъ дѣлахъ такъ трудно разбираться, государыня... Вы только-что прекрасно доказывали это, разбирая нападки на Россію...

— Да я и не нападаю на Францію. Это — чудесная страна. Ее постигло несчастье. Безуміе, зараза, какъ вы недавно сказали сами.. А средство для лѣченія такое простое... Я успѣвала съ нимъ даже тутъ, въ моей еще полупросвѣщенной, полудикой странѣ... Среди столькихъ бурь, бушевавшихъ вокругъ меня... Послѣ столькихъ грозъ, которыхъ отголоски еще встрѣтили мое воцареніе въ странѣ... Я чужой явилась... не правнучка Мономаховъ и святыхъ князей, какъ вашъ король, потомокъ древнѣйшей родной династіи...

— Но тогда я спрошу... Конечно, не въ подробностяхъ... Это я видѣла... Чѣмъ успѣли вы, государыня, добиться такихъ волшебныхъ результатовъ?..

— Чѣмъ?.. Чѣмъ, хотите знать, — помолчавъ, подумавъ переспросила Екатерина. — Да въ двухъ словахъ могу вамъ передать... Пока я была великой княгиней, видѣла, что творится вокругъ, я поняла самое *главное*, какъ *не надо* управлять. О, нѣтъ сомнѣнія: двѣ недѣли власти, какъ ею пользовалась дочь Великаго Петра... какъ она царила десятки лѣтъ... И меня бы постигла участь моего покойнаго повелителя и супруга... Какъ постигла она его... за тотъ же грѣхъ... А если подумать о годахъ императрицы Анны? Ужас! Вспомнить страшно. Она, нѣтъ, вѣрнѣе, министр ея, этотъ звѣрь, Биронъ, казнилъ и сослалъ ни за что больше 70 тысячъ людей... Могу поклясться: по доброй волѣ не дѣлала и не сдѣлаю этого въ Россіи. Вотъ, значить, — первое, что приняла я за правило... Тамъ остается немного... Какъ жить, какъ вести свое маленькое хозяйство...

— Въ 16 тысячъ квадратныхъ верстъ, государыня...

— Да-да. Я какъ-то ужъ говорила вамъ... То, что

передумано мною за долгіе годы, пока я была почти узницей, въ качествѣ великой княгини, дало мнѣ матеріала и работы на добрыхъ 10—15 лѣтъ послѣ воцаренія.. А тамъ явился навѣкъ, дальше колесница идетъ своей тяжестью, спускался съ уклона по горѣ... Моя же дорога такова: намѣтила я себѣ планъ управленія и поведенія въ дѣлахъ, отъ котораго не уклоняюсь никогда. Воля моя, разъ высказанная, остается неизмѣнной. И лишь стараюсь высказать ее возможно менѣе поспѣшно... У насъ, здѣсь, все постоянно. Каждый день походить на тѣ, что предшествовали ему. Мѣняются съ годами и обстоятельствами люди, но не дѣла, не ходъ политики. А какъ все знаютъ, на что могутъ рассчитывать, то никто и не беспокоится. Даю я кому-либо мѣсто, онъ можетъ увѣриться, что сохранить его за собой, если только не совершитъ преступленія. Это даетъ всему твердость.

— Но, государыня... если вы убѣждаетесь... что ошиблись? Что сановники или избранный вами министръ совершенно не пригоденъ? Какъ же тогда?

— Пустое... Я бы оставила его на мѣстѣ.. Сама работала съ какимъ-либо изъ способныхъ его помощниковъ. А тотъ лично, министръ, сохранилъ бы и постъ свой, и положеніе... Сохранилъ бы и меня отъ нареканій, что я плохо выбираю слугъ для Россіи, для трона, для земли.

— Это очень мудро, конечно. . Но осуществимо лишь въ вашей благословенной странѣ, государыня...

— У полудикихъ скивовъ и сарматовъ?.. Ничего. Я не обидчива. Вотъ почти весь мой секретъ. Остаются пустяки. Я наказываю даже сильно виновныхъ, но сильныхъ, лицъ только тогда, когда начнутъ меня понуждать къ этому со всѣхъ сторонъ... при чемъ помогаю этимъ понужденіямъ, подъ рукою... Отказывать въ излишнихъ просьбахъ я поставила нѣсколько людей, на которыхъ и падаютъ нарека-

ня за отказы. Милости раздаю сама... Хвалю громко, при всѣхъ... Браню наединѣ, втихомолку, но сильно... Затѣмъ... Да, вотъ, должно-быть и все...

— Исключая ума, отваги и постояннаго счастья, о которыхъ почему-то не помянули вы, государыня...

— Когда я умру, пусть люди и Богъ помянутъ меня съ ними вмѣстѣ, графъ... А затѣмъ, вернемся къ нашему стаду... Не могу я забыть прусскаго короля-забіяки. Что думаетъ о себѣ этотъ молокососъ? Я научу его поаккуратнѣй, получше заниматься своимъ ремесломъ,— пусть даже не встрѣчу помощи ни отъ Версаля, ниоткуда въ мірѣ... А, все-таки, прямо сознаюсь: сейчасъ мы очень слабы. И попробуйте написать Монморену все, что касается Фридриха съ его Пруссіей... Видите, Сегюръ, за довѣріе я отплатила, какъ умѣла, тѣмъ же.

— Я тронутъ, вѣрьте, государыня... Больше: я изумленъ. Столько лѣтъ я имѣю счастье видѣть, знать васъ...

— И не узнали сполна? Это участь всѣхъ людей. Поди и Екатерина Сегюра знаетъ не больше, чѣмъ онъ ее... Время все кажется въ настоящемъ видѣ и цвѣтѣ... А чтобы ужъ дойти теперь до конца... Мы долго толковали. Поди, теперь только и говорю тамъ, во всемъ дворцѣ, что о бесѣдѣ, которую такъ горячо и пространно мы ведемъ. Ничего. Пусть послѣ обѣда поломають голову. Это полезно и для желудка... Скажите...

Екатерина вдругъ поглядѣла прямо въ глаза дипломату, словно желая отрѣзать возможность дать невѣрный отвѣтъ:

— Скажите прямо, что вынудило васъ провести два дня въ Гатчинѣ, у моего сына, у великаго князя Павла? Что могли вы съ нимъ найти общаго? О чемъ толкъ шелъ? Всѣ эти годы, что вы здѣсь, я не слыхала о дружбѣ, какая была бы между вами? Что же такъ, вдругъ? Только правду... или вовсе ничего. Я настаивать не стану.

— А мнѣ нечего скрывать государыня. Недалекъ и день моего возвращенія на родину.

— Вашъ отпускъ? Да... Надѣюсь, такъ и будетъ: отпускъ, а не окончательный отъѣздъ.

— Я также надѣюсь на это, государыня. По всеѣмъ требованіямъ этикета и добрыхъ приличій я поѣхалъ откланяться великому князю, наслѣднику трона ваше...

— Наслѣднику тро...? Продолжайте, виновата. Я слушаю.

— Но тутъ случилось маленькое приключеніе: сломалась моя коляска. Пока ее чинили, и прошло больше сутокъ... Это время я и провелъ въ обществѣ великой княгини... Но больше князя...

— Вотъ что... Такъ это все именно такъ?..

— Именно такъ, государыня, какъ вамъ, должно-быть, и доносили... А рѣчь у насъ шла...

— Не надо.. Я не хочу выпытывать васъ, Сегюръ...

— Нѣтъ, позвольте, государыня... Священное имя друга, которымъ вы удостоили меня... трогательное довѣріе,—все это обязываетъ меня именно лично вамъ передать рѣчи мои и великаго князя Павла... Въ нихъ много важнаго... что вамъ хорошо узнать...

— Ну, тогда...

— Я буду кратокъ, государыня... И точенъ, по возможности... Началось съ очень печальныхъ картинъ.. Были высказаны предположенія, которыя ужаснули и огорчили меня...

— За меня, Сегюръ?

— За васъ обоихъ, государыня. Вы—мать, онъ—сынъ. Я не сентименталенъ. И въ вашемъ величествѣ не замѣчалъ излишней вредной мягкости. Но чтобы сынъ очасался такъ матери... Чтобы положеніе его казалось такимъ тяжелымъ. даже критическимъ... Я старался вліять на разумъ.

Увѣрялъ, что вы, государыня, нисколько не опасаетесь своего сына... Позволяете составлять свой дворъ по собственному усмотрѣнію... Рядомъ съ Царскимъ, онъ держитъ въ своемъ распоряженіи два боевыхъ батальона, самъ учитъ, вооружаетъ, одѣваетъ ихъ... даетъ имъ офицеровъ...

— Да-да... Я не боюсь... Я вѣрю...

— Значить, и онъ можетъ и долженъ вѣрить своей государынѣ и матери: такъ я и сказалъ... Вы, не опасаясь за себя, держите лишь одну роту гвардіи на караулѣ... Я сказалъ... Ну, а если князь не приглашенъ въ ближній Совѣтъ... если онъ не принимаетъ близкаго участія въ дѣлахъ, не знаетъ всѣхъ тайнъ правленія?... Трудно, по-моему, — говорю я, — и ожидать иного, когда князь открыто осуждаетъ политику, управленіе, личную жизнь и связи государыни-матери... Я такъ сказалъ, простите...

— Прекрасно, Сегюръ. А онъ?

— Князь говоритъ: „Мало же вы за все время узнали нашу страну“... Я плохо и понялъ, къ чему это? Сейчасъ же послѣдовалъ вопросъ: „Почему на западѣ монархи занимаютъ тронъ одинъ за другимъ, наслѣдуя безъ всякихъ смятеній. А въ Россіи иначе?“ Пришлось указать на простую вещь: порядокъ наслѣдованія у насъ твердо опредѣленъ: тронъ получаютъ у насъ только сыновья и старшіе въ родѣ. Не иначе. Въ этомъ главная разница между древними, произвольнаго характера, монархіями и новыми, гдѣ введенъ строгій правовой порядокъ. Въ этомъ — залогъ развитія народа. Тамъ же, гдѣ государь по своей волѣ можетъ избрать наслѣдника, все неустойчиво, сомнительно. Тутъ полный просторъ честолюбію, кознямъ, заговорамъ...

— Вы такъ сказали, Сегюръ?

— Я говорилъ правду, государыня. Князь мнѣ отвѣтилъ; „Что дѣлать? Здѣсь къ этому привыкли... Обычай — тиранъ. Измѣнить можно лишь съ опасностью для самого

лица, которое за это возьмется"... Кроме того... я передаю чужую рѣчь, государыня: „Русскіе любятъ лучше имѣть на престолѣ юбку, чѣмъ мундиръ"... Тутъ ужъ я возражать не сталь... Вотъ, приблизительно, о чемъ и шли рѣчи у насъ все время...

— Благодарю, Сегюръ. Такъ вы уѣзжаете скоро. Жалѣю. Говорю отъ души. Передайте вашему королю, что я желаю ему счастья. Желаю, чтобы доброта его была вознаграждена, чтобы исполнились всѣ его намѣренія, прекратилось зло, приносящее ему столько печали... Чтобы Франція возвратила себѣ всю прежнюю силу и величіе. Надѣюсь, это будетъ въ пользу мою, въ пользу Россіи... и не на добро нашимъ всѣмъ врагамъ! Знаете: мнѣ грустно расставаться съ вами именно теперь, Сегюръ. Лучше бы остались вы здѣсь, со мною, чѣмъ подвергаться тамъ опасностямъ, которыя примутъ, можетъ-быть, размѣры, какихъ вы и не ожидаете!

Говоря это, Екатерина глядѣла вдаль, словно тамъ ясно видѣла грядущую судьбу потрясенной Франціи...

— Франція въ опасности, вы говорите, государыня... Я—французскій дворянинъ...

— Молчите. Мнѣ представляется нѣчто иное. . Мнѣ думается, передъ вами—особые пути, графъ... Ваше расположеніе къ новой философіи, склонность къ свободѣ... Все это заставитъ васъ держать сторону народа въ его спорѣ съ дворянствомъ Франціи. Мнѣ это будетъ досадно. Я была и останусь всегда аристократкой. Это—мой долгъ, мое ремесло. Никогда бы я не отреклась отъ своихъ вѣковыхъ правъ, какъ это сдѣлало на-дняхъ феодальное французское дворянство... Подумайте: вы найдете вашу страну, охваченною опасною горячкой...

— Я самъ опасуюсь, государыня. Поэтому и обязанъ скорѣе вернуться туда...

— Вижу, васъ не удержать. Постараемся хотя задержать подольше. Но вотъ идутъ мои внуки. Узнаемъ, чего они хотятъ отъ „бабушки“?.. Слушайте, пока мы спорили, я все думала о рѣчахъ моего сына. Онъ тоже непреклоненъ... неисправимъ. И многое готовъ изломать, если бы ему дать волю. Многое повернулъ бы назадъ... если бы... Ручаюсь и я: этого не будетъ... ни при мнѣ, ни при великомъ князѣ... Александрѣ... при внукахъ моемъ... ¹⁾).

— Какъ, государыня, развѣ вы задумали?.. Рѣшили?..

— Потомъ. Это я такъ... не то, что хотѣла... Сюда, дѣти!..—по-русски, громко заговорила она:—Мы кончили разговоръ. Что хотите? Я слушаю васъ...

И съ ласковой, доброй улыбкой двинулась навстрѣчу обоимъ внукамъ, которые, появясь вдали, выжидали минуту, когда можно будетъ подойти къ своей державной, нѣжной бабушкѣ...

* *
* *

Блестящимъ фейерверкомъ закончился веселый воскресный день въ полуосажденной, угрожаемой отъ враговъ столицѣ.

Никто не зналъ, что готовить новое утро на поляхъ битвъ. Чего можно ждать здѣсь, подъ кровомъ обширнаго царскосельскаго дворца?

А здѣсь утро понедѣльника началось очень бурно.

Очередной докладчикъ, генералъ-майоръ, статсъ-секретарь Поповъ еще сидѣлъ передъ государыней и своимъ влиятельнымъ голосомъ излагалъ военныя дѣла, въ пріемной ждали еще два-три человѣка, когда Захаръ появился изъ маленькой двери, ведущей на половину, отведенную постоянно для фаворита, теперь занятую графомъ Дмитріевымъ-Мамоновымъ.

---

¹⁾ См. письма Екатерины къ Гримму.

Государыня даже не выждала, пока старый слуга подойдет и шепнетъ, въ чемъ дѣло.

Пожавъ чуть замѣтно плечами, она кивнула головой Попову, и этотъ, толстоватый, нескладный, широконосый человекъ 55 лѣтъ вскочилъ и удалился изъ покоя такъ быстро и легко, какъ-будто его несло вѣтромъ...

— Графъ тамъ? Приси!—сказала тогда она Зотову.

Быстрыми, нервными шагами вошелъ фаворитъ.

Дверь, какъ бы сама-собою, плотно заперлась за нимъ.

— Съ добрымъ утромъ, мой другъ. Хорошо ли почи-
валъ? Какъ чувствуешь себя? Судя по лицу, нездоровье
вчера не отошло. Я велю позвать къ тебѣ Роджерсона,
не правда ли? Онъ всегда удачно помогаетъ тебѣ... Ну,
садись, говори, съ чѣмъ пришелъ.

Мамоновъ послушно сѣлъ, но не могъ, очевидно, сразу заговорить.

Невысокій, стройный, съ легкой наклонностью къ пол-
нотѣ, фаворитъ былъ очень красивъ лицомъ.

Томные, продолговатые, лучистые глаза то загорались,
то потухали подъ густыми рѣсницами, красиво обрамленные
тонкими бровями рѣдкой правильности. Невысокій, но хо-
рошо развитой полукруглый, открытый лобъ гармонировалъ
съ общимъ, правильнымъ, мягкимъ оваломъ лица. Черты,
немного мелкия для мужчины, поражали законченностью,
тонкостью, влекли какимъ-то особымъ своимъ обая-
ніемъ.

Матово-блѣдное, чистое лицо оживлялось нѣжнымъ, лег-
кимъ румянцемъ щекъ.

Нервно очерченныя ноздри римскаго носа, безуборизнен-
ная излучина красныхъ, пухлыхъ слегка, женски-каприз-
ныхъ губъ, розовыя, небольшія уши, выглядывающія изъ-
подъ пудренныхъ буклей модной прически,—все это остана-
вливало взоры. И во всемъ лицѣ былъ какой-то свой ха-

раектеръ, что-то легкое, неуловимо-женственное, что могло и должно было очень нравиться именно такой твердой, мужественной женщиной, какъ „Екатерина Великая“, даже и голосомъ мало походившая на женщину, хотя была она ею во всѣхъ отношеніяхъ, съ ногъ до головы.

Красивы, и тоже не по-мужски, были руки у графа.

Выхоленныя, снѣжной бѣлизны, съ розоватыми, отточенными въ видѣ миндалинъ ногтями, онѣ, казалось, ждали поцѣлуя... и часто осыпала ихъ этой лаской подруга фаворита въ нѣжныя минуты любви и страсти.

Весь фаворитъ въ любимомъ, красномъ бархатномъ кафтанѣ, перехваченномъ генеральскимъ темлякомъ и орденской широкой лентой, въ пудренныхъ волосахъ, въ бѣлыхъ атласныхъ короткихъ штанахъ съ пряжками, съ орденами, украшенными крупными брилліантами, висящими на шнурѣ изъ низанныхъ большихъ жемчужинъ, — въ этомъ видѣ онъ походилъ на оживленную фигурку изъ севрскаго фарфора, на красивую, стройную женщину, а не на мужчину 28—30 лѣтъ, какимъ онъ былъ.

Даже въ эту минуту, имѣя полное основаніе ожидать, что не съ добромъ пришелъ къ ней этотъ „писанный красавчикъ“, залюбовалась неволью на него Екатерина и, расхаживая по комнатѣ, почти не сводила глазъ съ этого лица, прекраснаго попрежнему, но словно измятаго, обрюзглаго слегка.

Такое лицо бываетъ именно у женщинъ, если онѣ проводятъ ночь въ любви, не щадя силъ, или долго рыдаютъ отъ настоящей, мнимой ли измѣны своихъ друзей.

У графа глаза, на самомъ дѣлѣ, были красны и заплаканы.

Но онъ, видимо, стыдился своей слабости и рѣшилъ крѣпиться, выказать приличныя своему полу, положенію и лѣтамъ мужество и рѣшимость.

Это было такъ же трудно осуществить на дѣлѣ, какъ казалось легко тамъ, у себя, въ роскошно убранныхъ покояхъ, не имѣя передъ глазами мощной фигуры Екатерины, не встрѣчая пытливаго и въ то же время строгаго, чуть ли не угрожающаго взгляда знакомыхъ, голубыхъ, теперь потемнѣвшихъ сверкающихъ глазъ.

— Что же ты, Саша? Или въ молчанку пришелъ играть? Такъ могъ иное время выбрать для забавы. Видѣлъ, человѣка спугнулъ. Съ дѣлами онъ сидѣлъ. И другіе тамъ, поди, ждали еще. Я полагала, и у тебя что важное, когда вдругъ доложился... Будь что по-домашнему, чаю, и погодилъ бы чуть. Приему и такъ скоро конецъ... Что не потерпѣлось, сказывай... Я жду. Постараюсь сдѣлать, если что... ну, понимаешь?..

Не находя подходящихъ выраженій и словъ, Екатерина развела быстро ладонями рукъ и снова сжала ихъ вмѣстѣ, стала тереть одну о другую, какъ всегда дѣлала въ минуту волненія.

— Смѣлѣ же, ну... Робѣешь, што ли, мой другъ? Смѣшно, Саша... Ну...

Напоминаніе о робости подѣйствовало прекрасно.

Какъ большинство не смѣлыхъ, нерѣшительныхъ душъ, фаворитъ не терпѣлъ, чтобы подозрѣвали въ немъ такую слабость, говорили о ней даже самые близкіе люди... Пришпоренный до боли, графъ поднялся съ кресла, въ которомъ усѣлся-было, какъ ракушка въ своей створкѣ.

— Что за пустяки! Чего бы это мнѣ опасаться, робѣть? Я весьма чувствую свою правоту. Знаю справедливость моей государыни, ея открытый характеръ, великодушный, острый умъ...

— Та-та-та! Что-то большое понадобилось. Столько прибралъ всего. Ну, все едино: разомъ, выкладывай...

— Да, я нынче хотѣлъ... Видишь ли, матушка моя...

Мнѣ думалось, государыня, про вчерашнее... Жаль, не сумѣлъ я хорошо изъяснить... огорчилъ противъ воли...

— За четыре часа сказать не успѣлъ? Дивно. Либо хочешь сказать, что самому видно, какъ мало правъ былъ? Извиниться желаешь? Въ добрый часъ, я готова... Да, нѣтъ. О правотѣ своей въ первую голову мнѣ доложилъ. Хотя я и не ждала нынче того, тебя увидя. Намъ толковать по долгу, одинъ-на-одинъ, тогда польза и смыслъ, если связать хочешь снова веревочку, которая въ узлѣ разошлась... А ежели ты про свое все? Чего же тутъ старое переживать? Вижу, какая перемѣна въ тебѣ. Молчала до сихъ поръ. Тебя жалѣла. Думала, что и мнѣ невмѣстно за тобой, словно за мальчишкой шалымъ, слѣдить, приглядывать, ревностями утруждаться, разстраиваться. А коли на то пошло, и я могу слова два сказать. Тепло-ли тебѣ отъ нихъ станетъ, не знаю. Да и той побѣгушкѣ... дѣвчонкѣ лихой, которая посмѣла у меня моего друга отбивать, сеорить тебя со мною... вертѣть тебя вокругъ пальчика. Я ужъ такъ смогу ея повернуть... да и другими заодно...

Внятно, раздѣльно, медленно выговорила Екатерина послѣднія слова, не особенно повышая голосъ. Но онъ сталъ такимъ грознымъ, потрясающимъ, что графъ поблѣднѣлъ до легкой синевы, приказрылъ глаза и совсѣмъ ушелъ, прижался къ спинкѣ своего кресла.

— Да, я... да кто же... Да, никогда, государыня... Да, развѣ... — залепеталъ, наконецъ, онъ, кое-какъ преодолевъ свою внезапную унизительную слабость.

Екатерина вдругъ махнула рукой и негромко расхохоталась, уловивъ страхъ фаворита. Ей стало и жалко его, и смѣшно.

— Ха-ха-ха! О, Господи! Вотъ, не чаяла, что такъ пугать тебя могу... Вздоръ!.. Успокойся! И слушай, что теперь, безъ гнѣва, по чести по моей скажу... Ты знаешь,

какъ я дорожу словомъ чести... Такъ, слушай. Правда, прибыль мнѣ не велика, если бросаетъ свое мѣсто, уходитъ отъ меня человѣкъ, котораго любила я все время... котораго, какъ мать берегла и холила... но... и убытокъ не великъ. Люди разберутъ, чья больше вина. И Богъ разсудитъ... Только неправды я не выношю... Что ты такое плелъ позавчера? Нынче, сдается, помирнѣе сталъ. Сошло съ тебя? Снова повторишь ли? Я въ чемъ передъ тобою виновата ли?

— Конечно, нѣтъ государыня... Я и субботу никого не винилъ, говорилъ, что не заслужилъ охлажденія... Но если оно явилось, тоже никто не виноватъ. Сердцу только Богъ указать можетъ, матушка! Больше никто...

— Такъ, такъ. Мудрецъ какой сталъ ты у меня, Саша... Далѣй.

— Я только и сказалъ: судьба. Силы мои слабы... Хворая все...

— А я хожу за тобою... да такъ, какъ не каждая мать за дитятей за любимымъ...

— Видитъ Богъ, государыня, помню, цѣню это... Вотъ слезы мои на глазахъ тому порукою. Стыдно, а не прячу ихъ, матушка. Смотри и вѣрь...

— Смотрю, вѣрю... дальше...—мягче и тише отозвалась Екатерина, забывшая обо всемъ въ мѣръ въ эту минуту и стоящая, какъ женщина, у которой безповоротно собрались отнять нѣчто близкое, дорогое: послѣдній призракъ радости, послѣднюю крупицу чувства, еще не развѣяннаго среди долгихъ лѣтъ бурной, полной событіями, приключеніями и романами, жизни.

— А далѣе старое пойдетъ... Первое, думается, негоденъ я тебѣ. Въмѣсто радости и отдыха—заботы и скука со мною... съ больнымъ, съ слабымъ... съ печальнымъ... Не радъ и самъ, а не вижу въ себѣ веселья былого. Улетѣло оно, златокрылое. Не поймаю. Не вини...

— Въ томъ не виню... Далѣй...

— Другое: тошно мнѣ и на людей глядѣть... Что говорятъ, что думаютъ обо мнѣ! Моложе былъ, какъ-то не думалось. А теперь, что дальше... Не сердись, матушка... Я о себѣ, не о тебѣ. Ты—выше всѣхъ. Тебѣ нѣтъ суда людского, кромѣ Божьяго. А я и о томъ думаю: придетъ минута, надоѣмъ, какъ съ другими было. Уйти прикажешь. Куда я глаза покажу? И передъ самимъ собою... Прости. Все скажу...

— Все, все. Иначе, какъ же?..

— Война теперь. Народъ послѣднее несетъ. А я въ роскоши купаюсь по твоей милости... Завистники шипятъ: фаворитъ, куски рветъ!

— Ложь. Ты никогда не просишь... Я сама...

— Мы эго знаемъ, государыня, больше никто... А покоръ остается... Вотъ посмотри, какіе итоги разгуливаютъ и по нашему городу и по европейскимъ дворамъ... Я не хотѣлъ... Но надо же мнѣ оправдать себя... что не пустая, шалая дума толкаетъ меня... Отъ моего счастья уйти велить.. Многое.. тяжелое... И вотъ это заодно...

Графъ подаль Екатеринѣ листокъ, сложенный пополамъ, исписанный внутри, какъ запись въ приходо-расходной книгѣ.

Быстро двинувшись къ письменному столу, Екатерина взяла со стола прежде всего золотую табакерку, одну изъ тѣхъ, какія стояли по всѣмъ комнатамъ, гдѣ проводила время государыня, раскрыла, втянула ароматный табакъ, съ сердцемъ захлопнула крышку, отыскала очки, надѣла, взяла въ руки большое увеличительное стекло въ золотой оправѣ, развернула листокъ и стала читать...

Гнѣвъ снова овладѣлъ ею съ первыхъ же строкъ, какія она пробѣжала глазами. Но, стиснувъ свои бѣлые, крѣпкіе зубы, которые были все еще цѣлы, кромѣ одного, въ верх-

немъ ряду. Екатерина, слегка шевеля губами, будто читая про себя, просмотрѣла весь листокъ.

Вотъ что на немъ было:

„Вѣдомость приходу и расходу по „маленькому хозяйству“ Екатерины Великаго, какъ ее безкорыстные хвалители, свои и иноземные, именуютъ.

Со дня „Ропшинскаго дѣйства“, роптанія достойнаго, и до нашихъ дней, кромѣ предбудущаго, какъ Господь намъ еще да поможетъ.

Приходу

Расходу.

(Согласовано съ письмомъ, кое къ господину барону Гримму въ Парижъ послапо).

(Съ тѣмъ, что и малымъ дѣтямъ вѣдомо у пастъ, согласовано).

Губерній, по новому положенію учрежденныхъ	29
Городовъ вновь выстроено	144
Заключенныхъ договоровъ и трактатовъ	30
Одержанныхъ побѣдъ	78
Достопамятныхъ указовъ о законахъ, либо новыхъ учрежденіяхъ	88
Указовъ для пародной участи облегченія	113

А всего дѣль 492

Братьямъ пятерымъ Орловымъ	17.000,000р.
г. Высоцкому	300,000 »
г. Васильчикову	1.100,000 »
г. Потемкину	50.000,000 »
г. Завадовскому	1.380,000 »
г. Зоричу	1.420,000 »
г. Корсаку	920,000 »
г. Ланскому	7.260,000 »
г. Ермолову	550,000
г. Мамонову	690,000 »
гг. Страхову, Левашову, Стоянову, Казарипову, и прочимъ съ ними	1.500,000 »
На всякіе плезирные расходы	7.000,000 »

А всего тутъ . . . . . 92.500,000р.
 На войны, земель не давшія 150.000,000
 Людьями утрач. всего до 500,000 чел.

А балансомъ счеты уравнять, сіе всякъ самъ легко сможетъ.

Счето-водитель Нелицепрiятный“.

— Пашевиль гнусная... Я знаю, чьихъ рубъ дѣло. Она, „дружокъ мой“, помощница всего и во всемъ главная, муравей на возу. Душенька-княгинюшка, красуля... Академіи директоръ и всѣмъ сплетнямъ заводчица... Ну, попадется она мнѣ... Тяжебница! Ей бы только чужихъ свиней хватать и рѣзать, а не... Подожди, Екатерина Романовна, тезка моя милая... Мы ужо...

— Да нѣтъ, быть не можетъ, чтобы она...

— Кому иному? Другой бы не посмѣлъ.. Тутъ ложь и правда совсѣмъ по-особому, по-женски смѣшана... Но... о ней ли будемъ спорить. Дашкову я давно на примѣтъ держу. Случая нѣтъ. А подойдетъ, за все отвѣчать заставлю... Что бы не сказала, будто я изъ-за обиды мелкой карая и гоню... Крикунья, горло широкое. Надо съ ней иначе... Но, все же, прошу мнѣ сказать, что тебя тутъ трогать можетъ? Дай Богъ, чтобы о тебѣ такъ же много и хорошо говорили, какъ о свѣтлѣйшемъ. А и его здѣсь помѣстили. Не мѣсто красить человѣка, человѣкъ—мѣсто, ужъ если на то пойти, что неловко, стыдно тебѣ любить меня... Меня!.. Вотъ, ежели бы ты не любя, лукаво, продажно подходилъ,—тогда иное дѣло... Я бы первая почувяла. Ежели бы ты видѣлъ, что не люблю я тебя, а только себя старуху, тѣшу, слабости потакаю... Видишь, кажись, иное. А это самое... вотъ, колебаніе въ тебѣ еще ближе, еще дороже тебя дѣлаеть, когда обозначилось, что кромѣ красоты тѣлесной и сердечной нѣжности душу въ себѣ гордую носишь... Такъ въ чемъ же помѣха? Я, правда, женщиной родилась. Иные намъ пути и законы написаны и природой и небомъ, чѣмъ вамъ, чѣмъ мужскому полу. Вы все смѣете... Все себѣ разрѣшили... И думать не хотите о насъ: можетъ, женщина ни въ чемъ, кромѣ пола, отъ вашей мужской души отличія не имѣеть. Мнѣ судьба иное сулила, чѣмъ всѣмъ женамъ земнымъ... 30 лѣтъ, по-

читай, я правлю страной, сильнымъ народомъ... И меня самое великимъ мужемъ въ женскомъ образѣ зовутъ, вѣря, не за то лишь, что я платить могу, обласкать людей умѣю. Безъ огня дыму нѣтъ. Да, еще такого жаркаго дыму, какъ про твою „матушку“, какъ зовешь меня, по свѣту идегь!.. Чего же стыдиться тебѣ? Я не стыжусь, что, можетъ, на сотни двѣ лѣтъ путь новый указала женамъ на землѣ...

— Путь новый?..

— Да, да. Не про троны я говорю. И до меня были государыни... и будутъ. Я говорю о сердцѣ. Про него скажу. Волю дала я на высотѣ своему сердцу и показала, что ни вреда, ни стыда нѣтъ отъ этого умной женѣ... Такой, которая свято держитъ свое чувство, каждый разъ, когда загорается оно. А что чувство не одинажды въ жизни... не двоежды, не троежды загораться у насъ, у женъ можетъ, про то весь мѣръ вѣдаетъ. Укрывать же зачѣмъ, лукавить, лицемерствовать?! Нѣтъ! Кто смѣетъ, пускай смѣетъ... И слабыхъ надо учить смѣлѣе быть. Не только государыней народа,—водительницей женъ русскихъ во всей правдѣ ихъ душевной быть хочю. Ужели этого не поймешь? Все на своемъ стоять будешь? Молчишь? Говори же.

— Оно-то и такъ,—грустно качая головой, отвѣтилъ графъ,—да мнѣ задача та не по плечу. Простой я, не такой, какъ ты, матушка... Понялъ это... и вотъ...

Онъ не досказалъ.

— Ха-ха... вижу, правда... слабый ты духомъ, Саша. Жаль! Думалось, такъ и проведемъ мы послѣдніе дни. Немного мнѣ осталось... Устала я... ввѣрилась тебѣ. Свѣтлѣйшій тебя любить, съ его помощью, гляди, и ты бы слѣдъ оставилъ для родины... Ничего тебя не влечетъ... Или, ужъ, видно, что-нибудь такъ завлекло, что и глядишь, не видишь, слушаешь и не слышишь... Знать Богъ

того хочеть. Французы толкують: „се que femme veut, Dieu le veut!“ У насъ же, видно, наоборотъ быть должно. Добро. Правда, постарѣла я... Бывало, раннѣй, чего пожелаю—свершается. А желала такъ сильно, что, кажется, камень загорѣться могъ отъ моей воли... Стара... стара...

— Матушка, родная моя!.. Что же мнѣ дѣлать? Научи! Посовѣтуй сама!

— Нѣтъ... Не говори ничего. Давно ты созѣтовъ моихъ не слушаешь! Богъ съ тобой! Ступай, если правду мнѣ чистую сказалъ... Я, вѣдь, узнаю... Ну, будь по-твоему! Помни: правда мнѣ всего ближе... всего дороже! Самой приходилось сгибаться много... Таила то, чего сказать не могла. Но ужъ если я что сказала, такъ и жизнь на этой правдѣ отдать могла. Слово мое было правда... Молчаньемъ лгала только порой. И то врагамъ, ради земли, ради царства... Друзьямъ—никогда! Я—жена, не мужъ, какъ ты. И, думается, не станешь лгать ты мнѣ словами. Если говоришь, такъ нѣтъ много въ мысляхъ. Такъ? Вѣрно, Саша?

Пытливый взоръ ея обжогъ лицо фаворита, снова принявшее помертвѣлый видъ.

— О, да ты и впрямь боленъ. Я и не вижу. Отдыху тебѣ не даю. Ступай. Можетъ, и склеимъ все... Я подумаю. Жаль мнѣ себя... Но и тебя жалѣю. Я подумаю. Съ Богомъ, иди... Мнѣ тоже передохнуть надо... Окно открой... Такъ, благодарствуй.. Иди! Я подумаю...

Медленно вышелъ изъ спальни Мамоновъ.

Екатерина подошла къ окну и, прислонясь къ рамѣ, стоя, стала глубоко вдыхать ароматный воздухъ, пропитанный дыханіемъ сосѣднихъ цвѣтниковъ.

Отъ этого аромата еще сильнѣй прилила кровь къ вискамъ и щекамъ Екатерины, еще быстрѣе замелькали мысли въ разгоряченной головѣ.

Какія-то забытыя видѣнія проносились передъ ея вну-

треннимъ взоромъ, въ то время, когда глаза глядѣли на высокое, голубое небо, на буйную зелень парка, подбѣгающаго къ стѣнамъ ея покоевъ, и не видѣли ничего...

Все лицо этой старой женщины какъ-то странно помолодѣло и одухотворилось, словно озаренное свѣтлыми воспоминаніями юности, овладѣвшими ею, просвѣтленное наплывомъ великодушныхъ рѣшеній и чувствъ, начинающихся шевелиться на днѣ усталой, обычно холодной, недовѣрчивой души.

— Ну, а если и лжетъ? Не для обиды мнѣ.. Жалѣеть, огорчить не хочетъ... За себя опасается.. и за эту... за душеньку свою, если правда... Сама же я говорила въ сей часъ ему: сердцу не закажешь.. Такъ и онъ... Мало ли я любила съ молоду... Вотъ и здѣсь, подъ этими деревьями... чего не было... Въ этомъ покоѣ...

Екатерина оглянулась.

Залитая полуденными лучами, спальня ея имѣла особенно нарядный, ликующій видъ.

Вся комната была окружена стройными серебряными колонками, сверху покрытыми эмалью лиловаго цвѣта; все это отражалось въ зеркалахъ, украшающихъ стѣны, а сверху замыкалось прелестно расписаннымъ потолкомъ.

Вдругъ словно ожила эта комната, наполнилась тѣнями, призраками. Не пугающими, бѣлыми, въ одеждахъ смерти, а веселыми, радостными, сверкающими любовью и страстью...

Красавцы — великаны Григорій и Алексій Орловы... Ловкій Зоричъ. Пылкій, сверкающій и быстро-тухнущій Васильчиковъ... Увлекательный, пышущій здоровьемъ и нѣгой Корсаковъ, „Пирръ, царь эфирскій“, какъ называла она его... Философъ въ тѣлѣ Гектора Ермоловъ, пережившій то, чѣмъ, по словамъ Мамонова, страдаетъ сейчасъ послѣдній фаворитъ... Сознаніе стыда изъ-за положенія мужчины, попавшаго на содержаніе къ своей повелительницѣ...

Вотъ умный, извилистый и сухой, вѣшне-пламенный, ледяной внутри Завадовскій. Выпущенный изъ будуара, онъ сумѣлъ войти въ зданіе Сената, стать полезнымъ министромъ, если не оказался пригоденъ, какъ фаворитъ... Вотъ нѣжный, капризный причудливый, но такой ласковый, обаятельный красавецъ-дитя Ланской... Кто знаетъ, что толкало его, но онъ отдалъ ей съ любовью и жизнь свою. Конечно, если бы она знала, что недостатокъ собственныхъ силъ этотъ хрупкій мужчина пополняетъ опасными приемами сильныхъ, возбуждающихъ средствъ, она бы поберегла его... Не только ласки мужчины, и онъ самъ по себѣ былъ ей такъ дорогъ, такъ милъ.

Очевидно, и онъ почему-либо дорожилъ Екатериной, хотя она была вдвое старше его. Иначе онъ не рѣшился бы пойти на послѣднее, чтобы до конца казаться неутомимымъ и пылкимъ въ любви...

Наконецъ, заслоня всѣхъ, зарѣялъ крупный, величавый образъ челоуѣка съ однимъ, настоящимъ, но сверкающимъ, какъ брилліантъ, глазомъ... Съ причудами балованнаго принца, съ умомъ вождя, съ характеромъ смѣшаннымъ, порою непреклоннымъ до ужаса, порою измѣнчивымъ, какъ у женщины, охваченной жадной любви...

Всѣ они стали передъ Екатериной... Всѣхъ помнить она... И, какъ это ни странно, любить всѣхъ и сейчасъ, далекихъ, полузабытыхъ, истлѣвшихъ въ могилѣ, или случайныхъ, какъ Страховъ, какъ гвардеецъ Хвостовъ, осчастливленный ея лаской тогда, давно... когда еще она отдавала свое сердце избраннику, подобно всѣмъ остальнымъ женщинамъ, а не брала ихъ къ себѣ, въ золоченую клѣтку, какъ дѣлала со времени вступленія на тронъ...

Вотъ они, далекіе, милые, полузабытые друзья ея юныхъ лѣтъ...

Очаровательный, вкрадчивый и смѣлый Салтыковъ,

отецъ ея перваго ребенка... Влестящій рыцарь Запада, царственный и чарующій Понятовскій...

Вотъ всё они... тутъ, въ ея памяти, въ ея остывающемъ сердцѣ, которое все тише и медленнѣе бьется съ каждымъ мѣсяцемъ, съ каждымъ днемъ...

Всѣ тутъ...

И нѣтъ никого.. Вихрями жизни отвѣяло всѣхъ. Отлетаетъ и послѣдній...

Тутъ онъ, за стѣной... И нѣтъ уже его... Отвѣянь жизнью...

Такъ скорѣе надо все покончить. Не дать позлословить, посмѣяться на счетъ старой женщины, которая никакъ не хочетъ отпустить молодого любовника—своего подданнаго.

Она отпустить. Такъ, какъ и не ожидаетъ никто!

Быстро подошла Екатерина къ столу, на который бросила „счетъ“, показанный ей Мамоновымъ.

Взявъ пасквильный листокъ, она перешла къ другому столу, на которомъ было навалено не мало папокъ, ящичковъ, образцовъ минераловъ, какихъ-то инструментовъ, чертежей и много другого, какъ и на остальныхъ семи-восьми столахъ различной величины, какими были уставлены спальня и кабинетъ Екатерины.

Разкрывъ небольшую шкатулку, она собиралась бросить туда памфлетъ, какъ вдругъ замѣтила сверху лежащій рисунокъ и взяла его брезгливо въ руки, вглядываясь съ презрительной гримасой въ карикатуру, грубо отпечатанную на листѣ.

— Пожалуй, еще хуже что-нибудь нагрязнять обо мнѣ.. Какая низость... Тоже, поди, отсюда, отъ „подругъ“ и „друзей“ дано внушеніе негодяямъ, издателямъ!

На листѣ, дѣйствительно, былъ изображенъ гнусный рисунокъ, за подписью:

„Вотъ все, что ты любишь!“

Такие пасквили часто печатались за границей по внушению политическихъ враговъ императрицы, затѣмъ провозились въ Россію и въ тысячахъ экземпляровъ ходили по рукамъ у иностранцевъ, проживающихъ въ столицѣ и у представителей русской знати, особенно изъ числа лицъ, окружающихъ Павла. Завистливыя подруги Екатерины, въ родѣ княгини Дашковой, особенно старались распространять эти листки.

Екатерина швырнула отвратительный листокъ въ ящикъ и захлопнула крышку.

Сѣвъ за свой столъ, она раскрыла табакерку, лѣвой рукой поднесла ее къ носу и почти не отрывала, вдыхая возбуждающій порошокъ, пока правая рука скользила по гладкому листку бумаги.

Записка писалась по-французски и гласила такъ:

„Пусть совершается воля Судьбы. Я могу предложить вамъ блестящій исходъ, золотой мостикъ для почетнаго отступленія. Что вы скажете о женитбѣ на дочери графа Брюсса? Ей, правда, только 14-й годъ, но она совсѣмъ сформирована, я это знаю. Первѣйшая партія въ имперіи: богата, родовита, хороша собой. Рѣшайте немедленно. Жду отвѣта“.

Держа перо въ рукѣ, она перечитала написанное и быстро добавила внизу, по-русски:

„Теперь убѣдиться можешь, я тебѣ не врагъ. Нынче же вызову графиню Брюсову, чтобы на дежурство пріѣхала съ дочкой. Отвѣчай“.

Снявъ очки, Екатерина сложила листокъ и позволила.

Появился Захаръ. Она протянула ему незапечатанный листокъ:

— Отдай графу. Принесешь отвѣтъ...

Молча взявъ записку этотъ скромный, осторожный и преданный человѣкъ, знающій самыя сокровенныя стороны личной жизни Екатерины, и поспѣшно вышелъ черезъ маленькую дверь, ведущую на половину фаворита.

Екатерина сначала ходила въ волненіи по спальнѣ, переходила въ будуаръ, опять возвращалась назадъ.

Ноги, за послѣднее время начинающія измѣнять государынѣ, вдругъ подеосились, заныли, отяжелѣли, стали словно свинцомъ наливаться.

Она вынуждена была опуститься на диванчикъ, протянулась на немъ, закрыла руками лицо, глаза, стараясь ни о чемъ не думать, не замѣчать времени... Ждала.

Время тянулось страшно медленно...

Около получаса прошло. Никого нѣтъ...

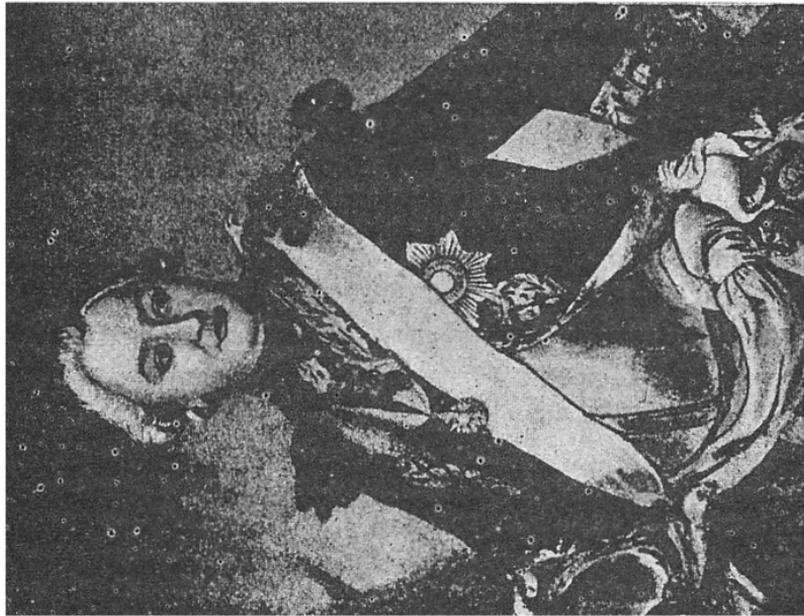
Она готова была сама уже поспѣшить туда, узнать не случилось ли чего.

Можетъ-быть, она не поняла, огорчила его своимъ предложениемъ?.. Можетъ-быть, онъ и не думаетъ уходить?.. Въ самомъ дѣлѣ, противъ воли, но она могла возбудить въ немъ порывъ ревности... А мужчины въ такомъ состояніи еще глупѣе женщинъ...

Зачѣмъ было писать? Какая непростительная торопливость! Она ужъ не дѣвочка. Знаетъ людей, знаетъ сердце мужское... Надо было переждать... Ну, подурить — и все по-старому могло пойти. А теперь! Какъ вернуть эту глупую записку?

Прямо пойти сказать, что все это пустяки... что она не пуститъ его, что любить и не думаетъ замѣнить никѣмъ? Да, такъ и слѣдуетъ сдѣлать...

Екатерина рѣшительно двинулась къ маленькой двери, когда та раскрылась и Захаръ появился на порогѣ серьезный, какъ будто опечаленный, съ небольшимъ конвертомъ безъ адреса въ рукахъ.

Кн. Григ. Григ. ОРЛОВЪ.

Свѣт. Князь Г. А. ПОТЕМКИНЪ.

Почти выхватила она этот холодный, загадочный свертокъ.

Что въ немъ? Мука или радость? Продолженіе мирной счастливой жизни, или снова боль разрыва... Потомъ—новыя встрѣчи, новое сближеніе?

Конечно, она не останется одинокой послѣ удаленія этого фантазера, если онъ рѣшил воспользоваться даннымъ ему выходомъ... Она сейчасъ же заполнить вакансію, отдастъ пустое мѣсто достойнѣйшему...

Но надо же взглянуть, что тамъ, въ запискѣ...

Захаръ, осторожный, предусмотрительный, сейчасъ же вышелъ, какъ только записка очутилась въ рукахъ Екатерины.

Сорвавъ оболочку, при помощи лупы она стала читать.

Очевидно, рука сильно дрожала у Мамонова. Буквы стояли вразбродъ, почеркъ былъ неузнаваемъ.

„Дольше тайтсья нельзя. Долженъ признаться во всемъ. Судите и милуйте. На графинѣ Брюссовой жениться не могу. Простите. Болѣе году люблю безъ памяти княжну Щербатову. Вотъ будетъ полгода, какъ далъ слово жениться... Надѣюсь, поймете и выкажете милосердіе и состраданіе. Несчастный, но вамъ преданный до смерти, А“.

Листокъ выпалъ изъ рукъ Екатерины.

Частыя, крупныя слезы покатались изъ глазъ. Грудь судорожно, высоко стала вздыматься и опускаться. Но рыданія были беззвучныя, задавленныя, глухія...

— Такъ, вотъ оно какъ! Все — чистая правда, значить... И что зимою мнѣ свѣтлѣйшій говорилъ... намекалъ... И всѣ доносы теперешніе... Вотъ оно что... Правда... правда...

Голова ея упала на руки, лежація на столѣ, и долго сдавленныя рыданія потрясали это сильное крупное тѣло...

Потомъ постепенно рыданія ослабѣли, стихли.

Она встала, выпила воды, отерла лицо, нашла записку

Мамонова и положила ее въ ящикъ шифоньера, стоящаго въ углу.

Затѣмъ позвонила.

— Анну Нивитишну попроси... И капли мнѣ мои подай.. успокоительныя... И льду для лица. Пожалуйста, Захарь... поживѣе...

Зотовъ выслушалъ, поклонился:

— Слушаю. Позову... принесу...

Онъ скрылся.

Екатерина снова опустилась передъ письменнымъ столомъ, взяла перо, надѣла очки, начала писать; но только вывела первыхъ два слова:

„Господинъ графъ...“

Сейчасъ же изорвала листокъ, взяла другой, написала:

„Хотя бы теперь...“

И снова порвала. Такъ было испорчено четыре-пять листковъ.

Наконецъ, испортивъ, сломавъ въ пальцахъ гибкое гусиное перо, она бросила все въ корзину подъ столъ, облокотясь, закрыла лицо руками, и снова слезы хлынули изъ глазъ, орошая щеки, скользя между бѣлыми пальцами съ розовыми ногтями...

Шумъ двери, шаги подходящей Нарышкиной заставили Екатерину обернуться.

У дверей стоялъ Захаръ съ каплями на подносѣ, съ кускомъ льду на тарелкѣ.

— Поставь. Уйди. Благодарю...

И, не ожидая даже, пока скроется старый камердинеръ, Екатерина обратилась къ Нарышкиной:

— Ты знаешь ли? Все кончено... Онъ написалъ... Онъ любитъ княжну... далъ ей слово жениться... Понимаешь: все кончено...

И снова рыданія, на этотъ разъ неудержимыя, громкія, наполнили комнату.

Долго пришлось Нарышкиной успокаивать подругу.

Все было пущено въ ходъ: капли, ледъ къ щекамъ, убѣжденія и даже дружескіе упреки въ малодушіи, въ слабости, такъ не идущей великой повелительницѣ, женщинѣ, прославленной всюду и вездѣ.

Лестъ послужила самымъ лучшимъ лѣкарствомъ.

Понемногу Екатерина успокоилась.

— Ты права. Распускаться не надо. Скорѣ вызови княжну..: и ея маменьку... На послѣзавтра назначу стговоръ...

— Умница, милая. Это имъ будетъ самое лучшее наказаніе...

— Пускай... А нынче я, можетъ-быть, загляну къ тебѣ... Пожалуй, и этого... ротмистра... Зубова пригласи. Пусть поболтаетъ... утѣшитъ, разсѣетъ меня немного... Я столь несчастна!..

Слезы снова хлынули градомъ изъ красивыхъ еще, теперь опечаленныхъ, глазъ.

II.

Двойной сговоръ.

Когда къ вечеру Зубовъ, надушенный, затянутый, въ парадной формѣ, явился по приглашенію къ Нарышкиной, хозяйка была совершенно одна и встрѣтила гостя съ грустнымъ, опечаленнымъ видомъ.

— Здравствуйте. Очень мило сдѣлали, что откликнулись на мой призывъ. Мнѣ очень нездоровится нынче. Обычныя мигрени. Видите, я совсѣмъ по-домашнему... Ужъ не взъщителенъ... Садитесь. Чаю хотите? Нѣтъ. Поболтаемъ. Да что вы такъ скучны тоже? Блѣдный, томный... На себя не похожъ... Я васъ знала всегда такимъ веселымъ, живымъ, назаглядывающимъ... Неужто, въ самомъ дѣлѣ, такъ сердцемъ больны? А? Не вѣрится даже...

— Не знаю, что и сказать! Я свои чувства не разъ выражалъ вамъ. И теперь, когда вы влили въ меня надежду... Наконецъ, сегодняшняя записка... Я—между жизнью и смертью... Говорятъ, нынче произошло окончательное объясненіе. Называютъ и невѣсту графа: княжна Щербатова... Не мучьте... Говорите скорѣе: какъ моя участь? Смѣю ли я надѣяться?..

— Увы. Порадовать мало чѣмъ могу васъ. Для того и позвала, чтобы вы не втягивались больше въ свои мечты... Насколько мнѣ извѣстно, выборъ уже остановили—увы! не на васъ... Стойте, что съ вами... Вы помертвѣли?.. Успо-

койтесь... Выпейте воды... Я пошутила... Даю вамъ слово... Хотѣла испытать... Еще не рѣшено. Да, будьте же мужчиной... Слышите: еще все передъ вами... Ну, что вы? Лучше стало теперь? Дитя! Какой смѣшной...

— О, не смѣйтесь... Я только и живу этой мыслью... Анна Никитишна, умоляю васъ, помогите мнѣ... Я такъ вамъ буду благодаренъ... Такъ...

Онъ сразу со своего стула пересѣлъ къ ней на диванъ, гдѣ хозяйка полулежала въ свободной позѣ, и сталъ цѣловать ея руки.

— Я все сдѣлаю, что хотите... Буду слушать васъ, готовъ на все... Но вы научите... Я не забуду... Прошу васъ...

И онъ сталъ все горячѣй и сильнѣе цѣловать ея полуобнаженную руку, шею, коснулся губами груди, на которой раскрылся домашній, плохо застегнутый пеньюаръ.

Нарышкина, еще привлекательная, здоровая женщина, почувствовала жгучую истому отъ поцѣлуевъ этого красавца и, пожалуй, не отказалась бы отъ его ласкъ, но Екатерина могла войти каждую минуту, и это сдержало разгоряченную женщину.

— Стойте. Опомнитесь, сумасшедшій мальчикъ! Не теперь, послѣ... Сейчасъ можетъ прійти она... я жду ее... Придите въ себя, оправьтесь... Помните, какая участь постигла Корсакова и графиню Брюсову за такую-же оплошность... Ага, испугался. Ну, и сидите пайнкой. Вѣрю вамъ и такъ, безъ сильныхъ доказательствъ, что вы не забудете моихъ услугъ, моей помощи... и постараетесь не остаться въ долгу... Я признательныхъ, сердечныхъ людей люблю. А вамъ буду тѣмъ полезнѣе, что свѣтлѣйшій, навѣрное, пойдетъ противъ васъ. Онъ привыкъ, чтобы и въ сердечныхъ дѣлахъ здѣсь глядѣли изъ его руки, брали того, кого онъ укажетъ. А намъ надоѣло. Хочется сдѣлать собственный выборъ... Вотъ, и подтянитесь... Какъ излишняя скромность

можетъ быть вредна, такъ опасна особая развязность... Вы эту пруть покажете съ Протасовой, когда придетъ время... Оно и будетъ передано по адресу. А мы съ вами еще будемъ видаться, надѣюсь... Пригладьте ваши волосы... Пудру сотрите на мундирѣ... вамъ попало съ моей прически... Такъ... Тсс... вотъ, кажется, мистеръ Томъ изволить лаять. Взгляните въ окно... Идетъ... Ну, сидите смирно. Мы никого не ожидаемъ... Болтаемъ, какъ добрые друзья... И...

Оставя французскую рѣчь, Нарышкина закончина по-русски:

— Помните: смѣлымъ Богъ владѣетъ. Только смѣлость умной быть должна...

Затѣмъ снова залепетала по-французски:

— Скажите откровенно: какъ правится вамъ эта Хюссъ? Преплохая актриса. И не красива даже. Удивляюсь, что хорошаго нашелъ въ ней г. Морковъ?..

— Здравствуй, Аннетъ. Не ждала? Я гуляю — и къ тебѣ заглянула. Ты больна, мнѣ сказали. Хотѣла навѣстить...

— Я такъ счастлива, такъ благодарна, ваше величество... Теперь мнѣ чуть полегче. И, вотъ, Платонъ Александровичъ оказалъ вниманіе: навѣстилъ недужную...

— Хорошо. Очень хорошо... Судя по глазамъ, у васъ доброе сердце, г. Зубовъ... Ты ложись, какъ лежала, на свое мѣсто. Я — тутъ... садитесь, г. Зубовъ, если вамъ не скучно провести полчаса съ такими пожилыми дамами...

— Ваше величество!..

— Не согласны со мной? Ну, ваше дѣло! Я здѣсь не у себя. Спорить не смѣю. Пусть мы сойдемъ за молоденькихъ... Хотя вамъ... Сколько вамъ лѣтъ? 20 съ чѣмъ-либо будетъ? А?

— 22 минуло, государыня.

— Счастливый возрастъ. И мнѣ когда-то было столько же... Только давно... Правда, сердце не вѣритъ этому... А зеркало старше всѣхъ на свѣтѣ, всѣмъ правду говорить... Приходится его слушать...

— Оно, значить, слѣпо... Оно не видитъ вашихъ глазъ, госу...

— Ого!.. Слышишь, Аннетъ? Мы комплиментовъ дождались отъ юноши... Что дальше будетъ?

— Оно не видитъ вашихъ губъ... не слышитъ вашего голоса...

— Моего голоса? Онъ у меня звучный. Развѣ только зеркала и не слышать его... хотя дрожать порою... А другимъ онъ вятенъ. Это вы правы, г. Зубовъ. Но, бросимъ обо мнѣ... Лучше о васъ потолкуемъ... Аннетъ, что ты стонешь? Опять мигрень?

— Да. Простите, государыня... Я на минуту только удаюсь... Тамъ туалетная вода... Я примочу виски... Одну минуту...

— Мы тебя подождемъ. Видишь, я не одна: въ хорошемъ обществѣ. Такъ думается, глядя на г. ротмистра... Ну-съ, говорите: велика ли у васъ семья? Брата, пажа, я помню. Прелестный ребенокъ... Очень на васъ похожъ... Еще братья есть у васъ и сестры?

— Четыре насъ брата и три сестры. Старшій—Николай. Димитрій за нимъ. Я и Валеріанъ. Сестра Анна годомъ моложе. Была Катя, умерла...

Голосъ Зубова дрогнулъ слезой...

— Младшая самая — Анна. Дѣвочка еще...

— Большая семья. А вашъ отецъ, если не ошибаюсь, по гражданской службѣ идетъ? Вице-губернаторомъ теперь?

— Такъ точно, государыня.

— Братья женатые. холостые?

— Всѣ еще холосты, ваше величество. У отца достатковъ особыхъ нѣтъ... Сестеръ придется одѣлать... Такъ братья ждутъ, пока сами что-нибудь заслужатъ, тогда и насчетъ семейства думать можно.

— Весьма разсудительно. Рѣдко теперь кто думаетъ и поступаетъ столь осторожно. Больше въ бракъ вступить спѣшатъ... А что будетъ, о томъ нѣтъ мысли... А вы, что же, не махаетесь ни съ кѣмъ? Не увлекаетесь? Жениться не думаете? Что покраснѣли? Это вопросъ естественный. А что естественно, въ томъ стыда быть не должно... Красивый, здоровый молодой человѣкъ... Я не дѣвица. Со мной можно прямо говорить...

— Нѣтъ... Я... Мнѣ не до этихъ пустяковъ... Я давно... Во мнѣ все...

— Ну, вижу, смутили васъ мои вопросы. Объ иномъ потолкуемъ. Службой довольны ли?

— Счастливъ, государыня, что вамъ служу... Вдвое счастливъ, что могу видѣть ту, передъ кѣмъ всѣ преклоняются... На кого молятся... чье имя благословляютъ.

— Вы все свое. Не ждала я, чтобы о службѣ вопросъ — и такіе горячіе отвѣды мнѣ вызвалъ. Да, вы поэтъ. Чай, и стихи пишете?

— Нѣтъ, не случалось, государыня... Не тѣмъ я заниматься... Мечты не тѣ мои...

— Мечты? Значить, мы мечтать любимъ? Интересно. О чемъ же нынѣ мечтаютъ молодые люди? Военные, особливо? О сраженіяхъ, поди? О славѣ? О побѣдахъ? Чтобы всѣ величали и знали ваше имя? Да?

— Бываетъ и это, государыня. Но иное мнѣ чаще снится...

— Даже снится... Ну, коли охота повѣдайте и мнѣ, какіе сны вамъ грезятся. Я охотница слушать чужіе сны... если красивые они... необыкновенные. А. судя по вашимъ

веселымъ, живымъ глазамъ, по виду по всему, сны у васъ должны быть интересны. Говорите, послушаемъ...

Свободнѣй усѣвшись въ креслѣ, Екатерина слегка откинулась назадъ, чтобы лицо Зубова было ей лучше видно.

— Разное снится мнѣ, ваше величество. А чаще другихъ—одинъ сонъ... Вотъ, словно и наяву, я вижу его... Неотвязный... Видится мнѣ...

Зубовъ невольно сдѣлалъ паузу...

Голосъ его, тихій и осторожный, словно что-то нащупывающій передъ собой, съ первой фразой, касающейся грезы наяву, сразу окрѣпъ, зазвучалъ металлическимъ, широкимъ звукомъ. Порывъ вдохновенія, свойственный иногда самымъ зауряднымъ людямъ, налетѣлъ на душу честолюбца, который увидѣлъ себя лицомъ къ лицу со своей завѣтной грезой о счастѣ...

Ключъ къ власти, къ богатству, къ силѣ былъ передъ нимъ въ лицѣ этой немолодой, но такой еще обаятельной, умной, могучей женщины...

И Зубовъ какъ-будто сталъ созвученъ великой душѣ, съ которой столкнула его судьба въ этой свѣтлой комнатѣ лѣтняго дворца...

Что-то, ему самому невѣдомое, забродило въ умѣ, холодомъ пахнуло въ грудь, проползло по плечамъ, заставляя блѣднѣть свѣжія, румяныя щеки.

Неожиданная картина сверкнула передъ его глазами.

То, о чемъ онъ думалъ, какъ карьеристъ, честолюбецъ, что высчитывалъ съ карандашомъ въ рукахъ, вдругъ представилось ему въ образахъ, въ звукахъ, въ краскахъ.

И Зубовъ полнымъ, звучнымъ голосомъ заговорилъ, повторяя уже сказанную фразу:

— Видится мнѣ высокая скала. Полъ-міра видно съ нея. Я стою на скалѣ. Но плохо вижу. Кусты, деревья

мѣшаютъ... И не человѣкъ я... такъ, маленькая, слабая пташка. Хочу взлетѣть и не могу. Слабы мои крылья. Вѣтеръ порывистый вѣетъ на высотѣ... Къ дереву прижался я и жду. А сердце изъ груди рвется. Міръ весь видѣть хочеть. Людей всѣхъ обнять... Что-нибудь сдѣлать для нихъ...

— Доброе намѣреніе... Весьма похвальное. Дальше что?

— И вдругъ...

Снова невольную, легкую передышку сдѣлалъ Зубовъ, чувствуя, что волненіе все больше охватываетъ его.

— Вдругъ... Что-же?

— Потемнѣло небо надо мною... шумъ песется... шелестъ непонятный... Гляжу: орлица рѣветъ надъ головой... Гордый взглядъ синихъ глазъ... Мощная грудь... Крылья широко простерлись... И спускается она сюда, на скалу, гдѣ я притаился... Опустилась. Сѣла. Стала царственная лапы гордымъ клювомъ своимъ чистить... Перья отряхаетъ... Страхъ меня сладкій охватилъ... Любуюсь, глазъ бы не отвель... И, ужъ не знаю, какъ, смѣлости набрался, говорю: „Орлица гордая, царственная, мощная... Возьми меня съ собою туда, ввысь небесную, которой конца-краю нѣтъ, въ бездонную глубину... Дай на міръ поглядѣть, какъ ты глядишь! Позволь подъ крыломъ твоимъ приютъ найти... Тепло тамъ, отрадно какъ должно быть!..“ Говорю, а сердце ширится въ груди... Вотъ-вотъ разорвется... И жду, что отвѣтитъ орлица. И замеръ весь...

— И... что же отвѣтила она?

— Что отвѣтила?—переспросилъ Зубовъ, глядя прямо въ глаза Екатеринѣ, словно тамъ пытаюсь прочитать этотъ отвѣтъ.—Ничего не отвѣтила.. Только широко крылья распахнула. Я такъ и кинулся туда... къ ней, на широкую грудь... Прильнулъ... Охватилъ ее шею руками... Не оторвать ужъ меня... Скорѣе жизнь вырвать можно... Такъ и во снѣ

вижу... И взмыла она... Орлица моя гордая, царственная... И понесла меня... Что ужъ тутъ стало со мною... Сказать выразить не умѣю...

Зубовъ умолкъ, отирая потъ съ высокаго, бѣлаго лба, выступившій отъ непривычнаго волненія...

— Красиво... Хорошо.. Вы совсѣмъ поэтъ... Слышишь, Аннетъ, не права я? Это и Державинскимъ строфамъ не уступить... И чувства сколько...

— Я не слыхала, — появляясь на порогѣ, проговорила Нарышкина; — вѣрю, государыня, если вы хвалите. Благодарите же, Платонъ Александровичъ, за вниманіе.

— Я не знаю... словъ не нахожу.. Чувство мое, конечно, только и подсказало мнѣ... А то я совсѣмъ придумывать не умѣю, ваше величество... Это, вотъ, словно Богъ надоумилъ меня... Будто я исповѣдь свою говорилъ... Простите...

— Вижу, понимаю. Вамъ, г. Зубовъ, не въ чемъ прощенія просить. Дай Богъ, чтобы у всѣхъ окружающихъ меня были такія чувства, видѣлись имъ подобные сны... Но вы разволновались совсѣмъ. Лицо поблѣднѣло.. Вы дрожите... Здоровы ли вы, г. Зубовъ? Инымъ здѣсь, въ моемъ лягушатникѣ, воздухъ не совсѣмъ здоровъ. Я прикажу Роджерсену, пусть поглядитъ васъ... Можетъ-быть, посоветуетъ что-либо. Вы — человекъ молодой. Вамъ беречься надо для себя, для семьи... А во мнѣ вы всегда найдете защиту и друга. Знайте, г. Зубовъ. Душа ваша добрая видна въ глазахъ, слышна въ рѣчахъ вашихъ. Я добрыхъ людей цѣню... Пока до свиданья... Поправляйся скорѣе, Аннетъ. Что, лучше тебѣ? Слава Богу... Не провожайте... Идемъ, Леди... Томъ.

Кивнувъ еще головой, своей упругой, твердой походкой вышла изъ комнаты Екатерина, бодро, какъ всегда, глядя

по сторонамъ, постукивая легкой полированной тростью, съ которой она выходила на прогулку...

Одно только незамѣтное, едва уловимое движеніе головой сдѣлала гостя хозяйкѣ, когда разставалась съ ней на порогѣ. Нарышкина поняла жестъ.

Веселая, довольная, возвратилась она къ Zubову, который такъ и застылъ на мѣстѣ.

— Ну, теперь дѣло ваше съ хорошимъ концомъ. Можете цѣловать мои руки, сколько вамъ угодно, хитрый мальчишка... Сновидецъ этакій...

У Zubова вырвался громкій, радостный вздохъ, и онъ не заставилъ хозяйку повторить ея позволеніе...

Бѣлая ночь совсѣмъ уже овладѣла землею, когда Zubовъ вышелъ отсюда, чтобы обойти и провѣрить караулы.

* * *

Дождливо и пасмурно было на другой день съ утра.

Какъ приговоренный къ смерти, появился въ пріемной Храповицкій, вызванный сюда по особому приказу, хотя былъ вовсе не его чередъ.

Посѣрѣлое, блѣдное лицо, опустившіяся, за два дня исхудалыя щеки и невѣрная походка сразу выдавали, что перенесъ въ это время растерявшійся, напуганный предстоящей немилостью государыни ея довѣренный секретарь.

Вчера вечеромъ заглянули къ опальному кое-кто изъ его придворныхъ друзей и передали обо всемъ, что сами знали относительно разрыва съ Мамоновымъ.

По соображеніямъ Храповицкаго, знающаго Екатерину, такой кризисъ не могъ повліять на нее въ благопріятномъ смыслѣ.

Въ пріемной не оказалось никого. Только Захаръ появился, слышавъ осторожное покашливаніе Храповицкаго-

— А, вы здѣсь, Александръ Васильевичъ. Про васъ ужъ и вопросъ былъ. Пожалуйте.

— Здравствуй, Захарушко.. Иду... иду.. А, постоя минутку... Скажи: какъ матушка? Очень гнѣвна? Что это она меня? Не слыхалъ ли? Бѣда какая ждетъ? Говори ужъ, Захарушка, по старой дружбѣ. Я тебѣ тоже, можетъ, когда въ пригодѣ буду... А? Какъ? Што?

— Ничего сказать не умѣю. Што васъ касаемо—и вовсе не знаю. А что иныхъ дѣлѣ? Такъ, вѣрите, тоже затмился. То по череду все шло. Свѣтлѣйшій человѣкъ на мѣсто опредѣляли. И занималъ онъ свою позицію.. пока слѣдовало.. Тамъ новаго брали, все по выбору князя же, не какъ иначе. А теперь?.. И не разберешь. Всякій со своимъ блюдомъ тянется. А ѣсть мы, видно, и вовсе пробовать не хотимъ.. Ужъ и не знаю... Про васъ тоже не знаю. Не до того тутъ было..

— Ну, извини, Захарушка... Вотъ, понюхать не желаешь ли? Свѣжій. Американскій.

— Благодарствуйте... Ничего, душисть. А мнѣ, все же нашъ, царскосельскій, больше по вкусу, который для государыни матушки выращивается... Одолжиться не хотите ли?

— Что? Это—табакъ!.. Пожалуйте...

И Захаръ, спокойный, величавый, загадочный, какъ каменный истуканъ, растворилъ двери Храповицкому.

Ожидая сейчасъ услышать приказаніе сдать всѣ дѣла и ѣхать въ Сибирь, толстякъ, осѣняя себя частымъ, потаеннымъ крестнымъ знаменіемъ, шепча: „Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его“, скользнулъ черезъ порогъ знакомой двери.

Екатерина стояла къ нему спиной и глядѣла въ окно, на нахмуренное небо, въ туманную, синѣющую даль аллей.

Обернувшись на стукъ, она, молча, отвѣтила кивкомъ

Храповицкому, согнувшему свой зажирѣлый станъ въ необычно глубокомъ поклонѣ.

— Явились, гесударь мой, — рѣзкимъ, повышеннымъ тономъ заговорила Екатерина. — Вы что же это глазъ не кажете? Или сбѣжать надумали? Срамите меня передъ цѣлымъ свѣтомъ... Тутъ послы иностранные, весь дворъ. А онъ меня учить задумалъ! Теперь смѣяться стануть. „Хороша императрица, самодержица, если тамъ какой-нибудь секретаришка ея приватный смѣтетъ при всѣхъ учить, выговоры ей дѣлать... замѣчанія... Слова ея прерывать“ ... Да, этого, сколько правлю, сколько несу свою службу вѣрой и правдою, — еще такого не бывало... Хоть бы то подумали: какой примѣръ вы молодымъ подаете, гесударь мой! Со мною не мало лѣтъ проработавъ, и не знаете меня, не уважаете моей свободы монаршей... Да, за такія вещи тетушка моя... Либо Великій Петръ... Они бы васъ... И я такъ не прошу... Не оставлю... Что молчите? Или не права я? Слово не имѣете въ свое оправданіе, а? Говорите же. Трясется, какъ листъ на осинѣ! И ни слова. Ну-съ!

— Виновать! — падая на колѣни, едва могъ проговорить уничтоженный старикъ. — Кругомъ, какъ есть виновать... И прощенія просить не смѣю. Затмился, окаянный... Виновать, матушка ты моя! Больше не знаю ничего...

— Виновать, вѣрно... Но... не совсѣмъ... Встаньте. За вину и бранила васъ... А за это, вотъ, возьмите. За то, что не побоялись, моей пользы ради, себя подъ отвѣтъ подвести.

Красивая рука протянулась къ пораженному секретарю съ золотой, осыпанной брилліантами, украшенной ея портретомъ, табакеркой, изъ которой гесударыня нюхала почти все время, пока читала грозную, притворную наполовину, отвовѣдь Храповицкому.

— М... мнѣ?! мнѣ?! Мм-ма... матушка ты моя...

И, не имѣя силъ ничего больше сказать, старикъ такъ и зарыдалъ радостными, счастливыми слезами, ловя руку Екатерины, цѣлуя складки ея платья.

— Будетъ на сегодня... Будетъ, встаньте... Съ неба слезы... тутъ слезы... Кругомъ слезы. Встаньте. Берите. Это вамъ на память. Я—женщина и притомъ пылкая. Часто увлекаюсь. Прошу васъ, если замѣтите мою неосторожность, не выражайте явно своего неудовольствія и не высказывайте замѣчаній... но раскройте вашу табакерку и понюхайте... позвучнѣе... Я сейчасъ пойму и удержусь отъ того, что вамъ не нравится. Идетъ?

— Рабъ твой, матушка... Умереть прикажите, ваше величество,—и не задумаюсь!..

— Ну, поживите еще... сколько придется. За работу сядемъ. Что у васъ есть? У меня тутъ тоже набралось кое-что...

Вооружившись очками и своей лупой, Екатерина приступила къ просмотру докладовъ, принесенныхъ Храповицкимъ, слушала его соображенія, приводимыя справки. Но скоро неотвязная дума овладѣла ея душой.

Отложивъ въ сторону бумаги, снимая очки, она вдругъ заговорила своимъ простымъ, дружескимъ тономъ:

— Слыхаль, что у насъ тутъ дѣлается?

— Да, слыхаль, матушка. Охъ... слыхаль...

— Такъ это неожиданно... Подумаешь... Я тебѣ скажу, какъ это было...

И Екатерина взволнованнымъ голосомъ передала Храповицкому все, что произошло между нею и Мамоновымъ вчера.

— Въ отвѣтъ на мое предложеніе... когда я придумала такъ ловко... Une retraite brillante... онъ вдругъ такъ написалъ... Посуди самъ: каково мнѣ было? Jugez du moment!

— Ясно себѣ представляю,—хорошимъ французскимъ языкомъ отвѣтилъ Храповицкій, больше на этомъ языкѣ объяснявшійся во время докладовъ,— это возмутительное бездущіе и дерзость...

— Нѣтъ, скорѣе — глупость и нерѣшительность. Онъ опасался... А хуже, что я съ самаго сентября переносить должна была... Положимъ, свѣтлѣйшій мнѣ намекалъ тогда... Я вниманія не обратила... Сейчасъ вотъ, пишу ему... Слушай: „Если зимой тебѣ открылись, — зачѣмъ ты мнѣ ясно не сказалъ тогда? Много бы огорченія излишняго тѣмъ прекратилось... Я ничѣмъ тираномъ никогда не была и принужденіе ненавижу. Возможно ли, чтобы вы меня не знали до такой степени и считали за дрянную себялюбцу? Вы исцѣлили бы меня въ минуту, сказавъ правду, какъ и теперь оно свершилось. Богъ ему судья...“

— Слушать больно, государыня... Такъ за сердце и беретъ.. Не стоитъ онъ...

— Всеконечное дѣло, не стоитъ. Но и я себя измѣнить не могу. Нынче стговоръ... Мы сейчасъ и кончимъ съ тобой. Ты приготовь указы... на имѣніе для графа... То, что къ именинамъ я собиралась подарить. Теперь свадебнымъ даромъ будетъ... И сто тысячъ вели приготовить... ему же... Затѣмъ... тамъ, въ кабинетѣ, получишь 10 тысячъ особо... Хоть завтра мнѣ ихъ принеси... И, еще... Спроси два перстня... Одинъ получше, съ моимъ портретомъ... А другой— съ камнемъ. Такъ, рублей на тысячу... Не забудь... Знать хочешь: для кого? Пока не скажу... Идите съ Богомъ...

Сіяющій, важный, какъ всегда, вышелъ Храповицкій изъ покоя.

Даже Захаръ удивился быстрой и полной перемѣнѣ, какъ ни привыкъ старый слуга ко всевозможнымъ превращеніямъ при дворѣ.

Держа въ рукѣ вновь пожалованную табакерку, Хра-

повицкій сталъ среди пріемной, снисходительно поманилъ Захара, оглядѣлся и негромко заговорилъ:

— Видишь? Милость какал! Свою, личную мнѣ! Съ табакомъ даже... Нюхай... одолжайся. Разрѣшаю... Вотъ она, матушка... Богиня, не государыня!.. Богиня, больше ни одного слова...

— Поздравляю, ваше высокопревосходительство...

— Балдарю... хотя и просто превосходительство пока...

— Не жалуй безъ нея чинами. Не годится... А, вотъ, лучше, послушай... скажи... Приказаніе мнѣ отдано. Секретное пока... Да тебѣ можно... ты свой... Ну, тамъ, Мамонову, дурачку, на абшидъ — деревеньку душъ тысячи двѣ съ половиной, либо три. Это пустое. И наличными 100 тысячъ... Могъ миллионы получать... И, вдругъ! Дуракъ... Это такъ, по чину ему полагается, при отставкѣ... А, скажи: для кого приказано свѣжихъ 10,000 рубликовъ запасти, принести... И два перстня: съ портретомъ одинъ, другой такъ?

— Два?.. — Глаза Захара заблестѣли, не то отъ любопытства, не то отъ предвкушенія какого-то удовольствія. — Ужъ коли два, — такъ и я вамъ кой-что скажу.. Вы одну половину знаете. Я про другую смекаю... Хоть вѣрнаго еще не видно ничего. Стороной дѣло ведется... Черезъ Нарышкину, черезъ Анну Никитичну. Такъ мнѣ думается. Я изъ воморки своей видѣлъ: гулять пошла матушка... И съ Нарышкиной. И та ей на какого-то офицера показывала. Знаете его... Ротмистръ Зубовъ, конной гвардіи. Начальникъ караульный. Примѣтилъ: приласкали... Совсѣмъ не видный человекъ. Но иные думаютъ, будетъ взятъ ко двору... Прямо никто не знаетъ. А я на него подозрѣніе тоже имѣю.

— На него? Подозрѣніе? Ну, пусть такъ... Подозрѣніе... Лишь бы радость ей была, нашей матушкѣ...

— Лишь бы повеселѣла она, болѣзная! — съ сокрушеніемъ отозвался Захаръ.

— Давай Богъ!.. Лѣтомъ дожди не затяжные, самъ знаешь...

— Такъ-то такъ... Да лѣто наше, гляди, миновало... Охо-хо-хо...

— Ничего! Ей ли о чемъ печалиться. Царь-баба!

— Одно слово, всѣмъ королямъ король!

— Ну, такъ и думать нечего. Прощай...

Важно кивнувъ Захару, Храповицкій вышелъ изъ пріемной.

* * *

— Ну, вотъ и сосватали! — съ грустной улыбкой замѣтила государыня, когда изъ ея будуара вышла княгиня Щербатова, княжна и Мамоновъ, призванные ею въ тотъ же день для официальнаго сватовства.

Минута была тяжелая, и Екатерина могла бы избѣжать ея.

Но ей словно хотѣлось самой поглядѣть: какъ будетъ вести себя, что скажетъ ея фрейлина, испытавшая наравнѣ съ другими, самое ласковое, доброе отношеніе къ себѣ государыни и такъ плохо отплатившая за это?

Княжна была растеряна и замѣтно блѣдна даже сквозь румяна и бѣлила, къ которымъ, вопреки обыновенію своему, прибѣгла насегодня.

Мамоновъ стоялъ, не смѣя поднять глазъ. Маменька то багровѣла, то блѣднѣла и вертѣлась, какъ стрекоза, посаженная на булавку, несмотря на свою тучность.

Можетъ-быть, втайнѣ Екатерина ждала взрыва раскаянія, самоотреченія, на которыя можно было бы красиво отвѣтить еще большимъ великодушіемъ...

Но все обошлось проще. Были слезы, вздохи, полуслова и глубокіе поклоны...

Наконецъ, всѣ ушли.

Екатерина осталась вдвоемъ съ Протасовой и Нарышкиной, которыя изъ сосѣдней комнаты отчасти были свидѣтелями всей сцены.

— Совѣтъ да любовь, только и можно пожелать, — поджавъ тонкія губы, язвительно выговорила Протасова. Ея длинная, сухая фигура стала какъ-будто еще неподвижнѣй, вытянулась еще сильнѣе, шея, казалось, окаменѣла, какъ у старой волчицы.

Хотя приближенная фрейлина была на много моложе, но государыня казалась гораздо свѣжѣе и привлекательнѣе, не говоря объ осанкѣ и чертахъ лица.

Потому, вѣроятно, и не опасалась Екатерина довѣрять этой особѣ свое представительство въ нѣкоторыхъ особыхъ случаяхъ жизни..

— О-о-хъ, дай Боже, чтобы было, чему быть не должно, — замѣтила Нарышкина, наблюдавшая незамѣтно за подругой.

Она видѣла, что Екатерина огорчена сильнѣе, чѣмъ хочетъ показать, и рѣшилась какъ-нибудь вывести ее изъ такого состоянія. Отступая отъ обычной сдержанности и осторожности, несмотря на присутствіе третьяго лица, Протасовой, съ которой была наружно въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, но про себя не любила и опасалась, Нарышкина рѣшительно объявила:

— Какъ я тутъ глазомъ кинула, прямо можно сказать, не будетъ пути и радости отъ этой свадьбы. Молодая пара — не пара совсѣмъ. Да и не такъ ужъ любятъ они другъ-другу... Особливо, она его.

— Да? Правда? И мнѣ что-то показалось... Да почему вы такъ думаете, мой другъ?

— Безъ думы, сердечное у меня явилось воззрѣніе. Пресентиментъ такой. Какъ ни боятся они, какъ ни стыдно имъ, а радость великая, пылъ этотъ самый, пробился бы въ чемъ, кабы много его въ душѣ. Тутъ не видать того. И начинаю я думать, что правъ нашъ Иванъ Степанычъ былъ...

— Ахъ, мой „*Ris beau Pierre!*“ Вотъ ежели бы онъ мнѣ теперь приказать могъ: „*Ris, ravure Catherine!*.. Что же онъ сказывалъ?

— Да, не иначе, говорить, что въ умѣ повредился Мамоновъ... Вонъ, какъ это съ графомъ Гри-Гри.. съ Орловымъ было.. И не безъ чужихъ продѣлокъ дѣло было. Обкурили, опоили чѣмъ-нибудь! Нужно было женишка окрутить, вотъ и подставили ему дѣвицу, въ ловушку затянули... Теперь отвертѣться нельзя. И вы сами, ваше величество, какъ знаютъ всѣ, позорить дѣвицу не позволили бы... даже графу!

— Конечно, оно вѣрно... Но изъ чего вы заключаете? Я хотѣла бы знать.

— Дѣло видимое. Кто не знаетъ, что при всемъ благородствѣ графъ на деньги неглупъ. Изъ рукъ ихъ выпустать не любить... Вонъ, когда имѣніе свое послѣднее купилъ... Вяземскій мнѣ сказывалъ: надо было 230 тысячъ отдать. У него дома ассигнацій было тысячъ на 200, безъ малаго. Да золотомъ столько же. Онъ ассигнаціи отдалъ. А золото ни за что! У Сутерланда, у банкира взялъ подъ вексель. Моль, отъ государыни когда новыя милости будутъ, тогда отдастъ. Чтобы на золотѣ лажу не потерять... Любить онъ его, голубчикъ...

— Вотъ какъ! Никогда бы не подумала, что Саша... что графъ такой... интересанъ... и мелкимъ дѣломъ увлекается... Мнѣ казалось...

— Такъ всегда бываетъ, государыня, когда очень

близко стоитъ кто: видишь глаза, ротъ... А каковъ онъ ростомъ, во что одѣтъ, и запримѣтить трудно, не то, въ какомъ карманѣ рука у него...

— Правда ваша. Это вы вѣрно, другъ мой. Но вы не сказали...

— Про невѣсту? Да, все дѣло короткое. Въ долгу она, какъ въ шелку... Ужъ на что деньги шли? На притиранья, да наряды, либо на то, чтобы рты людямъ заткнуть подарочками, чтобы раньше времени ихъ шапки амурныя куда надо не дошли... А задолжала. И родители не больно въ деньгахъ купаются. Вотъ имъ фортуна-то графа и кстати... А онъ все заплатитъ за нее общалъ, я вѣрно знаю. Ну развѣ жъ не спятилъ, сердечный? Отъ такого счастья на свое разоренье пошелъ! Изъ-за чего? Тьфу! Одно и думается: обошли чѣмъ молодца!

— Можетъ быть, вы и правы, другъ мой... Не насчетъ придворнаго зелья, конечно... Но, а, вотъ, что Иванъ Степанычъ говоритъ, о его помѣшательствѣ... Совсѣмъ, правда, онъ не прежній сталъ... какимъ столько лѣтъ и я, и всѣ знали его... Жаль... Иванъ Степаныча надо завтра на сговоръ позвать. Я и забыла о немъ въ своихъ хлопотахъ. Вы со мною обѣдаете сегодня, душеньки?

— Простите, ваше величество... Должна отклонить честь. Гости у меня нынче приглашены... Въ первый разъ, отказать имъ не охота...

И Протасова обмѣнялась съ Екатериной быстрымъ, выразительнымъ взглядомъ, какъ бы желая пояснить, кто этотъ гость.

. Та вспыхнула, не хуже молодой дѣвушки, услышавшей въ первый разъ вольное слово о любви и даже, въ досадѣ на себя, нахмурилась сейчасъ же.

— Не удерживаю васъ... Съ Богомъ... въ добрый часъ!..

Протасова откланялась и вышла.

— Вы, надѣюсь, не покинете меня, — по-французски обратилась къ Нарышкиной государыня. — Вы видите, какъ я страдаю, какъ я одинока... Я знаю, что вамъ тяжело, пожалуй, цѣлыми днями возиться со мной, такой печальной, растерянной. Но вы добры. Васъ видятъ люди у постели больныхъ, въ углахъ, гдѣ нужда, гдѣ горе. Теперь горе заглянуло и въ этотъ роскошный дворецъ. Неужели вы покинете меня?

— Увы! Какъ ни растрогали меня ваши, незаслуженныя мною милостивыя слова и похвалы, государыня... Но нынче и я не могу оставаться вечеромъ съ вами во дворцѣ. У меня свиданіе...

— Пустое... вздоръ... Свиданіе? Какое? Гдѣ?

— Галантное... Въ паркѣ, на четвертомъ квадратѣ, за Флорами, знаете?... Небо, вонь, прочищается. Вечеръ хорошей общаетъ. Именно, для рандеву.

— Съ кѣмъ, съ кѣмъ?..

— Съ красивымъ, молодымъ ротмистромъ... Съ амуромъ въ кирасѣ.. Съ господиномъ... Назвать?

— Молчи... Я и не поняла сразу, что ты благируешь... А по-нашему, по-русски говоря, балагурка ты, шутиха и больше ничего!

— Рада быть чѣмъ угодно, лишь бы видѣть вотъ эту улыбку, слышать этотъ веселый смѣхъ, замѣнъ слезъ... Довольно ихъ...

— Охъ, нѣтъ, не довольно. Что еще завтра, въ среду, во время стовора будетъ? Чуетъ мое сердце, не выдержу я, — снова затуманясь, отозвалась Екатерина и тихо пошла къ раскрытому окну.

— Ну, нынче хорошая подготовка была. Я и довольна, что не сразу стоворъ.. Не зря и я ихъ позвала сегодня. Именно испытать, подготовить себя хотѣла. Привыкнуть

къ тому, какъ завтра держать себя надо... Такъ, за Флорами, говоришь ты? Смѣшной онъ... Дитя совсѣмъ, а самъ пѣтушится такъ мило...

Екатерина глядѣла вдаль, въ просвѣты аллеи, на зеленныя кущи живыхъ изгородей, словно желая разглядѣть далекое мѣсто, тамъ, за Флорами, теперь уже видѣть все, что тамъ произойдетъ черезъ нѣсколько часовъ...

Желая подавить невольное волненіе, она перенеслась сразу мыслями къ совершенно другимъ вопросамъ и снова грусть заволокла ей глаза...

— А, знаешь: мнѣ поистинѣ жаль его, Annette! — задумчиво произнесла она.

— Ротмистра-амура? Вотъ странное для меня заключеніе, мой другъ...

— Вовсе нѣтъ. Я говорю о Сашѣ... Объ Александрѣ. Правда, она непріятная, хоть и мила собой... Модница излишняя. Видѣла, какіе хахры-махры распустила себѣ! Думаетъ: міръ поразила! А онъ, пожалуй, меньше виновенъ, чѣмъ всѣ говорятъ... Я постараюсь такъ съ ними прститься, чтобы не поминалъ меня лихомъ...

— Посмѣлъ бы... Столько благодарній!..

— Это души не покупаетъ... Мнѣ было пріятно, я дарила, и онъ хорошо зналъ... А тутъ, при разрывѣ, каждое вниманіе получить особую цѣну... Пусть знаетъ и помнить, кого онъ потерялъ во мнѣ!..

— Ахъ, вотъ что, развѣ... Чтобы совѣсть мучила его... Чтобы жалѣлъ объ утерѣ... Ну, тогда, конечно: чѣмъ ни донять сквернаго мужичинишку, по мнѣ все хорошо...

— Смѣшная ты... Какъ это все у тебя? Не то, чтобы я сказать хотѣла... Хотя... Въ самой сути ты права... И свѣтлѣйшему, знаю, будетъ пріятно. Мнѣ сказали: Саша писалъ уже, просилъ у него защиты. А тутъ выйдетъ: и защищаться не отъ кого. Но, посмотримъ... Слышишь, два...

Пора за столъ... Идемъ, мой другъ. Вонъ и Захаръ стучитъ въ дверь... Иду... я иду... готова... А, скажи,—остановясь на порогѣ, негромко, проговорила она,—поспѣетъ твой „Амуръ въ кирасѣ“ на свиданіе отъ Степановны? Не очень задержитъ она его?

— Она бы задержала,—со смѣхомъ отвѣчала Нарышкина,—да, полагаю, онъ самъ не больно задержится, убѣжить скорѣе, какъ возможно!..

— Балагурка ты и больше ничего!..

И громкимъ прежнимъ веселымъ смѣхомъ вторила Екатерина шумному, циничному смѣху своей старой подруги и наперсницы.

* * *

Тихо догорѣлъ ясный іюньскій вечеръ, переходя въ такую же тихую, бѣлую ночь.

Тихо, безлюдно сейчасъ въ той части парка, куда направилась Нарышкина на прогулку со своей спутницей.

Тихо, не колыхнувъ единымъ листочкомъ, стоятъ деревья и кусты, зеленѣютъ ковры изумрудныхъ лужаекъ... Протянулись прямыя аллеи, полныя прянымъ, бодрящимъ ароматомъ и влажной тьмой...

И на перекресткѣ одной изъ аллей желанная встрѣча.

Нарышкина, увлеченная любовью къ ботаникѣ, ушла далеко впередъ, срывая полевые цвѣты и ландыши, пролѣски, которыхъ много въ этомъ концѣ.

Медленно идетъ Екатерина, опираясь слегка на руку своего молодого спутника и время отъ времени заглядывая въ его лицо, которое по росту чуть выше уровня ея лица.

— Вы любите, очевидно, уединеніе и природу, г. Зубовъ? Мы съ вами сходимся въ этомъ. Только вы счастливѣе меня, вы свободнѣй, можете легче слѣдовать своей склонности. Тогда какъ мое ремесло почти всегда требуетъ,

чтобы оставаться на людяхъ... Порою въ самомъ большомъ обществѣ. Но, когда возможно, я живу по-своему. Должно быть, вы приглядѣлись къ моему порядку здѣсь?

— Немного, ваше величество. Служба... И далеко я, собственно, состою...

— Узнаете поближе... Въ Зимнемъ, въ Таврическомъ почти тоже, что и здѣсь. Только шумнѣе, народу служебнаго и чужого больше... Сядемте, если хотите. Ноги у меня ужъ не такъ неутомимы, какъ раннѣй... Такъ. Мы не будемъ звать Анну Никитишну. Она занялась своими коллекціями. Придетъ къ мавританской банѣ... Мы условились. Ну-съ, такъ вотъ мой день... Встаю я въ 6... зимою въ 7. Одна сижу за дѣлами, за письмами, за своими скромными сочиненіями... Я познакомлю васъ... Такъ часовъ до 8, до 9. Пью чашеу кофе... Съ 9-ти начинаются доклады, приемы. Ихъ много: секретарей, министровъ, начальниковъ главныхъ по войску, по сенату, по духовнымъ дѣламъ. У всѣхъ свои дни.. Скоро присмотритесь... Такъ возмися до полудня. Тутъ кончается главная моя служба государству. Самая тяжелая и важная. Въ полдень является старикъ мой, Козловъ. Треплетъ мои волосы и пудритъ, и чешетъ, какъ ему угодно. Онъ ужъ знаетъ мой вкусъ... И что къ какому дню идетъ... Въ это время кто-нибудь приходитъ ко мнѣ, чтобы я не слишкомъ скучала... Болтаемъ и въ уборной, пока мнѣ дадутъ мой ледъ, и я тру себѣ щеки... Это мнѣ сберегло мой цвѣтъ лица... Горжусь. Смотрите: ни крошки румянъ... Ха-ха-ха... Онъ все краснѣетъ! И, такъ, дальше. Перехожѹ въ спальню. Тутъ ужъ брюзга моя, Матрена Саввишна беретъ меня въ свои руки, снимаетъ милый утренній капоть, рядитъ меня вонъ въ такое платье... Мѣняетъ чепецъ... Словомъ, наряжаетъ въ парадный мундиръ, средній, такъ сказать. До двухъ выхожу къ моимъ друзьямъ и придворнымъ, которые собираются передъ обѣ-

домъ. Болтаемъ, смѣемся, если есть чему... По праздникамъ тутъ бывають и послы... Кстати, вы... у васъ очень хорошій французскій говоръ. Напоминаетъ мнѣ Сегюра. Вы знакомы съ графомъ?

— Немного, государыня...

— Вамъ надо ближе сойтись. Это—мой большой другъ и прекрасный челоувѣкъ, достойный подражанія во всемъ... Рыцарь вполнѣ... Но, это—потомъ. Въ 2—обѣдъ. Въ среду, какъ сегодня, и въ пятницу я пощу... Для народа, конечно. Чтобы это знали, не считали меня „нѣмкой“, чужой... Я слишкомъ люблю мой народъ и мало обращаю вниманія на услажденія вкуса... А вы, какъ на этотъ счетъ?

— Солдатъ не долженъ разбирать питья и ѣды, государыня...

— „Не долженъ“—это еще не значить, что не умѣеть, или не хочеть. У васъ, должно-быть, лакомный вкусъ... судя по вашимъ губамъ... Ничего, это не грѣхъ. Послѣ обѣда, лѣтомъ, если нечего дѣлать... Если другъ, который у меня есть, занять, я иногда отдыхаю на диванѣ часокъ. Зимой никогда не сплю днемъ. Потомъ являются докладчики съ иностранной почтой... Мой „генераль“, какъ я зову Бецкаго, приходитъ порою съ новымъ проектомъ грандіознаго благотворительнаго учрежденія, или просто съ книгой... И читаетъ до 6. Теперь онъ боленъ, слабъ глазами. Я очень его люблю... Въ 6—второе собраніе... Часовъ до 9-ти. Зимой по четвергамъ—малое собраніе въ Эрмитажѣ, какъ вамъ извѣстно. По воскресеньямъ—тамъ же игра, маскарадъ... Вечерами—карты, пѣніе, музыка...—Въ 10—я иду къ себѣ. Выпиваю свой стаканъ воды—и свободна отъ всѣхъ дѣлъ... Сама себѣ хозяйка... До утра... А тамъ все снова, какъ заведенные часы. Вамъ не показалась бы скучной такая жизнь?

— Жизнь моей государыни? О, нѣтъ...

— Видите ли, самое важное для здоровья—не мѣнять своихъ привычекъ. А я ужъ такъ привыкла. И должна беречь себя именно для службы моей, которая, говорятъ, не бесполезна и другимъ... Вотъ теперь вы знаете мой день. А какъ проводите его вы? Какія у васъ привычки, Зубовъ?

— Никакихъ нѣтъ, государыня... Службу свою несу, какъ и другіе офицеры. Вамъ она вѣдома. А не занятъ, тогда...

— Гости, товарищи, пирушки, дѣвчонки, какъ у всѣхъ... Молодость, знаю...

— Долженъ возразить, ваше величество. Лгать не могу. Не такъ оно у меня. Я нелюдимъ по душѣ. Дома больше сижу. Люблю книги... Музыкѣ приверженъ. Пиликаю на скрипкѣ порой... Конечно, какъ умѣю...

— Вотъ оно что. Да вы—кладъ. Мы васъ попробуемъ на концертахъ, на нашихъ маленькихъ. Я, сознаться, въ музыкѣ плохо понимаю. Да у насъ всѣ отъ нея безъ ума. Приходится иному пѣвцу, или балалаечнику, въ родѣ Сарти съ гитарой его, платить такія деньги, что двухъ храбрыхъ генераловъ можно содержать... Нечего дѣлать. При всѣхъ дворахъ музы... И у насъ—музы... И чтеніе, и стихи, и пѣніе, и рисованіе. Можетъ, и съ этимъ дѣломъ знакомы?

— Немного, государыня...

— Золотой мужчина! Вы скромность оставьте. Со мною будьте, какъ съ собой. Я немного понимаю людей.. Искренность, особенно въ тѣхъ, кто мнѣ пріятенъ, я цѣню выше всего...

— Слушаю, государыня...

— „И исполняю“, надо добавить по артикулу... Ха-ха-ха!

— Ну, вотъ мы и познакомились другъ съ другомъ. А я

отдохнула. Идемте къ сборному пункту. Нарышкина, пожалуйста, тамъ и насъ уже ждетъ...

Медленно двинулись они по аллеѣ.

— Кстати: вы и съ Вяземскимъ знакомы? Нынче случайно зашла рѣчь о батюшкѣ о вашемъ... О службѣ его. Васъ помянули. Князь что-то лестное выразилъ о васъ. Это хорошо, если человѣка съ разныхъ сторонъ хвалятъ. Для него безопаснѣй, чего бы онъ не достигъ. Меньше зависти. Судьба тебѣ даетъ удачу, помогай, чѣмъ можешь и другимъ. Я всегда старалась такъ дѣлать. Мое правило первое: живи и жить давай другимъ...

— До того, что моя государыня и всю жизнь свою отдала народу и славѣ нашей...

— Ну, не всю ужъ... Уголочекъ небольшой себѣ оставила... Я тоже нелюдимка, какъ ни странно то слышать отъ меня... Среди толпы одинока хуже, чѣмъ, вотъ теперь съ моимъ молодымъ ротмистромъ, который такъ рыцарски помогаетъ своей слабой государынѣ брести по прелестному парку. Но знаете, и тутъ немного воли давали мнѣ... Есть люди... Мною созданные. Я выковала имъ мечъ и копье, одѣла въ броню адамантовую... А они и надо мною власть желаютъ до конца забрать. Въ сердечномъ движеніи моемъ такъ же хозяйничать, какъ въ войскахъ, въ казнѣ, въ флотѣ... Мнѣ надоѣло это. Я сама хочу чувствовать и думать, не оглядываясь ни на кого... Надѣюсь, годы мои такіе—съ иронической, горькой усмѣшкой произнесла Екатерина:—что могу смѣть... И тотъ, кого хотѣла бы приблизить къ себѣ, долженъ воленъ быть, какъ птица... Ни на кого не долженъ глядѣть, только Бога бояться... и любить немного меня... Мнѣ вѣрить... меня беречь, мнѣ говорить правду... Мнѣ будетъ отрадно тогда, легко, хорошо... А ему и того лучше.

— Да, государыня... Да, выше счастья... Да может ли быть, что лучше?..

— Не знаю... Очень ужъ извѣрилась я во всемъ... и во всѣхъ... Вонъ, и этотъ дубъ тонкой былинкой проросталь. А теперь—буйный какой, кудрявый... Всѣмъ сосѣдямъ свѣтъ заслоняетъ. И той самой землѣ, изъ которой выросъ, которая соками своими питала его... И люди такъ часто... Всегда...

— Нѣтъ, клянусь, не всегда, государыня...

— Дай Богъ, дай Богъ... Вы молоды... Очень даже. И худо это... и хорошо. Душа еще мягка у васъ... сердце нѣжно. Васъ можно воспитать въ прекрасномъ свѣтѣ правды и долга...

— И любви, преданности до гроба... И благодарности свыше силъ...

— Дай Богъ, дай Богъ... -Ну, вотъ мы и пришли... А нашей милой Нарышкиной еще нѣтъ. Хотите взглянуть на мой мавританскій домикъ? Кстати, и ключъ въ дверяхъ... Да, нынче... я и забыла... Середа у насъ... моя холодная ванна. Я въ это время принимаю очень холодную ванну. Врачи сердятся. А я привыкла и хуже себя чувствую безъ нея. Холодъ закаляетъ. Тѣло остается свѣжимъ, твердымъ, несмотря на годы... Вамъ тоже совѣтую понемногу начать закалять себя... Войдемте...

Небольшое зданіе причудливой архитектуры заключало въ себѣ двѣ довольно обширныя комнаты въ мавританскомъ стилѣ съ мягкими, низенькими диванами, съ кучами шитыхъ подушекъ, разубранныхъ дорогими коврами Персіи, индійскими шалами, вмѣсто портьеръ и гардинъ. Бѣлая ночь странно озаряла мелкій переплетъ изъ цвѣтныхъ стеколъ, вставленныхъ въ нѣсколько оконъ этихъ переднихъ покоевъ.

Дальше, когда Екатерина распахнула небольшую рѣз-

ную, позолоченную дверь, Зубовъ увидѣлъ круглую комнату, освѣщаемую днемъ черезъ куполь съ матовыми стеклами. Сейчасъ здѣсь было темно. Только нѣсколько мавританскаго стилиа лампадъ озаряли мраморный полъ и стѣны турецкой бани, гдѣ вдоль стѣнъ золотились свѣжія циновки, темнѣли мягкія подушки... Большая ванна, скорѣй—бассейнъ изъ фарфора былъ устроенъ въ одномъ углу. Золотые краны несли въ него холодную и теплую воду. Золотые и серебряные кувшины и тазы стояли наготовѣ вмѣстѣ съ остальными принадлежностями, необходимыми при мытьѣ.

— Точный снимокъ съ бани моего пріятеля, султана, — съ улыбкой замѣтила Екатерина. — Ну, вы идите въ первый покой, подождите тамъ. Я скоро тутъ пополошусь. Не будетъ вамъ скучно ждать?

— О, государыня...

— Опять краснѣеть... Ужъ не яеобинець ли вы? Ихъ цвѣтъ красный... Только чурь... Сюда не вздумайте заглянуть... Мнѣ Протасова говорила: какой ты шалунъ. Вотъ, нельзя бы ожидать, судя по такой невинной наружности! Идите...

Слегка коснувшись его плеча, она толкнула его впередъ и потомъ закрыла неплотно дверь, за которой скрылся Зубовъ.

* * *

Когда Екатерина, гораздо ласковѣе и сильнѣе прежняго опираясь на руку своего спутника, показала изъ мавританскаго домика, на ближнемъ перекресткѣ аллеи обрисовалась фигура Нарышкиной съ огромнымъ букетомъ въ рукахъ.

— Мой другъ, жива ли ты? Гдѣ вы пропадали? — громко, весело спросила ее Екатерина, маня къ себѣ. — Мы

уже и ждать перестали. Думали вдвоемъ вернуться домой, какъ ни рискованно было бы такое появленіе небывалой пары въ 11 часовъ вечера.

— Это бѣлая ночь виновата, государыня, что я забыла про время... и даже про мои обязанности... Простите!

— Безъ присѣданій, хитрая лисичка... Я такъ довольна... Мнѣ такъ хорошо... Этотъ воздухъ, этотъ вечеръ. Мой милый веселый спутникъ... Я помолодѣла на много лѣтъ. Какъ муха весною, ожила, крѣпка и весела... Bravo, даже стихи... Чего никогда не бывало со мною...

— А, значить, г. Зубовъ сумѣлъ развеселить мою государыню? За это онъ достоинъ награды, и я...

— Стойте, стойте... Я понимаю вашъ коварный умыселъ... Дайте сюда ваши цвѣты. Безъ возраженій... Господинъ Зубовъ! Примите мой первый даръ отъ вашей государыни. Вѣрьте, мое расположеніе къ вамъ такъ же безыскусственно и будетъ прочнымъ, какъ красивы и нѣжны эти полевые цвѣты... Что это, на колѣни? Къ чему? Не надо...

— Только такъ хочу принять этотъ первый даръ моей государыни... моей матери... ангела добраго!.. И сохраню до гроба!

Принявъ букетъ, онъ горячо поцѣловаль руку государыни, поцѣловаль цвѣты и, отдѣливъ часть, спряталъ ихъ въ бумажникъ, на груди.

— Прелестно. Совѣмъ картина Ватто! Но, поспѣшимте, государыня. Въ самомъ дѣлѣ, пора. Вы насъ не провожайте, г. ротмистръ. Такъ лучше. Не правда ли?

— Вы правы, Анна Никитишна. Идите, мой другъ... Что? Не хотите? Ну, будь по-вашему. Проводите насъ еще немного. Кстати, я расскажу вамъ, что было нынче при сговорѣ... Умора и слезы... Я плакала такъ... Вотъ, она знаетъ... Прямо, они считали меня людоедкой. Я была

такъ ласкова. Благословила. Сказала, что дарю ему 100 тысячъ... Да, да... Я, и разставаясь, умѣю награждать своихъ друзей. Пусть это знаютъ всѣ... и не опасаются мнѣ говорить: какая бы перемена ни произошла у нихъ въ чувствахъ... Такъ, вотъ... Сказала о деревнѣ... Маменька чуть не лопнула отъ жадности и восторга. Мнѣ думается, она бы не прочь и зятка и дочку оставить при мнѣ, если бы я того пожелала... И не очень бы позволяла дочери ревновать... Ха-ха-ха... Но они... Представьте: прямо безъ чувствъ были оба. Пришлось ихъ приводить въ себя... Жаль... и смѣшно... Впрочемъ, теперь не жаль... и не смѣшно... Мнѣ такъ хорошо... Слышите, Зубовъ... Если вы любите свою государыню, это должно васъ радовать...

— Я словъ не нахожу... Я такъ теперь...

— Ну, ступайте, дома поищите ихъ... Вотъ, и пришли мы почти. Насъ ужъ тутъ не обидитъ никто... Идите... Съ Богомъ!..

Она протянула руку Зубову. Тотъ принявъ, поцѣловалъ ее, почувствовалъ крѣпкое отвѣтное пожатіе и мимолетное прикосновеніе губъ Екатерины къ своему лбу.

Низко поклонившись Нарышкиной, Зубовъ военнымъ, скорымъ шагомъ свернулъ на аллею, ведущую на караульный дворъ.

* * *

Въ четвергъ, 21 іюня, въ сопровожденіи Нарышкиной, въ 3 часа появился молодой ротмистръ въ покояхъ Екатерины, куда Нарышкина провела его черезъ верхъ.

Послѣ вечерняго приѣма снеса вмѣстѣ со своей руководительницей онъ вернулся туда и, по уходѣ Нарышкиной, провелъ время наединѣ съ державной хозяйкой до 11 часовъ вечера.

Съ низкимъ, почтительнымъ поклономъ проводилъ его до выходныхъ дверей Захаръ, неотлучно дежурящій на своемъ посту.

— Богъ въ помощь! Успѣха и счастья желаю, г. ротмистръ...

— Благодарю, голубчикъ Захаръ,—ласково отвѣтилъ поздній гость.

* * *

По случаю пятницы — постный обѣдъ, какъ всегда, подали государынѣ.

Только Левъ Нарышкинъ, Протасова, Анна Никитична и Мамоновъ обычно ѣли въ эти дни съ государыней.

— Не хочу портить желудки моимъ придворнымъ постными щами и масломъ,—говорила она.

И кромѣ обѣихъ дамъ, Нарышкинъ, лакеи, фрейлины и камеръ-юнкеры, всѣ были поражены, когда увидали, что мѣсто Мамонова за столомъ занялъ по приглашенію государыни красивый, но такой невзрачный на видъ, юный, женообразный ротмистръ, начальникъ дворцоваго караула.

Даже Нарышкинъ, обычно гаерничавшій и забавляющій всѣхъ самыми нелѣпыми и грубыми порою шутками, хотя предвидѣлъ кое-что, но былъ изумленъ быстрымъ ходомъ дѣлъ и плохо занималъ компанію,

— Ты сталъ молчаливъ, какъ рыба, или какъ графъ Мамоновъ,—смѣло, словно бросая вызовъ, замѣтила Екатерина.—Кстати, я очень недовольна своими. Знаете ли, съ тѣхъ поръ, какъ провѣдали, что онъ уходитъ отъ двора, ни одной души не видно у него на половинѣ, гдѣ раньше, сказываютъ, проходу отъ людей не было... Вотъ она слабость души человѣческой... Чтобы хуже не сказать. Если мнѣ думаютъ этимъ угодить,—напрасно. Сегюръ одинъ заглянулъ къ бѣдняжкѣ. И я при всѣхъ выразила ему свою

Великій Князь Константинъ Павловичъ въ юности.

Великій Князь Александръ Павловичъ въ юности.

признательность и похвалу... Вы незнакомы съ графомъ, г. Зубовъ?

— Весьма мало, ваше величество.

— Должно-быть... Да и вамъ къ нему заходить не надо... Я такъ спросила. Ёшьте. Три блюда. Больше не будетъ ничего. Вотъ, вишни еще... Любите? Я очень люблю... И вы? Отлично. Давайте ёсть взапуски, кто больше? Вишни—очень сытная ягода... Или яблока хотите?.. Нётъ? Ну, кофе. И столу конецъ. Не взыщите. День такой. Завтра милости просимъ. Лучше угощу. Только, кто дежурный? Не Цотапычъ? Нётъ. А то онъ говоритъ, что ёсть люди не могутъ. Мнё-то все равно... Лишь бы горячаго тарелку и мяса хорошій кусокъ... Пока, до свиданія. Съ Богомъ, друзья. Я послё всёхъ волненій отдохну немного... Усталость чувствую. До вечера... всё, господа...

Вечеромъ снова, когда Екатерина осталась одна, Зубовъ прошелъ черезъ верхъ, безъ Нарышкиной. Ходъ былъ знакомъ.

Послё 11, прощаясь съ гостемъ, Екатерина взяла его руку и надёла одинъ изъ приготовленныхъ перстней, съ ея портретомъ.

— Вы мнё говорили, что мало удастся видёть меня, говорить со мною. Пусть этотъ портретъ въ такія минуты замёняетъ меня... напоминаетъ вамъ, что я тоже думаю, желаю видёть васъ чаще и дольше... А это кольцо, вотъ, возьмите... Мой старый Захаръ теперь, ради нашихъ позднихъ бесёдъ, дежуритъ лишніе часы, ждетъ, чтобы выпустить васъ, запереть двери, принести мнё ключи. Вы отъ себя подарите старику. Онъ будетъ радъ. Вы успёли завоевать его сердце. Нынче еще онъ очень хорошо говорил о васъ. Это рёдко бываетъ. Обыкновенно онъ молчитъ и исполняетъ то, чего я хочу, что мнё пріятно... И вдругъ „личное благоволеніе“! Вы — человекъ необыкновенный,

Платонъ Александровичъ... Дай Богъ, чтобы всѣ васъ любили по достоинству. Это только упрочить мою дружбу къ вамъ. Я на-дняхъ собираюсь писать о васъ Потемкину. Не удивляйтесь. Мы съ нимъ иногда бываемъ въ ссорѣ, но тѣмъ крѣпче становится послѣ нашъ многолѣтній союзъ. Мнѣ онъ всегда былъ лучшимъ совѣтчикомъ и другомъ. А для Россіи сдѣлалъ такъ много, что я ужъ не знаю, какъ и благодарить его... За это прощается ему излишнее, какъ бы это сказать... властолюбіе порой. Теперь война, кругомъ и дома много недруговъ. Теперь особенно нужна мнѣ и царству помощь свѣтлѣйшаго, вся сила его ума и души. Постарайтесь, чтобы онъ подарилъ васъ своимъ расположениемъ. Мнѣ кажется, вы сумѣете этого достигъ, если пожелаете. Будутъ ему наговаривать... Знаю, ему писали уже дурно о васъ. Я напишу наоборотъ. Мнѣ онъ повѣритъ. Объ отальномъ подумайте. Доброй ночи, другъ мой... Погодите... Вы тутъ что-то забыли...

Отогнувъ подушку на диванѣ, она указала ему вышитый бумажникъ, въ которомъ лежала большая пачка денегъ, ровно 10 тысячъ, какъ потомъ сосчиталъ Зубовъ.

Спрятавъ молча бумажникъ въ боковой карманъ, поцѣловавъ красивую, ласково протянутую ему руку, Зубовъ вышелъ.

Въ сосѣдной комнатѣ Захаръ дремалъ въ своемъ обычномъ креслѣ.

При шумѣ открываемой двери онъ поднялся, взялъ свѣчу и приготовился проводить аккуратнаго, ежедневнаго гостя.

— Поздно, старина, усталъ? Ну, не посѣтуй... Вотъ, прими отъ меня за безпокойство. Государыня знаетъ, какъ ты любишь ее... Ужъ потрудишься для нашей матушки...

— Помилуйте, ваше сіятельство! Не надо мнѣ... Я и такъ готовъ, что угодно... Благодарствуйте! Трудъ-то не

великъ. Не стоило бы такой милости... Да, думается,— Захаръ подошелъ ближе, заговорилъ немного тише,— не долго и дежурить мнѣ придется.. Иначе дѣло пойдетъ...

— Иначе? Какъ иначе?—дрогнувшимъ голосомъ спросилъ Зубовъ, чувствуя, что руки и ноги у него холодѣютъ и сердце замираетъ, какъ-будто оно перестало биться со всѣмъ.—Что хочешь ты сказать, Захаръ?

— Да дѣло обычное. Свадьба черезъ недѣлку. Молодые выйдутъ. А государыня уже и сама заглянуть изволила въ нижній этажъ апартаментовъ графскихъ... Поди, завтра-послѣзавтра чистить, править тамъ начнутъ... А тамъ, Богъ дастъ, и на новоселье придемъ поздравить васъ... Вотъ про что я думалъ.

— Да, вотъ что...—свободно вздохнувъ, сказалъ Зубовъ—а я-было... Ну, тамъ увидимъ. Воля Божья... Какъ государыня пожелаетъ...

— Вѣстимо, воля Божья да ея, государыни. Это вы правильно. Но ужъ воля эта и намъ, малымъ людямъ, обозначается... Дай Господи... на многая лѣта! Еще разъ благодарствуйте, что порадовали старика... Пожалуйте, по свѣчу вамъ... Осторожьѣ... Приступочка тутъ... Такъ... Пожалуйте...

* * *

Екатерина могла быть довольна: все шло по ея желанію, какъ она привыкла. Мѣнялось только лицо, но порядокъ весь оставался прежній.

Правда, при всякомъ удобномъ случаѣ Екатерина проливали не мало слезъ, по склонности къ такого рода занятію. Но въ тѣ минуты, когда она проявляла довольный, веселый видъ, въ этомъ не было притворства, дѣлала она это не для того, чтобы позлить или уколоть уходящихъ и успокоить съ ней пребывающихъ.

Дѣйствительно, прежнее душевное равновѣсіе вернулось къ Екатеринѣ. Даже до того, что наканунѣ свадьбы Мамонова она весело рѣзвилась съ внуками, съ нѣкоторыми изъ самыхъ близкихъ лицъ ея свиты, приняла участіе въ „жмуркахъ“, затѣянныхъ молодежью на лужайкѣ у озера...

Зубовъ всегда находился тутъ, не особенно близко, но и не такъ далеко, какъ бы полагалось караульному ротмистру.

Всѣ смотрѣли. Нѣкоторые пожимали плечами. Придворные изъ партіи Потемкина и Безбородко высказывали самыя неблагопріятныя для „новичка“ предположенія, называя его „эфмеридой“, „мотылькомъ-поденкой“ и пр.

— Не ночной ли это „бражникъ, мертвая голова“, что живетъ дольше всѣхъ жуковъ и другихъ сверчковъ запечныхъ, — пошутилъ какъ-то Левъ Нарышкинъ, услыхавъ приорианія и толки, недружелюбные для Зубова.

Окружающіе значительно переглянулись и убѣдились, что дѣло серьезнѣе, чѣмъ предполагали многіе.

И снова стали повторять анекдотъ, который разъ пустили тутъ же про Орлова и Потемкина, въ ихъ прежнюю пору.

— Представьте, какая шутка случая, — говорили у Дашковой и въ другихъ гостиныхъ, гдѣ особенно интересовались домашней жизнью Екатерины: — они встрѣтились во вторникъ на лѣстницѣ. Мамоновъ сходитъ въ коляску а Зубовъ подымается. Сошлись, раскланялись. Зубовъ такъ мягко, знаете, вѣжливенько, такъ по-лисьему, какъ онъ всегда, спрашиваетъ: „Что новенькаго, ваше сіятельство, слышать нынче во дворцѣ?“... А тотъ повелъ презрительно глазами и говоритъ: „Новаго ничего... Развѣ, вотъ, только: вы подыметесь... Я опускаюсь“... Засмѣялся и дальше идетъ. Тотъ такъ и остался съ носомъ.

Но всё признали, что Зубовъ „подымется“ по дворцовой лѣстницѣ и очень быстро. Тѣмъ болѣе это казалось неожиданнымъ, что никто почти не зналъ, чья рука выдвинула эту новую маріонетку на первый планъ дворцовой сцены.

Салтыковъ слушалъ толки, поводилъ остренькимъ носомъ своимъ и хитро посмѣивался.

1-го юля состоялась свадьба Мамонова и Щербатовой. Государыня сама убирала брилліантами голову своей фрейлины, какъ это бывало обычно. Гостей, по желанію графа, приглашено было очень мало...

Свадебный вечеръ прошелъ довольно грустно, хотя новобрачному выдали наличными сто тысячъ рублей и данную на 3000 душъ — поистинѣ, царскій свадебный подарокъ. Онъ былъ особенно значителенъ потому, что война истощила всё средства и казна почти пустовала...

Въ полночь молодые выѣхали въ Москву для свиданія съ родителями графа Мамонова. Конечно, и на прощаніи пролито было не мало слезъ, вырывались просьбы о прощеніи и слова милости, забвенія прошлому, дурному, конечно, не хорошему...

Черезъ день Зубовъ перебрался въ помещеніе, прежде занимаемое Мамоновымъ. Только старый фаворитъ пользовался двумя этажами. Новому предоставленъ былъ пока одинъ нижній.

Въ тотъ же день онъ получилъ рескриптъ о назначеніи своемъ флигель-адъютантомъ въ чинѣ полковника гвардіи.

Захаръ, передавъ бумагу, указалъ Зубову на письменный столъ, великолѣпной работы, стоящій въ кабинетѣ новаго фаворита.

— Заглянули бы сюда, ваше превосходительство... Можетъ, еще что найдете хорошенькое?

И вышелъ добродушно посмѣиваясь.

Зубовъ сдѣлалъ быстрое движеніе къ столу, но удержался, далъ уйти Зотову и обратился къ юношѣ, лѣтъ 19, красавцу, стройному, но совсѣмъ ребенку на видъ, къ брату своему Валеріану, котораго выписалъ сюда, чтобы подѣлиться нежданной удачей и счастьемъ.

— Это должно-быть, обычный подарокъ, на зубокъ... Знаешь, сколько?

— Сто тысячъ всегда кладется,—живо отозвался хорошо освѣдомленный юноша:—у насъ уже всѣ порядки извѣстны въ этомъ домѣ... Открой скорѣй, поглядимъ. Интересно: золотомъ или ассигнаціями?..

— Разумѣется, золотомъ,—раскрывъ ящикъ, радостно заявилъ Платонъ.—Смотри... Не стоитъ пересчитывать... Тутъ написано вездѣ на сверткахъ... Смотри...

Быстро разрывая бумажныя оболочки, Платонъ наполнилъ цѣлымъ каскадомъ золотыхъ монетъ ящикъ стола. Скоро онъ весь былъ полонъ. Нижняя доска погнулась отъ тяжести, грозила выпасть.

И на столѣ еще лежали неразвернутые столбики, по пятисотъ рублей каждый.

Пачка ассигнацій, тоже запечатанная, съ надписью: „25,000“, пополняла счетъ.

Съ красными, возбужденными, ликующими лицами, съ глазами, сверкающими и радостными, оба брата посмотрѣли другъ на друга.

— Эка фортуница, братъ!—воскликнулъ Валеріанъ.—Во снѣ не снилось. Вотъ бы старика нашего сюда! Онъ съ ума бы сошелъ. Любить эти штучки... Ха-ха-ха... Хорошія онѣ...

И мальчикъ, погрузивъ руки въ груды золота, подбрасывалъ осторожно монеты, прислушиваясь къ веселому ихъ звону, откликаясь ему молодымъ, восторженнымъ смѣхомъ.

Платонъ что-то соображалъ.

— Слушай, — сказалъ онъ быстро, — бери себѣ, сколько надо, на расходы... Есть кошелекъ? Насыпай... Остальное свези въ банкъ, положи на мое имя. Оставь тутъ тысячъ пять. И ассигнаціями захвати двѣ тысячи... По дорогѣ у Завулона возьми часы. Онъ знаетъ... Я приглядѣлъ ихъ для Нарышкиной. Вотъ чортъ-баба. Она много мнѣ помогла... Тамъ я двое часовъ смотрѣлъ. Есть подороже, на три съ половиной тысячи. Тѣхъ не бери. Пока и за двѣ тысячи съ нею довольно. Будетъ что дальше, такъ я ей еще поднесу... Стоитъ того... Знаешь, я тебѣ расскажу... Потомъ... Не здѣсь, не сейчасъ... Поѣзжай... Я прикажу, тебѣ это сложать въ сакъ-воляжъ... Подожди... Смотри, не оброни дорогой чего... Смотри... Я пошлю двухъ солдатъ съ тобой изъ караула... Самъ прикажи... Теперь ты будешь на мое мѣсто начальникомъ караула. Я просилъ государыню. Она хочетъ познакомиться, видѣть тебя... Оставь, не души меня... Ты — братъ. Значитъ, я могу надѣяться, что и отъ тебя увижу всякую помощь, если понадобится... Стунай же, сдѣлай... Мнѣ теперь безъ разрѣшенія государыни никуда выѣзжать и выходить нельзя, ты знаешь...

— Да ужъ... Клѣтка чудесная... Но крѣпко приперта. Мы знаемъ... Не безпокойся. Я все сдѣлаю. Я ужъ не мальчикъ. А за назначеніе... какъ и благодарить тебя! Милый... Иду... бѣгу...

* * *

Въ тотъ же день, въ среду вечеромъ, была обычная игра въ покояхъ государыни.

Графъ Строгановъ, генераль Архаровъ, графъ Штакельбергъ и Чертковъ составляли обычную партію Екатерины, Шувалова, Протасова, Нарышкина, графиня Брюсъ и Потockая играли за другимъ столомъ. Дежурные камеръ-юнкеры развлекали фрейлинь, которыя съ удовольствіемъ про-

мѣняли бы эти покои на просторъ и прохладу дремлющаго парка и ароматныхъ цвѣтниковъ.

Въ раскрытыя окна доносился запахъ зацвѣтающихъ липъ.

Платонъ Зубовъ въ первый разъ сидѣлъ тутъ въ новенькомъ мундирѣ съ флигель-адъютантскими шнурами, доставленномъ ему утромъ вмѣстѣ съ назначеніемъ.

Онъ то подсаживался къ столу Екатерины, которая каждый разъ ласково заговаривала съ нимъ, то бродилъ по комнатамъ, говорилъ съ Валеріаномъ, тоже приглашеннымъ сюда, слушалъ шутки Льва Нарышкина и сдержанно смѣялся, разговаривалъ съ Салтыковымъ и Шуваловымъ, съ Вяземскимъ, съ нѣкоторыми пожилыми статсъ-дамами, искусно обходя юныхъ фрейлинъ которыя уже сдѣлали его предметомъ своего открытаго, наивнаго обожанія.

Зубовъ чувствовалъ, что взглядъ Екатерины неотступно слѣдитъ за нимъ. Не слыша, она слышитъ, угадываетъ все его рѣчи, волнуется вмѣстѣ съ нимъ этимъ дебютомъ ея новаго любимца среди первыхъ лицъ двора, въ кружкѣ самыхъ близкихъ къ ней людей..

Очевидно, дѣло шло гладко и имъ были довольны. Все любезнѣе и привѣтливѣе становились слова и взоры государыни, когда онъ подходилъ къ ея столу.

Салтыковъ весь сіялъ, блестялъ, какъ новая мѣдная монета. Но изъ осторожности, держался довольно чопорно и офиціально съ новымъ фаворитомъ, своимъ ставленникомъ. По его соображеніямъ, старый хитрецъ рѣшилъ, что Екатерина не должна знать объ его близкомъ участіи въ дѣлѣ новаго выбора ея неугомоннаго сердца.

Быстро стрѣлка дошла до 10 часовъ Екатерина встала, простилась со всеми и, опираясь на руку своего новаго „флигель-адъютанта“, ушла во внутренніе покои.

Этимъ совмѣстнымъ удаленіемъ какъ бы офиціально

былъ представленъ двору и всему заинтересованному міру новый фаворитъ Екатерины, полковникъ Платонъ Зубовъ.

А этотъ дворъ, цѣлая Россія и даже политическій остальной міръ не могли не заинтересоваться вопросомъ, кто замѣнитъ у трона „мѣсто“ графа Дмитрія Мамонова.

И враги, и друзья знали, что государыня стремится не только найти личныя радости въ каждомъ новомъ избранникѣ, а старается „воспитать“ въ нихъ, какъ сама часто повторяла, полезныхъ слугъ себѣ и родинѣ.

Служить Екатеринѣ значило имѣть въ рукахъ нити очень сложныхъ и важныхъ дѣлъ, близкихъ какъ внутренней, такъ и внѣшней жизни и дѣятельности цѣлой Россіи.

И остатокъ вечера тутъ, во дворцѣ, и по своимъ роскошнымъ жилищамъ, и вообще, всюду, куда проникли вѣрные слухи о новостяхъ Царскаго Села, — вездѣ только и толковъ было о томъ, приметъ ли новый курсъ обычное направленіе государственныхъ дѣлъ, или все останется по старому, на время, по крайней мѣрѣ?.. Пока „новичокъ“ не приобрететъ новаго навыка, не попадетъ въ руки какой-нибудь партіи, или не создастъ свою, особую отъ всѣхъ, значительную и сильную «конъюнктуру»?..

На другое же утро передняя, пріемная и еще два покоя на половинѣ Зубова были переполнены съ утра разнымъ народомъ, явившимся, по старому обычаю, на поклонъ къ новому баловню судьбы, къ признанному фавориту, временщику, какъ называли по-русски этихъ баловней.

Прискакали люди, когда-либо знавшіе ротмистра и полагающіе, что ихъ доброе отношеніе въ прежнюю пору, принесетъ теперь богатые плоды. Явились просители и льстецы, ищущіе, передъ кѣмъ склониться въ раболѣпной мольбѣ... Не полѣнились и первые тузы Имперіи явиться въ полномъ парадѣ съ орденами и лентами, чтобы увѣрить

въ своей «аттенціи» и всеконечномъ почитаніи восходящее на дворцовомъ горизонтѣ новое свѣтило...

Кромѣ своихъ: Салтыкова, Нарышкиныхъ и Вяземскаго, тутъ толпились и Безбородко со своимъ первымъ помощникомъ Марковымъ, и престарѣлый генераль Мелиссино, и генераль Тутолминъ, похожій на выѣздного гайдука изъ богатаго дома, и Архаровъ, князь Урусовъ тискался ближе къ спальнѣ Зубова, чтобы первымъ попасть на глаза.

Шуваловъ появился попозднѣе. Герцогъ курляндскій, сидящій какъ разъ въ Петербургѣ, всѣмъ дающій взятки, ищущій у всѣхъ покровительства, попалъ въ первые ряды... Графъ Самойловъ, изъ партіи Потемкина, и еще нѣсколько такихъ же сановниковъ, хотя съ недовольными, будирующими минами и съ колкостями на устахъ, но явились сюда со всѣми...

Почему-то Зубовъ заспался, или нарочно оттягивалъ свой выходъ ко всей толпѣ незваныхъ, но желанныхъ гостей,—и тѣснота быстро увеличивалась отъ наплыва новыхъ лицъ.

Только около 11 часовъ показался полковникъ, словно для того, чтобы сдѣлать смотръ этому отряду генераловъ, добровольно, пришедшихъ заявить ему о своей готовности служить подъ его неопытной еще командой...

Чувство гордости охватило счастливица-высочку, когда онъ увидѣлъ, какія сливки двора и общества смиренно ожидаютъ его появленія, какъ они почтительно, гулко привѣтствуютъ его, отвѣчая на любезный хозяйскій привѣтъ.

Но въ то же время въ душѣ, не привычной къ этой придворной, удушливой средѣ, къ этой готовности пресмыкаться передъ успѣхомъ, въ груди у Зубова вдругъ загорѣлось какое-то неожиданное возмущеніе, чувство гадливости по отношенію къ тѣмъ, кто, позабывъ и года, и положеніе, и старья, боевыя, служебныя, заслуги, прибѣжалъ

и столчился гурьбой въ приѣмныхъ и переднихъ комнатахъ молодого, беззвѣстнаго офицера, вчера произведеннаго въ полковники не за особыя заслуги, а въ знакъ сердечнаго расположенія всевластной женщины, имѣющей право распоряжаться здѣсь всѣмъ и всѣми, какъ пожелаетъ того она сама...

И это неожиданное, невольное чувство какъ бы преобразило, сразу перемѣнило видъ, наружность, манеры, самый голосъ Платона Зубова, тихаго и застѣнчиваго, мягкаго и осторожнаго еще вчера...

Холоднымъ взглядомъ окинулъ онъ толпу. Заговорилъ небрежно, полупрезрительно. Никто такому превращенію не удивился, никто не обидѣлся...

III.

„Давидъ“ и „Голіафъ“.

Въ воскресенье, 9 сентября, особенно большая толпа наполняла пріемные покои и обширный круглый залъ Таврическаго дворца.

Хотя всѣ знали, что государыня почувствовала себя нездоровой и пріема не будетъ, но никто не разъѣзжался, наоборотъ, какъ-будто по воздуху передалась тревожная вѣсть, и около полудня появились здѣсь даже лица, рѣдко появляющіяся при дворѣ.

Многіе знали, что за послѣдніе дни Екатерина, получивъ простуду въ Казанскомъ соборѣ, на молебствіи по случаю успѣховъ русскаго оружія на сушѣ и на водѣ, все время недомогала, но крѣпилась и даже выѣзжала въ эрмитажные спектакли.

А тутъ второй день упорно стали толковать, что больной стало хуже. Она не встаетъ съ постели, почти никого не принимаетъ, развѣ только съ самыми важными докладами.

Только Зубовъ, какъ вѣрная сидѣлка, не отходилъ отъ постели своей покровительницы, и братъ его Валеріанъ порою смѣнялъ его, развлекая своими ребяческими выходками скучающую и недовольную императрицу.

— Все жалуется, — негромко сообщалъ Захаръ графу Строганову, который казался искренно огорченъ недугомъ

Екатерины, и Льву Нарышкину, забывшему теперь тоже о своих шуткахъ и каламбурахъ.—Очень недовольна и собою, и докторами своими, и всѣми на свѣтѣ. „Моль, дѣла столько, а съ ней вотъ такая напастъ... А доктора и поправить сворѣе не могутъ“... Конечно, отъ огорченія оно еще труднѣе болѣзнь притѣшить... Норовъ нетерпѣливый, горячій, какъ былъ, такъ и остается у нея, у матушки у нашей...

— Ну, а сейчаеъ какъ? Лучше ей, Захарушка? Или нѣтъ? Правду скажи...

— Смѣю ли я неправду... вашему сіятельству... Лучше Богъ далъ... Ночь всю не спала... Колики донимали... пусто бы имъ было! А теперь уснула. Вотъ, и не пускаемъ никого. Одна Анна Никитишна тамъ. Да графинюшка.

— Браницкая? Больше никого? Только эти?

— Только-съ. Съ вечера поручикъ Валеріанъ Зубовъ съ Платономъ Александрычемъ сидѣть изволили. А потомъ Платонъ Александрычъ почитай всю ночь остаться изволили съ докторомъ. А потомъ ужъ уговорила ихъ матушка, чтобы обвѣяться поѣхали... Хотъ бы на охоту, моль, на часокъ, на другой... Ну, выѣхали оба! Да, поди, долго не полюють. Скоро и назадъ повернетъ. Только что послушаться не хотѣлъ, чтобы не перечить матушкѣ. Извѣстное дѣло: больной, что малый...

— Да, да, правда твоя. Такъ, на охотѣ они... Ну, мы еще переждемъ немного. Если проснется государыня,—провѣдай: что и какъ? И скажи намъ...

— Да, ужъ... первымъ дѣломъ... Ишь, все какъ кругомъ заройлись, словно пчелы передъ вылетомъ... Какъ она, царица - матушка здорова,—всѣхъ осіаетъ. Всѣмъ тепло и свѣтло. А тутъ и забродили. Вонъ и графиня Катерина Романовна пожаловала... „Ученая голова“... То ничѣмъ не довольна. Ничто ей не нравится... А тутъ прискакала...

Ужъ, будьте покойны, ваше сіятельство... Вамъ первымъ повѣщу...

Въ разныхъ углахъ, въ большихъ и малыхъ вучкахъ, на какія разбилась вся толпа по отдѣльнымъ покоямъ, тоже говорили объ одномъ, одинъ вопросъ повторяли на разные лады:

— Какъ себя чувствуетъ государыня? Лучше ли ей? Отчего такъ долго спитъ она и въ такое необычное время?..

Вѣсти ловились на лету. Менѣ церемонные люди перехватывали камеръ-фрейлинь и лакеевъ, полагая, что отъ „малыхъ силъ“ скорѣе и больше всего можно узнать истину.

Когда изъ покоевъ фаворита появился Николай Зубовъ съ княземъ Александромъ Александровичемъ Вяземскимъ, ихъ буквально обступили и стиснули со всѣхъ сторонъ.

— Право, мы сами не знаемъ ничего! Я жду брата. Онъ скоро долженъ пріѣхать...—откланиваясь на любезные низкіе поклоны, отдавая рукопожатія, проговорилъ, наконецъ, Николай Зубовъ громко, такъ, чтобы могли слышать стоящіе позади за обступающей его толпой.

Ряды порѣдѣли.

Съ разочарованными возгласами, или недовѣрчиво пожимая плечами, молодые и старыя куртизаны, заслуженные сановники, генералы отошли и стали искать глазами: къ кому бы еще обратиться? Не выходитъ ли изъ покоевъ государыни Роджерсонъ, или, наконецъ, какая-нибудь изъ камеръ-юнгферъ, которую лубопытство выманить сюда поглядѣть на блестящее сборище, ведущее себя на этотъ разъ совершенно необычнымъ образомъ.

Около часа дня появился Безбородко въ сопровожденіи своей „правой руки“ по иностраннымъ дѣламъ—Аркадія Иванныча Моркова:

Съ лицомъ, изрытымъ оспой, некрасивый, худой, секретарь составлялъ прямую противоположность „хохлу“ и на-

поминаль пеструю, хищную щуку, особенно безпокойнымъ взглядомъ острыхъ небольшихъ глазъ.

А Безбородко со своей упитанной фигурой, съ одутловатымъ, сейчасъ особенно соннымъ и усталымъ лицомъ, вслѣдствіе бурно проведенной ночи, походилъ на большого сома, выброшеннаго изъ воды и чувствующаго удущье въ несродной ему, воздушной стихіи.

Но этими блестящими, сейчасъ усталыми, мерцающими глазами, которые плохо глядѣли изъ - подъ припухшихъ вѣкъ, Безбородко не хуже своего юркаго секретаря разглядѣлъ все и всѣхъ кругомъ, поздоровался на нѣсколько ладовъ съ различными людьми, которые попадались ему по пути, сообразно ихъ рангу, или своей личной близости къ этимъ знакомымъ.

— Смотри, и Николаша-милаша здѣсь съ будущимъ тестюшкой, — толкая логтемъ осторожно Морькова, буркнулъ Безбородко, когда они завидѣли Вяземскаго и Николая Зубова, сидящихъ въ углу и о чемъ-то толкующихъ.

— Обхаживаютъ другъ-друга. Старикъ чаеъ найти лишнюю защиту и покрышку для своихъ плутней... А другой думаетъ, что съ уродомъ-Парашей кладъ получить отъ тестя-хапуна. Какъ бы оба не ожглися одинъ на другомъ?.. Помяните мое слово, графъ...

— Помяни моихъ два, Иванычъ: крѣпео засѣли эти „зубки“ въ нашей пасти... Много пережуютъ, перемелютъ... Уже у меня на это есть нюхъ. Сначала и я думалъ: забава на недѣлю, на двѣ этотъ молодчикъ, съ братцемъ его, съ мальчишечкой, съ херувимчикомъ вербнымъ. А теперь вижу.. Какъ бы „новичекъ“ и старымъ дорогу не перешелъ, даже тому же князю свѣтлѣйшему.

— Поди, ваше сіятельство, жалѣть о томъ не станете? Мѣсто чище станетъ, просторнѣе будетъ... А вамъ этихъ господъ бояться нечего...

— Ну, мнѣ! Я своей головой да горбомъ дѣла вершу, служу моей матушкѣ и государству... А не ногами фортуна нагоняю, пѣхтурой въ храмъ Славы иду... Мнѣ это не для чего и такіе фрунты для меня—тѣфу!

— Ну, конечно, вы сами знаете...

— А, все-таки, досадно!.. Куды конь съ копытомъ, туды и...

— Раекъ съ клешней... Почитаніе мое свидѣтельствую графу всенижайшее... Вѣстимо, раку надо ракомъ пятиться, садиться подъ кочку—переспать ночку, а не на бугорокъ ползти... Да, о комъ это вы, ваше сіятельство?

Князь Голицынъ, прозванный „Зайчикомъ“, любезно раскланялся и ждалъ отвѣта, подойдя къ бесѣдующимъ.

Сейчасъ же присоединился къ группѣ графъ Салтыковъ со своимъ костылькомъ, въ мягкихъ штиблетахъ, и Чертковъ, постоянный карточный партнеръ Екатерины.

— О комъ это я говорилъ?—вопросомъ на вопросъ отозвался по привычкѣ медлительный „хохоль“:—да, про шведовъ, конечно же, не про кого иного.. У насъ при дворѣ никто ракомъ не ползеть, не пятится. Всѣ грудь впередъ! А шведы стали-было задаваться. Вотъ мы имъ и прописали... Нынче, слышно, и принцъ самъ пожаловалъ, чтобы матушкѣ доложить: какъ и что тамъ, про дѣло про морское, каковое 13 августа намъ Богъ на радость послалъ.

— Да, да... Взмылили мы треклятыхъ забіякъ,—своимъ рѣзкимъ тономъ и обычной грубоватой манерой, замѣтилъ Чертковъ,—не сунутся, лѣшій бы имъ и два водяника въ зубы! Одно жаль: нѣмцу пришлось такую славную баталію для матушки выиграть... Словно своихъ, русскихъ генераловъ мало?..

— Вотъ, вотъ, святое, разумное слово твое, батюшка, куманекъ,—быстро закивавъ головою, вмѣшался Салтыковъ,—я и то говорилъ, даже... Нешто братъ мой не сумѣлъ бы

съ такимъ чудо-молодцами шведсвъ отдубасить? И дома бы все осталось. А то скажутъ: не умѣють свои генералы войсками командовать. Изъ-за границы товаръ выписываемъ, принцевъ заморскихъ выкликаемъ... Да... кхм-кхм-вхм...—вдругъ спохватился и закашлялся хитрецъ,—впрочемъ, ея воля, матушки нашей!.. Ей лучше знать въ своемъ дому, что къ чему... Куда квась, куда говядинку..

— Вотъ, вотъ, вотъ: куда говядинку!—подхватилъ Чертковъ, довольный выраженіемъ.

— А что такъ запоздалъ, батюшка, ваше сіятельство?—обратился Безбородко къ Салтыкову,—ранѣй не видѣлъ я тебя, отецъ, Николай Иванычъ. Думалось бы: изъ первыхъ тебя здѣсь видѣть нынче придется.

— Я и то ранѣй тебя заявился, Александръ Васильичъ. Хоть и не такъ рано, какъ думалось... Задержка вышла по дорогѣ... Изъ Павловска я сюда напрямикомъ ѣхалъ... Да около часу переждать пришлось...

— А, значитъ, и вашему сіятельству охота большая встрѣтилась?—спросилъ Голицынъ:—Я изъ-за нея торчалъ тоже въ каретѣ сколько. Жаль, не видѣлъ васъ..

— Какая охота? Что за остановка?

— А, это изволите ли видѣть, графъ,—сталъ пояснять съ язвительной улыбкой Безбородкѣ князь Голицынъ, приверженецъ Потемкина,—на радостяхъ, должно-быть, что отъ свѣтлѣйшаго назначеніе пришло господину Платону Зубову, въ корнеты кавалергардовъ возведенъ,—охотой утромъ тѣшился... Доѣзжачіе зайца услѣдили, спустили своры: какъ разъ на проѣзжей дорогѣ, подъ Петербурхомъ... И почитай, часъ цѣлый никого не пропускали по дорогѣ, ни взадъ, ни впередъ... Кареты, курьеры, обозы, пѣшіе—всѣ такъ лагеремъ по обѣ стороны и чернѣють, смотрять, ждуть... Что будетъ? Рога трубятъ, псы лають... Улюлюкають псарии... Ужъ какъ сѣрый изъ озимей выбѣжалъ, а за нимъ про-

скакали оба брата, въ другомъ полѣ, по ту сторону дороги, косога настигли, — тогда и проѣздъ свободный сталъ... Вотъ каковы у насъ случаи бывають, государи мои...

— Что же, охотой полезно тѣшиться... Дѣло не дурное, — осторожно замѣтилъ Безбородко, видя, что всѣ молчатъ.

— Что кому. Вонъ, свѣтлѣйшій на Дунаѣ, на Днѣпрѣ турокъ гоняеть, фортеціи у нихъ беретъ... Львамъ подобно, отличаются многіе... А мы тутъ зайцевъ струнимъ!..

Свое колкое замѣчаніе князь Голицынъ подчеркнулъ еще язвительной, полной пренебреженія, улыбкой.

Но Салтыковъ не далъ въ обиду своего ставленника.

— А, что подѣлаешь, батенька, ваше сіятельство... Гдѣ же ихъ тута у насъ львовъ найти, когда больше зайцы кругомъ бѣгають, кору гложуть! — явно намекая на прозванье, данное князю Голицыну, сѣязвилъ въ свою очередь фельд-маршалъ, устремляя все маленькое личико и острый носикъ прями къ лицу вспыхнуваго, обозленнаго намекомъ князя.

Ничего не говоря, отошелъ Голицынъ отъ компаніи, какъ-будто увидавъ вдали знакомаго, къ которому надо было подойти.

— Не любить! — почти вслухъ за спиной отходящаго продолжалъ Салтыковъ. — Самъ, небось, лакомъ на чужой счетъ пройтися... А чуть самого дѣло коснется, онъ и зубы свои залчьи ощерить, и ушами запрядаеть... Прямой „зайчикъ“! . Хе-хе-хе!.. кх-кх... Охъ, ужъ эти мнѣ придворные лоботрясы...

Маркизь Сегюръ, появившійся какъ разъ въ эту минуту въ пріемной, сразу выдѣлился среди всѣхъ русскихъ вельможъ, какихъ-то неподвижныхъ и застывшихъ на видѣ.

Онъ заскользилъ отъ группы къ группѣ, отъ кружка къ кружку, вездѣ являясь желаннымъ собесѣдникомъ, находя для каждаго пріятное слово, или интересную новость, занимательное сообщеніе.

Наконецъ, французъ расшаркался и съ группой, въ которой продолжалъ стоять Салтыковъ.

— Мой искренній привѣтъ вашему сіятельству...—первому поклонился онъ Салтыкову. Затѣмъ расшаркался съ Безбородкой и Чертковымъ, отдалъ поклонъ Моркову.

— Графъ! Мой генералъ!.. Добрый день, ваше превосходительство. Сейчасъ выйдетъ и уважаемый нашъ Платонъ Александровичъ. Онъ съ братомъ уже съ четверть часа, какъ явились съ охоты и теперь переодѣваются, какъ мнѣ сообщилъ всевѣдущій г. Захаръ... Тогда и узнаемъ послѣднія новости о здоровьѣ императрицы, которое такъ заботитъ и меня, и весь нашъ дворъ... Мой государь особенно поручилъ мнѣ сообщить самыя подробныя свѣдѣнія на этотъ счетъ. Не могу ли я у васъ, государи мои, услышать что-либо утѣшительное?

— Утѣшаться нѣтъ особой причины, ибо и печали не видимъ большой. Нездоровье со всякимъ приключиться можетъ... О чемъ же тутъ особья ноты писать?

— О, конечно, конечно!—поспѣшно согласился уклончивый, ловкій дипломатъ.—А вотъ и младшій братъ г. Зубова. Значитъ, скоро явится и старшій. Тогда все узнаемъ... Пока, можетъ-быть, тутъ что-нибудь услышимъ...

И юркій французъ скользнулъ дальше навстрѣчу Валеріану Зубову, который успѣлъ переодѣться съ охоты и явился раньше Платона въ шумной, блестящей толпѣ пышныхъ вельможъ, очень внимательно, даже съ оттѣнкомъ почтительности принявшихъ этого мальчугана, брата фаворита и личного любимца Екатерины..

Среди монументальныхъ, горделиво важныхъ русскихъ вельможъ, которые казались такими неприступными и величественными, даже если природа не одарила ихъ внѣшней представительностью, галльская фигура ловкаго мар-

киза мелькала живымъ метеоромъ среди неподвижныхъ свѣтилъ.

Блестящіе кафтаны, золотые и серебряные позументы, осыпанные драгоценными каменьями, пряжки, шпаги, пышныя платья придворныхъ дамъ, ихъ брилліанты, высочія, пудренныя прически мужчинъ и женщинъ, — все это придавало какой-то особенно праздничный видъ собраніямъ при дворѣ.

— Идетъ, идетъ! — неожиданно послышались въ одной группѣ, стоящей ближе другихъ отъ дверей, ведущихъ въ апартаменты фаворита.

Чуткое ухо придворныхъ слышало за дверьми приближеніе баловня судьбы, и всѣ заволновались сильнѣе. Группы пришли въ движеніе. Изъ угловъ вышли многіе, до сихъ поръ стоящіе въ сторонѣ, чтобы очутиться на пути, попасть на глаза любимцу Екатерины, удостоиться отъ него кивка головы, услышать словечко...

Два негра-служителя распахнули тяжелую дверь и стали по бокамъ ея, какъ живыя изваянія изъ эбеноваго дерева.

Любезно и снисходительно, въ то же время отвѣчая на привѣтствія, отдавая поклоны, Зубовъ довольно торопливо, съ озабоченнымъ видомъ направлялся къ покоямъ императрицы, и многіе, питавшіе надежду перехватить фаворита и узнать отъ него кое-что, или попросить о своихъ дѣлахъ, ограничивались глубокими поклонами.

Только завидя Салтыкова, фаворитъ замедлилъ шаги и первый свернулъ къ нему съ привѣтливымъ и почтительнымъ поклономъ.

— Ваше сіятельство! Каковы въ здоровьѣ своемъ? Слыхалъ, припадки у васъ начались? Теперь, видимо, миновало, благодареніе Богу?

— Полегче малость, голубчикъ мой. Спасибо, не забылъ старика. Сказывали мнѣ: справляться присылываль... Помнишь старое — и Богъ тебя не забудетъ...

Платонъ въ это время обмѣнялся привѣтствіями съ Безбородко, Морковымъ и другими, подошедшими къ группѣ, чтобы хоть краемъ уха услышать что-нибудь новенькое.

— А что матушка наша? Какъ ей?

— Да, утромъ, ваше сіятельство, лучше было. Мнѣ приказать изволила, чтобы поѣхалъ освѣжился, поохотился. А тутъ, вдругъ, говорятъ, снова доктора звали. И сейчасъ онъ тамъ. Вы ужъ простите, я тороплюсь...

— Иди, иди съ Богомъ. Узнай и намъ скажи...

Зубовъ пошелъ дальше. Но у самыхъ дверей, отдѣляя отъ остальныхъ группъ, его поджидалъ Валеріанъ съ Сегюромъ.

— Радъ видѣть васъ, маркизь!—предупреждая вопросы, заговорилъ Зубовъ.—Вы не уѣдете? Я, должно-быть, скоро вернусь сюда и тогда потолкуемъ. Есть кое-что новое. Пока, на лету, могу вамъ сказать одно: мои предположенія о вліяніи свѣтлѣйшаго оказались справедливы. Даже въ послѣднемъ письмѣ князь прямо пишетъ: „Россіи, при ея слабости, въ годину смуть благоразумнѣе всего обратиться къ Англіи. Несогласно со здравой политикой особое приближеніе пословъ Австріи и Франціи. Холодное отношеніе къ другимъ вызываетъ, какъ слышно, сильное недовольство и можетъ повести къ осложненіямъ“...

— Значить, мнѣ предстоитъ опала, а пруссакъ и лордъ Уайтвортъ войдутъ въ милость? Такъ я понялъ ваше любезное и дружеское сообщеніе?

— Нисколько. Мы еще поборемся... Хотя великаны „Циклопы“ сильны, но у насъ есть русская пословица: „Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ“...

— А у насъ, у французовъ,—другая: отсутствующіе всегда не правы!—улыбаясь и снова повеселѣвъ, прибавилъ Сегюръ.

— Пожалуй... Поэтому... Но объ остальномъ послѣ.

Я спѣшу узнать, что съ императрицей. Еще увидимся. Валерианъ, пойдемъ со мной!..

Оба брата скрылись за дверью, ведущей въ покои Екатерины.

— Видѣли, государь мой, — зашепталь неугомонный „зайчикъ“, Голицынъ, — какъ нашъ соколъ французика подмасливаетъ? Тутъ руки грѣтъ. А сестричка его, Жеребчиха, съ англійскимъ посломъ, съ Уайтвортомъ махается, шурымуры завела. Оттуда тоже золото полетѣтъ ручьемъ. Папенька въ сенатѣ съ живого-мертвѣго кожу драть сталъ, сказываютъ, какъ лишь его въ прокуроры постановили... И братьевъ пристраиваетъ... Истинно, благодѣтель для семьи нашъ „Зубокъ“ дорогой... Ха-ха! Какъ полагаете, ваше превосходительство? Теперь сказываютъ, спитъ и видитъ фаворитъ, свѣтлѣйшаго бы ему скovyрнуть. Самъ передъ нимъ колечкомъ вьется. Письма пишетъ сладкія.. А корешки свои все большо и больше впускаетъ... Ловко, не правда ли?

— Что же, если зубы растутъ, значить, еще сильное тѣло, — уклончиво отвѣтилъ Безбородко, самъ не долблѣвающій новаго фаворита, но всегда осторожный и уклончивый. — А портиться станеть „зубъ“... Такъ у насъ въ деревняхъ, кузнецы ихъ ловко дергаютъ, „впотемочкахъ“... Зубъ на ниточку, да раскаленнымъ желѣзомъ тыкъ въ очи! Большой рванется — и здоровъ. Нѣтъ больного зуба, порченаго... И другимъ дѣла не портить!

— Ха-ха-да!.. Ловко вы это, аллегорію, ваше сіятельство, батюшка мой! Утѣшили. Я уже свѣтлѣйшему отпишу... „Впотемочкахъ“... Такъ и надо, видно, за кузнечное ремесло браться... Ха-ха-ха! Я ужъ напишу... и помяну, что за сказочку вы мнѣ сказать изволили, ваше сіятельство...

— Радъ, что угодилъ, ваше сіятельство!..

Оба, довольные, разошлись.

Осеннее солнце ярко освѣщаетъ, но слабо грѣетъ покой.

Жарко пылаетъ каминъ, который по утрамъ разжигаетъ сама Екатерина, если только здорова.

Сейчасъ полудрежитъ она на кровати, полуодѣтая, опираясь на высоко взбитыя подушки.

Послѣ мучительнаго приступа колики лицо у нея блѣдно, измято, рѣзко проступаютъ всѣ складки и морщины, которыхъ почти незамѣтно на этомъ лицѣ, когда государыня здорова и весела.

Врачъ Роджерсонъ, много лѣтъ пользующій Екатерину и знакомый со всѣми ея особенностями, уже собирався уйти, но при появленіи Зубовыхъ задержался послѣ почтительнаго поклона, ожидая вопросовъ.

— Что такъ скоро съ охоты?—ласково улыбаясь и протягивая руку одному и другому брату, спросила Екатерина.— Я не ждала такъ скоро васъ видѣть... Хотя очень хорошо, мой другъ,—обратилась она къ Платону.—Сердце вамъ, должно-быть, подсказало... Со мной тутъ неожиданно приключились снова противныя колики... Но милый мой Роджерсонъ также скоро помогъ... Видите: я снова чувствую себя хорошо... Идите, Роджерсонъ. Я все сама расскажу. Ужъ я теперь могу лѣчить себя, вмѣсто васъ... Хорошо знаю всѣякіе порядки и лѣкарства...

Роджерсонъ отвѣсилъ еще поклонъ и ушелъ.

— Я такъ былъ встревоженъ, матушка-государыня, когда мнѣ сказали...

— Вижу... вѣрю. Но успокойся. Еще повоюемъ... и поживемъ. Сама виновата. Не побереглася давеча на молебствіи въ соборѣ... Забываю, что не 20 мнѣ годочковъ попрежнему... когда ни холодъ, ни жаръ, ни усталъ невѣдомы были... Ну, да ничего. А удачно ли полеваль, другъ мой?

— Ничего. Завтра будемъ ѣсть рату изъ зайца собственнаго лова.

— Великолѣбно. Очень люблю это рагу... Ты весьма кстати поспѣлъ. Тамъ явился принцъ по моему приглашенію... Самъ желаетъ разсказать мнѣ о своей баталіи, объ августовской. Мнѣ пріятно будетъ, чтобы и ты послушалъ... Малчуганъ мой милый, а ты что такой грустный стоишь? Я здорова. Такъ, пустое было. Вѣрь мнѣ,—обратилась Екатерина къ Валеріану, который скромно стоялъ поодаль съ печальнымъ, смущеннымъ видомъ.

— Слава Богу, ваше величество! Я ужъ очень испугался... Да, сейчасъ вижу: и слѣда нѣтъ недуга...

— Правду сказать, я теперь объ иномъ. Вотъ, слышу, подвиги кругомъ свершаются. Принцъ пріѣхалъ. Героемъ. Побѣду посылаетъ Господь моей государынѣ на сушѣ и на моряхъ... А я тутъ сижу... Время теряю... Хотѣлось бы и мнѣ послужить родинѣ и моей дорогой государынѣ..

— Ого! Знаю... слышала... Мой маленькій Баярдъ... Мальчикъ ты мой писанный... Отличиться охота? Не терпится? Ну, иди сюда, милый... Красавчикъ ты мой...— Какъ ребенка, стала Екатерина гладить по волосамъ и по лицу Валеріана, который весь зардѣлся отъ гордости и удовольствія.

— Успокойся. Потерпи. Недолго ужъ осталось. Я писала свѣтлѣйшему. Отвѣта жду со дня на день... Туда тебя и пошлемъ... На сушѣ, все же поспокойнѣе, чѣмъ на водѣ. Жаль мнѣ будетъ, если что случится. Ишь, куколка какая ты... Созданъ природой, на удивленіе. Не краснѣй. Я могу тебѣ это сказать. Другихъ не слушай... Вотъ, замѣтила я: княжна Голицына очень съ тобой махаться стала... Ого... Совѣмъ загорѣлся мальчикъ... Неужели, серьезное дѣло пошло? Рано еще... рано, дитя мое... Меня слушай. Лучше будетъ... Нечего, нечего руки цѣловать. Глаза мнѣ не отведешь тѣмъ... Ну, будетъ. Позвони, узнай: есть тамъ принцъ? Пусть зовутъ его, если пріѣхалъ..

Бодрый, статный, несмотря на года, интересный въ своемъ бѣломъ съ голубымъ мундирѣ, принцъ Нассау-Зигенъ скоро появился въ покоѣ.

— Рада, рада васъ видѣть, принцъ... — протянувъ руку для поцѣлуя и указывая мѣсто у постели, встрѣтила героя Екатерина. — Здравствуйте, садитесь, рассказывайте: какъ себя чувствуете послѣ боевыхъ приключеній? Я читала подробную реляцію. Но послушать очевидца—это со-всѣмъ иное, чѣмъ читать холодныя строки... И обсудимъ заодно: что дальше дѣлать предстоитъ... Намъ пишутъ изъ Версаля, изъ Лондона, изъ Берлина, со всѣхъ сторонъ, что слѣдуетъ выиграть одну-двѣ баталіи, и миръ будетъ подписанъ на самыхъ выгодныхъ для насъ условіяхъ... Поглядимъ. Я немножко расклеилась. А вотъ одинъ вашъ видъ дѣйствуетъ на меня уже чудеснымъ образомъ... Говорите же. Мы слушаемъ васъ...

— Дѣло очень было трудное и опасное, государыня. Когда наша гребная флотилія стала все уже и уже сжимать кольцо вокругъ ихняго флота, шведы, очевидно, поняли, что лучше поскорѣй выбраться изъ западни. По ихъ маневрамъ я замѣтилъ, что они рѣшили прорваться къ Зунду. Сдѣлавъ послѣднія распоряженія, часть моей флотиліи укрылъ за островами, въ засадѣ, на всякій случай... И не ошибся! 13 августа, часовъ въ 11 утра, они дали первый выстрѣлъ съ адмиральскаго корабля... Мы, конечно, перестрѣливаться по пустому не стали. Все время лавирую подъ выстрѣлами къ нимъ на бордажъ... Большіе корабли шведовъ, тяжелые... Не такъ послушны имъ, какъ намъ, наши скорлупки... Но зато и опасностей больше выпало на нашу долю. Хорошее ядро съ ихъ стороны топило цѣлый баркасъ, полный людьми... Вплавъ люди спасались на другія суда... Но всѣ, гвардія особливо, истинно героями оказали себя. Кавалеръ Литта славою покрылъ и оружіе вашего

величества, и себя! Два-три часа тянется бой... Кружимся мы вокругъ кораблей высокихъ, какъ злые псы медіоланскіе кругомъ оцетиненныхъ кабановъ... Держится кучей шведскій флотъ... Удалось, наконецъ, намъ первый кутерь отбить сорокапушечный... Взошли на него... А тамъ, почитай, и людей нѣтъ. Успѣли всѣ враги въ лодки прыгнуть, какъ воробыи во всѣ стороны брызнули. Тамъ ихъ другіе корабли и приняли... Удача ободрила нашихъ... Глядимъ, и на второмъ кутерьѣ вашего величества флагъ вмѣсто шведскаго взвился... Я на адмиральскій корабль главныя силы направилъ. Только мы успѣли съ нимъ справиться, какъ я взошелъ на него, а тутъ изъ-за острововъ громъ баталіи новой грянулъ. Часть судовъ ихнихъ на утекъ туда кинулась, на нашу засаду наскочила... Но все же битва далеко конца не видитъ... А ужъ день клонится къ вечеру. Безъ хлѣба, безъ воды люди по шести-семи часовъ въ огнѣ выдерживаютъ... Я, конечно, смѣнялъ отряды, какъ возможно было... А какъ стемнѣло, рѣшилъ послѣдній ударъ нанести... Повелъ всѣ силы въ бой... И только къ 10 часамъ Господь помогъ полное одолѣніе получить надъ врагами... Уходить стали въ свою сторону, разными курсами, кто какъ успѣлъ прорваться мимо нашихъ силъ... Да въ нашихъ рукахъ тоже не мало оставили: кромѣ корабля адмиральскаго — четыре кутера сорокапушечныхъ, галеры три... Офицеровъ 40, матросовъ мало, 13 человекъ всего. Не хотѣлось имъ, видно, въ плѣну сидѣть. Вплавъ выдаются, если на лодкахъ уйти не успѣли въ минуту послѣднюю... Потонуло не мало... Помяни, Господи, души храбрецовъ, и нашихъ, и ихнихъ!

— Аминь, милый принцъ! Это былъ прекрасный день, который отмѣтится на страницахъ не только Россійской, но и всемірной исторіи, какъ одна изъ славнѣйшихъ вашихъ побѣдъ! Примите еще разъ мою благодарность! Видите, вашъ

разсказъ одинъ влилъ силы и здоровье въ мое тѣло. Я встану сейчасъ... Глядите, какъ эта простая геройская картина повліяла на другихъ слушателей... У друга моего слезы на глазахъ... Слезы радости. А это милое дитя! Онъ весь пылаетъ... Я вижу: вы хотите выразить свой восторгъ принцу... Не сдерживайтесь... Я первая... я сама хочу поцѣловатьъ геройское чело... Подите сюда, принцъ!..

И Екатерина крѣпко поцѣловала въ лобъ сіяющаго принца, пожавъ дружески, по-мужски его широкую руку.

Сама государыня словно преобразилась.

Никто бы не повѣрилъ, что пять минутъ тому назадъ эта, помолодѣвшая, бодрая женщина лежала въ подушкахъ, желтая, сморщенная, болѣе дряхлая, чѣмъ это даже бываетъ въ ея годы...

Когда Зубовы, по примѣру государыни, расцѣловались съ принцемъ и восторженно выразили ему свое удивленіе, Екатерина обратилась снова къ Нассау:

— Пока я больше не задерживаю васъ. Радость утомляетъ, какъ и горе. У меня слегка закружилась голова. Сообщу и вамъ наскоро, что съ юга тоже шлютъ намъ добрыя вѣсти. Суворовъ и принцъ Кобургъ еще 7 августа вошли въ Фокшаны. Генералъ Потемкинъ съ Ангальтомъ тѣснятъ Румелійскаго пашу и надѣются на его скорую сдачу. Наши войска обложили весьма важный пунктъ — Гаджи-бей... Въ помощь генералу Рибасу туда подоспѣетъ и Суворовъ; а, можетъ-быть, онъ ужъ и на мѣстѣ... На этихъ дняхъ ожидаютъ рѣшительный бой съ арміей визиря... Не даромъ у меня щемитъ сердце. Я всегда чую, если происходитъ рѣшительное дѣйствіе... Сердце — вѣщунъ!.. Но, будемъ вѣрить, что и тамъ все будетъ такъ же хорошо, какъ здѣсь, съ моимъ милымъ героемъ-морякомъ!.. Вы скоро намѣрены назадъ? Впрочемъ, конечно, это выяснится сегодня, или завтра, на совѣтѣ... Я дамъ вамъ знать, когда рѣшимъ собраться...

Отдохните немного, мой милый герой. Еще разъ благодарю. Да хранить васъ Богъ!

Оживленными, загорѣвшими глазами проводивъ принца, государыня спустила ноги съ постели, откинула мѣховую мантилью, покрывающую ихъ, сдѣлала движеніе въ Платону Зубову, который поспѣшилъ принять протянутую ему руку и прижать къ своимъ губамъ.

— Знаешь, другъ мой! — весело, бодро заговорила Екатерина. — Я должна сказать тебѣ... Я вѣрю, что это ты принесъ мнѣ счастье... Съ твоимъ появленіемъ удача по старому служить мнѣ, милый другъ... Дай Богъ, чтобы всегда такъ было!..

— Дай Богъ, ваше величество!..

Вдругъ дѣтское хныканье заставило ихъ обоихъ обернуться.

— Что такое? Что случилось?..

Валеріанъ, часто забавлявшій Екатерину своими шаловливыми выходками, стоялъ и, вытирая кулаками воображаемыя слезы, по-дѣтски всхлипывая, заговорилъ:

— А пло меня и забыли... Я къ нянѣ пойду... Она мнѣ тозе конфетку дастъ...

— Ахъ ты, ревнивецъ! Это къ какой же нянѣ? княжнѣ Голицыной?.. Гляди, не обкушайся ея конфетокъ. Ну, поди сюда, шалунъ... У-у... баловникъ! Ну, я и тебя поцѣлую... Не ревнуй, не завидуй.. Брату грѣшно завидовать... Я и тебя люблю... Ты—славное дитя. Я вѣрю, васъ обоихъ мнѣ на радость судьба послала теперь... У, баловникъ-мальчишка!..

Молча, внимательно глядѣлъ Платонъ на материнскую нѣжность, которую проявляла Екатерина къ его брату.

Невольно настоящее чувство досады, ревности вдругъ сжало ему грудь, и онъ подумалъ:

„Какъ, однако, смѣлъ стать съ нею мальчишка..

Нѣтъ, и брату въ этомъ случаѣ лучше не довѣрять... Скорѣе бы уѣхалъ... И чѣмъ дальше, тѣмъ лучше“...

* * *

Двухъ мѣсяцевъ не прошло, какъ Валеріанъ Зубовъ мчался на югъ, въ армію Петемкина.

— Гляди, все сообщай подробно, что увидишь, что услышишь, что узнать стороною доведется о „подвигахъ“ „князя тьмы“, съ Суворовымъ поладь при встрѣчѣ. Онъ тоже, какъ слышно, зубы точить на своего неуча-фельд-маршала... Шепни старику, что я дивлюсь его дѣламъ... Хотѣлъ бы достойныхъ наградъ добиться для такого героя... Да, молъ, „Циклопъ“ на пути стоитъ... Словомъ, будь на чеку тамъ... А я здѣсь постараюсь укрѣпиться... Тогда намъ съ тобой хорошо будетъ жить на свѣтѣ...

Валеріанъ прекрасно понималъ и сумѣлъ выполнить совѣты старшаго брата, какъ это выяснилось въ самомъ скоромъ времени.

* * *

Какъ-то особенно быстро пролетѣло время до конца года, полного для Екатерины самыми разнообразными, но преимущественно пріятными событіями.

Съ юга доходили добрыя вѣсти о побѣдахъ надъ турками. Морская война пріостановилась до болѣе теплой поры. Обѣ враждующія стороны воспользовались желанной передышкой, чтобы собраться съ силами дальнѣйшей борьбы.

А въ то же время за кулисами, при помощи союзныхъ державъ, готовились къ миру, необходимому Россіи, но еще болѣе — Швеціи, окончательно истощенной непомерными затратами на войну. Не помогали и субсидіи Англіи,

тѣмъ болѣе, что удача не особенно улыбалась самонадѣян-нымъ „морскимъ королямъ“, какъ величали себя, въ память давнихъ лѣтъ, шведы.

Но другія заботы одолѣвали Екатерину.

Когда ей сообщили, что король Людовикъ былъ доведенъ до того, что вошелъ съ мятежными толпами въ ратушу Парижа и вышелъ изъ нея съ трехцвѣтной революціонной кокардой на шляпѣ, негодованію Екатерины не было границъ.

— Чего же теперь можно ждать!—воскликала она, шагая по своему кабинету и засучивая порывисто рукава.— Скоро и у насъ при дворѣ начнутъ пѣть бунтарскія пѣсни... Не даромъ стали появляться такія книжки, какъ это возмутительный пасквиль Радищева!.. Но я того не потерплю!.. Въ корнѣ уничтожу гидру возмущенія, которая сюда, въ мое царство, протянула свои лапы... Я всѣхъ государей подыму на борьбу съ этими яacobинцами, съ мартинистами, съ масонами.

— До сихъ поръ я считала ихъ добрыми людьми. Но вотъ къ чему вели ихъ бредни. Предательство скрывали они подъ своею насыщенной болтовней. Довольно.

— Меня никто не проведетъ. Слышали, генералъ, что пишутъ изъ Москвы? — обратилась она къ Zubову, который сидѣлъ тутъ же.— До сихъ поръ считаютъ меня „чужою“, нѣмкой, а сами такъ офранцузились, начиная отъ первыхъ вельможъ до послѣдняго приказнаго, что готовы промѣнять родину на бредни этихъ заморскихъ болтуновъ.

— У насъ во всемъ Петербургѣ нѣтъ столько выходцевъ французскихъ, шпіоншескъ, пропагандистовъ разныхъ, сколько въ Москвѣ у двухъ-трехъ тамошнихъ „большихъ бояръ“... Все простить не могутъ новой столицѣ, что здѣсь, а не тамъ, и нашъ дворъ, и главнѣйшее правительство живетъ. Такъ можно ли сравнить новую столицу съ этой

огромной деревней?.. Вотъ, я ихъ подберу. Я думаю туда генерала Прозоровскаго въ главнокомандующіе послать. Онъ подберетъ ихъ всѣхъ тамъ!..

— Давно бы пора, ваше величество. Я тоже очень плохія вѣсти имѣю изъ Москвы. Но тутъ же указываютъ, что въ Петербургѣ надо искать опоры, ради которой тамъ рѣшаются голову подымать... Здѣсь порицають войну, а тамъ отеликаются... Здѣсь толкуютъ о союзахъ съ Пруссіей и Англіей, для васъ непріятныхъ, государыня. А тамъ под-дакиваютъ... Такъ мнѣ пишутъ...

— И совершенную правду. Я тоже знаю. Это изъ Гатчины дирижируютъ... Или хотять, по крайней мѣрѣ, свою силу проявить. Посмотримъ! Я съ Прозоровскимъ сама поговорю, когда ему ѣхать надо будетъ... Онъ уже не станетъ никого слушать, кромѣ меня...

— Посмѣлъ бы онъ, государыня... Хотя, вотъ, свѣтлѣйшій словно и противъ этого назначенія...

— А ты откуда знаешь? Я тебѣ еще не давала его послѣдняго письма...

— Такъ. Онъ и другимъ здѣсь писалъ... На ваше величество дабы повліяли... удержали васъ отъ излишнихъ подозрѣній и строгости... весьма благодѣтельной на мой взглядъ...

— И на мой. Такъ, что же объ томъ и толковать! А князь пишетъ очень осторожно. Онъ знаетъ, что я прямыхъ приказаній не люблю... Да, правду сказать: и надоѣли мнѣ указы. Ужели не могу по-своему даже тутъ поступить? Онъ издалека все надѣется править здѣсь всѣмъ. Пусть лучше дѣлаетъ свое дѣло. Побѣждаетъ—и слава Богу! А мы здѣсь ужъ справимся какъ нибудь, съ Божьей помощью. Вотъ гляди, что онъ пишетъ... Вотъ тутъ о Прозоровскомъ... Остальное не интересно. Да я и передавала тебѣ... Читай... Остроумно, надо сознаться... но несправедливо... Нашелтъ?..

— Нашёлъ, ваше величество...

И Зубовъ сталъ вслухъ читать:

— „Ваше величество собираетесь послать въ Москву на командованіе князя Прозоровскаго. Это—самая старая пушка изъ вашего арсенала, государыня, и, за неимѣніемъ собственной,—будетъ всегда бить въ вашу цѣль... Но одного боюсь, чтобы не запятналъ кровью въ потомствѣ имени вашего величества“... Какая дерзость!

— Хуже, генераль: неумѣстное вмѣшательство. И дерзость иногда бываетъ кстати. А что не въ пору и не къ мѣсту, то хуже всего! Но, я больше по указкѣ свѣтлѣйшаго ходить не стану. Можете быть покойны. За свои подвиги онъ стоитъ всякихъ наградъ. И дѣло за ними не станетъ... Но и я хочу быть свободна. Онъ это скоро пойметъ изъ моихъ дѣйствій. А какія вѣсти у тебя изъ Яссы? Тамъ дѣла какъ-будто остановились? Сухопутная кампанія—не морская. Зима—самое время для боевъ.

— Я, государыня... Вы знаете мое глубокое восхищеніе талантами господина фельдмаршала... Но любовь моя къ родинѣ и къ вашему величеству не позволяетъ таить и о тѣхъ, конечно, неважныхъ слабостяхъ, которыя мѣшаютъ свѣтлѣйшему достигъ высшихъ степеней славы... Покрыть славой имя и оружіе вашего величества... И я все скажу, что мнѣ пришлось узнать... Хотя бы и пришлось нести обвиненіе...

— Никакихъ обвиненій. Говори прямо. Я вижу, какъ ты добръ и привязанъ ко мнѣ... Не вилай только. Со мною будь всегда на чистоту... Это—первое твое правило быть должно... Что же? Отъ кого получилъ вѣсти? Нашъ мальчикъ пишетъ, должно-быть? Говори...

— Не только Валеріанъ... Генераль Суворовъ тоже не очень хвалитъ распоряженія фельдмаршала, находя, что не совсѣмъ они къ дѣлу и мало говорятъ объ искусствѣ вождя...

— Суворовъ порицаетъ?.. Это нехорошо... Хотя... Нѣтъ ли тутъ постороннихъ причинъ? Онъ давно заглядываетъ ко мнѣ въ руки: нѣтъ ли и для него фельдмаршальской шпаги и жезла у меня наготовѣ? Пусть еще отличится немного... Найдемъ и для этого чудака... красивую игрушку... Пусть потерпитъ. А Валеріавъ что пишетъ?

— Все то же. Кутежи... Дамы безъ числа и всякихъ націй... Траты непомярныя. Игра на десятки и сотни тысячъ рублей... Оргіи всякія.. Словомъ, не желаю только оскорблять слуха вашего величества... А вѣсти все тѣ же... При чемъ, смѣю завѣрить, что братъ не ищетъ сравненія съ княземъ... Наоборотъ, удивляется уму его и сѣтуетъ, что мало въ дѣло примѣняются такія большія способности великой души...

— Милый мальчикъ... Я хотѣла бы его видѣть скорѣе у насъ... Неужели тебѣ не жаль держать брата тамъ, среди опасностей?.. Поди сюда... Ревнуешь? Къ нему! Къ ребѣнку! Не стыдно? Глухой... Ну, Богъ съ тобой. Батюшки, даже слезы проступили на нашихъ красивыхъ глазахъ. Генераль, это вамъ вовсе не идетъ... Успокойтесь... Все будетъ такъ какъ есть А, можетъ-быть, еще лучше... Я осторожно постараюсь напомнить князю. Если начать очень строго, онъ все брсить и прискачитъ сюда. Можетъ-быть, ты этого желаешь? Нѣтъ? И я тоже... Значить, пошлемъ ему новыя награды... Побѣщаемъ еще... Только бы поступалъ поживѣе, не погружался бы въ свою лѣнь и безпутство... Да, онъ не можетъ. У этого челсвѣка все на широкую ногу.. И хорошее и плохое... Ужъ такова, видно, его судьба. Ну, погляднимъ ... А ока удача улыбается намъ, надо ловить ея ласку. Она рѣдко улыбается людямъ на землѣ...

— Вамъ ли это говорить, государыня... Столько лѣтъ счастливаго правленія... Побѣды, успѣхи, слава... И это—не дѣло удачи... дѣло рукъ моей государыни, великой Екатерины... достойной наслѣдницы великаго Петра...

Императоръ АЛЕКСАНДРЪ I.

— А ты — великій льстець и сладкопѣвецъ... Тебѣ бы съ Державинимъ въ конкуресъ вступить... Но, я вѣрю, что искренно...

Зубовъ горячо поцѣловалъ протянутую руку и получилъ отвѣтный поцѣлуй въ голову.

— Да, кстати: Державинъ теперь, я слышала, при тебѣ... Онъ хлопочетъ о своихъ дѣлахъ. Тамъ ссорился со всѣми по службѣ, гдѣ ни сидѣлъ. И дѣла запуталъ. Какъ ты ладишь съ нашимъ Пиндаромъ? Положимъ, характеръ у тебя золотой. Еще лучше моего Храповицкаго, которому всѣ друзья. Но положенія ваши разныя... Вотъ что удивительно. Если и дальше такъ будетъ, мнѣ только радоваться остается что Богъ послалъ тебя подъ конецъ жизни...

— Государыня, не говорите этихъ печальныхъ словъ...

— Пустое, другъ мой. Ко всему привыкать слѣдуетъ. Обо всемъ надо подумать. Потому и желательно, чтобы ты съ княземъ нашимъ свѣтлѣйшимъ въ ладу былъ... И...

Екатерина остановилась.

Осторожная и недоувѣрчивая даже со своими фаворитами, особенно первое время, когда узнавала ихъ, Екатерина не рѣшалась: говорить ли дальше, но слово сорвалось.

Почтительный, преданный по-собачьи, но словно пронизывающій взглядъ маслянистыхъ, красивыхъ глазъ Зубова она чувствовала у себя на лицѣ и, поднявъ твердо глаза, заговорила:

— Большую тайну открою тебѣ. И моя, и всѣхъ, наиболѣе опытныхъ въ правленіи людей, такая мысль явилась, что наследовать по мнѣ надо не цесаревичу... Опасность отъ того большая для царства и для него самого произойти можетъ. Отъ склонности его къ прусской монархіи, какъ то и у покойнаго мужа было... Помилуй, Господи!. И по свойству души, по характеру пылкому, ненадежному, словно бы и непорядочному порою. Я знаю все, конечно, что въ Гат-

чинѣ дѣлается... И жаль мнѣ повѣстку. Хотя и хитритъ она противъ меня... Да, Богъ ей простить... Съ такимъ мужемъ еще не то сдѣлаешь!

— Но имперія---не жена. Тутъ иныя потребны качества, кромѣ увѣнчанія... И съ надеждой гляжу я, и всѣ близкіе ко мнѣ на великаго князя Александра. Ты еще мало съ дѣлами знакомъ. Понемногу все узнаешь. Твоя преданность и явная любовь ко мнѣ даетъ на то права. А пока старайся заслужить милость внука... Чтобы онъ полюбилъ тебя. Тогда и смерти моей бояться тебѣ будетъ нечего... Вотъ, что хотѣла сказать тебѣ.

— Магушка, родная моя... Богиня небесная... Зачѣмъ это? Не думаю ни о чемъ, только бы тебя покоить и тѣшить... А тамъ...

— Вижу. Тѣмъ болѣе мнѣ забиться надлежитъ о другѣ прямою и безкорыстною! Только, гляди, не проболтайся до срока. И мнѣ непріятно будетъ, и себѣ враговъ лишнихъ наживешь. Говорятъ, кто знаетъ тайну, тотъ ее и коваль наполовину... Такъ лучше; ничего ты знать не знаешь, вѣдать не вѣдаешь, по русской отговоркѣ... А теперь пойдемъ, партію на билліардѣ сыграть не желаешь ли? За цѣлое утро засидѣлась. Хорошо разойтись немного... Кровь пошевелить.

— Плохой я игрокъ, государыня. Все теряю партіи. Охота ли вамъ съ такимъ?

— Нарочно теряешь, я примѣтила, чтобы мнѣ угодить... Милый другъ. Ну, Грибовскаго позовемъ. Онъ тамъ сидитъ на дежурствѣ. Дѣль нѣтъ. А ему выиграть ставку всегда пріятнѣе, чѣмъ меня потѣшить. Онъ ужъ не станетъ поддаваться мнѣ... Плутъ ты этакой... Идемъ...

* * *

Желаніе чаровать всѣхъ, „всѣмъ нравиться“, какъ объ этомъ порою говорила сама Еватерина, врожденное ей, какъ

женщинѣ, и воспитанное потомъ обстоятельствами, было въ ней сильнѣе другихъ чувствъ.

Рѣшивъ совершенно уйти изъ-подъ „руки“ своего многлѣтняго друга, ментора, почти „господина“, изъ-подъ власти Потемкина, котораго многіе даже считали законнымъ ея супругомъ, тайно обвѣнчаннымъ, подобно Разумовскому съ Елизаветой, Екатерина, тѣмъ не менѣе, осыпала героя самыми несомнѣнными знаками вниманія. И только дѣлала все какъ бы по секрету отъ другихъ.

Посылая ему брилліантовый лавровый вѣнокъ за побѣды, такую же шпагу и аксельбантъ въ 200 тысячъ рублей, она оставила Зубова въ убѣжденіи, что всѣ вещи стоятъ не болѣе 40,000 р.

Въ мартѣ того же 1790 г. свѣтлѣйшій получилъ назначеніе, котораго въ прошлое царствованіе удостоенъ былъ одинъ тайный супругъ Елисаветы: князь былъ пожалованъ въ гетманы цѣлой Малороссіи.

Зубовъ узналъ объ этомъ только изъ отвѣтнаго благодарственнаго письма, присланнаго новымъ гетманомъ государынѣ.

Блѣдный, взволнованный, явился Зубовъ къ Екатеринѣ. И когда она подтвердила фавориту справедливость извѣстія, нарушилъ даже свое обычное, дѣтски-почтительное отношеніе къ нѣжной покровительницѣ:

— Значить, справедливы и слухи, что наскучилъ я... Что мнѣ скоро придется вернуться въ тотъ же мракъ, откуда извлекли лучи яснаго солнца на мигъ... Что свѣтлѣйшій... князь тьмы такъ очаровалъ мою государыню, что и послѣ многихъ лѣтъ, на разстояніи тысячъ верстъ, хранить надъ ней силу и власть?.. Что же, я жду лишь слова... Пусть умру отъ горя... Но быть игрушкой ни для кого не желаю... Тѣмъ менѣе, для этого выскочки, въ комъ даже истинной любви не вижу къ вашему величеству!..

Одно высокомеріе и даже обманы противъ васъ направляемыя, государыня. .

— Насчетъ обмановъ потомъ поговоримъ, если не съ досады ты молвилъ, другъ мой. А прочее все — вздоръ. Единимъ словомъ успокою тебя. Помнишь нашу бесѣду послѣднюю о наслѣдованіи трона? Не знаю, откуда, но думается, провѣдалъ обо всемъ мой сыночекъ сумасбродный. Совсѣмъ носъ повѣсилъ, запечалился. Даже супругу свою меньше тиранить сталъ... Можетъ, по дурости, и на шагъ какой рѣшится. Тутъ намъ свѣтлѣйшій особенно и надобенъ. Изворотливъ онъ на всякія вещи, какъ никто! Много разъ то доказывалъ и мнѣ, и цѣлому свѣту... Свой дѣла порою плохо ведетъ. А ужъ мои никогда. И знаетъ онъ, поди, что тогда я его особливо отличаю, когда нужда въ немъ бываетъ особая... Онъ даже и говаривалъ о томъ... Въ надеждѣ, конечно, что перенесутъ и тѣмъ меня побудятъ быть еще къ нему добрѣе. Хитеръ нашъ князь. Ты и не знаешь, какъ! Я знаю его. Теперь его обидѣть, прямо на Павла толкнуть. А вдвоемъ они и мнѣ... стало, и тебѣ опасны вдвое. Вотъ, пишетъ князь, что сюда сбирается... Скоро того не будетъ. Еще тамъ баталіи и дѣла всякія. Я его позадержу, какъ смогу... Но, если нагрянетъ, помни: лаской, да угрожденіемъ можно только съ нимъ сдѣлать. Онъ — не первый куртизанъ, которыхъ такъ много кругомъ... Всѣ они мною сдѣланы. Я ихъ могу и въ пыль бросить. Князь не таковъ. Самъ онъ себя да Господь его поднималъ. Если и упадетъ, такъ самъ же да по волѣ Божіей... Осторожно надо поступать. Обѣщаешь ли помнить и слушать, что сказала? Видишь, на добро, не на вредъ тебѣ это.

— Обѣщаю, матушка...

— Какъ грустно сказано. Ну, иди, цѣлуй руку... и жди. Авось, и тебя найдемъ чѣмъ повеселить. Не хмурь

своихъ красивыхъ глазъ. Нейдетъ это вамъ, сударь... И не люблю я ..

— Хорошо, ваше величество.

— У-у, какъ почтительно. Ну, Богъ съ тобой. Ступай, отмякни... И жди... Ты свое получишь...

На другой же день былъ написанъ указъ о надѣленіи Зубова новыми земельными участками и крестьянскими душами изъ казенныхъ людей. Онъ получилъ также генеральскій мундиръ вмѣсто полковничьяго. Но это не утѣшило фаворита.

Нѣсколько дней хворалъ онъ,—притворно, истинно ли! трудно было разобрать. Хандра и потревоженная желчь придавали совѣтъ болѣзненный видъ этому завистливому человѣку.

Наконецъ, только красивая орденская лента и крупная сумма денегъ, которую онъ получилъ отъ Екатерины, благодѣтельно повліяли на болѣзнь, и слова Зубовъ, теперь еще болѣе самоувѣренный и надменный, появился и занялъ свое постоянное мѣсто рядомъ съ Екатериной и во время выходовъ, когда шель съ правой руки, отступая на полъ-шага, и вечерами у игорнаго стола, или въ Эрмитажной ложѣ.

Внутри государства только гоненіями на русскихъ масоновъ, на „мартинистовъ“ и другихъ вольнодумцевъ отмѣченъ былъ этотъ годъ. Смертный приговоръ, объявленный преступнику Радищеву, императрица замѣнила вѣчной ссылкой.

За Радищевымъ сталъ на очередь Новиковъ и даже покойный уже Княжнинъ съ его „Вадимомъ“.

Генералъ Архаровъ дѣятельно несъ обязанности директора „тайной канцеляріи“, блаженной памяти, потерявшій свое прежнее имя, но не силу.

Шешковскій прославился въ потомствѣ, ставши пуга-

ломъ для всѣхъ жителей обѣихъ столицъ и цѣлой Россіи съ его допросами, пытками, съ его „кресломъ въ подпольѣ“, о которомъ начали ходить цѣлыя легенды...

Все шло своимъ чередомъ.

Чума на югѣ пріостановила военныя дѣйствія.

Такъ гласили официальные сообщенія.

Но, кромѣ чумы, мало было людей, провіанту, боевыхъ припасовъ. И все лѣто, всю осень это собиралось, подвозилось... Наборъ былъ произведенъ съ небывалой строгостью... И только къ зимѣ могли пополниться ряды русскихъ войскъ.

Вся жизнь двора, какъ и остальной Россіи, понятно, вращалась, главнымъ образомъ, вокругъ военныхъ событій.

А домашняя, внутренняя жизнь Екатерины и окружающихъ ее шла ровно, своимъ чередомъ.

22-го мая 1690 г. принцъ Нассау, командующій гребной флотиліей, прислалъ курьера къ императрицѣ.

Прочитавъ донесеніе, она смутилась.

— Вотъ, взгляните, — по-французски обратилась она къ Храповицкому, съ которымъ занималась въ этотъ ранній обычный часъ.

Храповицкій прочелъ и тоже не могъ сдержать волненія, сильно поблѣднѣлъ.

— Однако, отвагу взяли шведы! — проговорилъ онъ, чтобы нарушить неловкое, даже тяжелое молчаніе.

— Да, плывутъ прямо къ нашей резиденціи. Дессантъ, видно, рѣшенъ на подкрѣпленіе ихнимъ сухопутнымъ силамъ. Куда направить ударъ, интересно знать... Позвоните. Скорѣй бы разослали извѣстія ко всѣмъ начальникамъ частей. Чтобы быть наготовѣ... Вызвать Салтыкова... Впрочемъ, лучше я сама... Старика нечего беспокоить. И, вообще, надо это потише сдѣлать, чтобы напрасно не пугать публику... Я ужъ сама. Генераль еще спитъ?—обратилась она къ Захару, вошедшему на звонокъ.

— Почивать изволятъ, надо полагать. Рано для нихъ...

— Хорошо. Скажи тамъ, какъ только проснется, чтобы дали мнѣ знать... А ты пиши,—по-русски обратилась она къ Храповицкому, — Мусину - Пушкину... Да генералу Салтыкову... Повѣсти ихъ... Я подпишу... Чтобы были наготовѣ... Чтобы... Ну, самъ знаешь. Такая бѣда... А между генералами свои счеты идутъ. Вотъ, ужъ людское неразуміе! Себя не жалѣютъ... Родины не берегутъ... Пиши: главное командованіе я ввѣряю... Нѣтъ, стой... Подумать еще надо...

И дольше обыкновеннаго пришлось просидѣть въ это утро Храповицкому за рабочимъ столомъ въ комнатѣ императрицы.

А на половинѣ Зубова царилъ тишь и покой.

Между тѣмъ, уже къ 9 часамъ утра пріемныя и передніе покои тамъ начали наполняться цѣлой толпою лицъ, явившихся на поклонъ къ новому баловню счастья.

Было тутъ не мало просителей и кліентовъ изъ провинціи, пришедшихъ въ надеждѣ найти защиту и покровительство у человѣка, всесильнаго, какъ это всѣ знали, и очень любезнаго, мягкаго всегда и со всѣми на видѣ.

Но только въ первое время Зубовъ надѣвалъ маску лстивости и услужливости по отношенію ко всѣмъ, кто сталкивался съ этимъ новымъ фаворитомъ по условіямъ придворной жизни, или хотя бы случайно.

Чѣмъ больше крѣпло его положеніе и усиливалось вліяніе, тѣмъ холоднѣй и надменнѣй становился онъ.

Теперь, именно, начали проявляться сильныя признаки этой маніи величія, которая владѣла фаворитомъ до минуты кончины его покровительницы.

Прибываютъ посѣтители...

Ужъ не вмѣщаютъ ихъ покои, сосѣдніе съ тремя комнатами, куда не допускается никто безъ приглашенія, какъ во внутренніе апартаменты фаворита.

Почтенные, сѣдые сановники, генералы со звѣздами, въ блестящихъ кафтанахъ ловятъ проходящихъ лакеевъ, стараются узнать: скоро ли встанетъ фаворитъ? поздно ли уснулъ вчера? Здоровъ ли и есть ли надежда на хорошее расположеніе его духа, когда онъ проснется?

Слуги, уже привыкшіе къ этой рабской толпѣ, не стѣняясь, захлопываютъ двери передъ носомъ тѣхъ посѣтителей поназойливѣе, которые стараются пробраться дальше предѣла, отведеннаго для нихъ.

У входной двери рослый лакей чуть не въ шею толкаетъ вновь прибывающихъ просителей и гостей, если тѣ не очень крупныхъ чиновъ, и повторяетъ:

— И безъ васъ ужъ не протолкнуться... Подождите тамъ. Ослобонится мѣсто... Уйдутъ которые, ну, и пройдете. Чай, не больно важныя дѣла... Знаемъ мы...

Рублевки скользятъ изъ жирныхъ пальцевъ посѣтителей въ цѣпкіе пальцы лакея, и онъ кое-какъ пропускаетъ догадливаго искателя...

Въ первой комнатѣ изъ трехъ, куда постороннихъ не пускаютъ, горитъ каминъ, несмотря на то, что майскіе дни довольно теплы.

Зубовъ изнѣженъ, зябокъ и особенно плохо себя чувствуетъ въ этихъ старыхъ, мрачноватыхъ внутри, дворцахъ...

Козицкій, дальній родичъ Зубова, его посредникъ въ щекотливыхъ „денежныхъ“ дѣлахъ, сидитъ здѣсь съ портфелемъ подъ рукой. Тутъ же вертится другой наперсникъ и агентъ фаворита, Николай Федоровичъ Эминъ, стихотворецъ средней руки и угодникъ ради личныхъ выгодъ, беззащѣтливый и смѣлый, прячущій свои клыки порою подъ маской шутовства. Третьимъ допущенъ въ интимную компанію человекъ весьма извѣстный и въ обѣихъ столицахъ, и по всей Россіи: Гавріиль Державинъ, поэтъ, при-

знанный всѣми, авторъ «Фелицы» и другихъ, излюбленныхъ въ лучшемъ обществѣ, стихотвореній, поэмъ и одъ.

Стараясь совмѣстить гражданскую карьеру съ вѣдшимъ служеніемъ Аполлону, Державинъ уже достигъ поста вице-губернатора, но вездѣ не уживался со своими сослуживцами. Онъ считалъ ихъ на много глуше и ниже себя, а они его терпѣть не могли, какъ гордеца и зазнайку. Это порождало цѣлый рядъ кляузъ, по поводу которыхъ и пришлось поэту, бросивъ симбирскія дебри, прискакать въ столицу, искать тутъ милости Зубова, князя Вяземскаго и другихъ вліятельныхъ людей.

Стихи и популярность Державина, его личная способность приноровиться къ сильнымъ покровителямъ, если этого требовали обстоятельства, — сразу доставили поэту доступъ во внутренніе апартаменты фаворита.

Узнавъ, что Державинъ поднесъ Зубову „Оду къ изображенію Фелицы“, имѣющую связь съ первой его, большой поэмой, — Екатерина приняла стихи, прочла, осталась довольна и сказала Зубову:

— Его не мѣшаетъ приласкать. Такіе пѣвцы полезны бывають для общественнаго мнѣнія. А вамъ особливо это пригодиться можетъ.

Зубовъ научился съ полуслова понимать свою благодѣтельницу, и Державинъ получилъ разрѣшеніе безъ зова являться къ выходу Зубова и къ его столу, когда пожелаетъ.

Державинъ тоже не упускалъ случая поймать фортуна за хвостъ и немедленно сдѣлался завсегдатаемъ въ домъ фаворита.

Ожидая появленія хозяина, всѣ трое, сидящіе здѣсь, или молчали, или перекидывались негромкими, короткими замѣчаніями.

Вдругъ осторожно распахнулась широкая дверь, веду-

шая черезъ пріемную въ покои для служащихъ, на порогѣ показался толстый, важный генераль въ полной формѣ, держа въ рукахъ довольно обширный подносъ.

Онъ продвинулся въ комнату, а лакей снаружи снова заперъ дверь, оттѣснивъ плечомъ нѣсколько человѣкъ, которые уже навалились-было, чтобы заглянуть и въ эту завѣтную комнату.

— Здравствуйге, здравствуйте, государи мои... Не опоздалъ, сдается... А ужъ пора... Нынче хотѣлъ нашъ благодѣтель поранѣй встать... Вотъ, я кофейку и приготовилъ... Пойду, загляну: не изволили ли проснуться?... Звонка не было? Нѣтъ?.. Я все же погляжу..

И осторожно, на цыпочкахъ, держа подносъ передъ своимъ мясистымъ носомъ, чтобы фарфоръ, стоящій на подносѣ, не загремѣлъ, генераль пробрался въ сосѣднюю комнату, поставилъ носу на столъ, поджогъ спиртъ подъ золотымъ кофейникомъ и еще осторожнѣе и тише сталъ красться къ двери, ведущей въ спальню фаворита, за которой царилъ полная тишина и мракъ, благодаря тяжелымъ опущеннымъ занавѣсамъ и портъерамъ.

— Аккуратенъ нашъ генераль!—насмѣшливо улыбаясь, замѣтилъ Державинъ Эмину.

— Чего хотѣтъ отъ Кутайсовыхъ? Дѣдъ его за носъ держалъ государя, бороду брилъ и въ знать попалъ. Этотъ тоже берется, за что попало, лишь бы не пропасть... Ха-ха-ха! Каковъ каламбуръ!..

— Тише,—отозвался серьезный, невозмутимый Козицкій.—Кажется, проснулся... Да, звонокъ... Вонъ, и камердинеръ прошелъ... И генераль нашъ преслѣдовалъ съ кофеемъ...

— Слава Богу, значитъ, все обстоитъ благополучно!—торопливо замѣтилъ Державинъ.

Дѣйствительно, Зубовъ проснулся. Первый его взглядъ упалъ на толстое, глупое и преданное лицо Кутайсова...

— Вы? Ну, идите... Несите.

И, протянувъ руку, вторично дернулъ сонетку.

Но предупреждая камердинера, который немедленно явился на звонокъ, Кутайсовъ уже отъиннулъ занавѣси у одного окна, и веселый майскій день ворвался лучами солнца въ высокую, роскошно-убранную опочивальню женственно-изнѣженнаго фаворита.

Только поставя свой кофе на столикъ у кровати, Кутайсовъ отвѣсилъ вновь поклонъ и заговорилъ:

— Съ добрымъ утромъ, съ веселымъ пробужденіемъ, милостивецъ... Кофеекъ готовъ... Безъ лести скажу: нынче, какъ никогда, удался на славу... А сливочки... бренделечки... Мм-м... Самъ приглядѣлъ за пирожникомъ... Кушай на здоровье, ваше сіятельство!..

— Благодарствуй...

Зубовъ небрежно протянулъ руку своему угоднику.

Тотъ въ порывѣ рабской преданности взялъ обѣими руками пальцы Зубова, слегка пожалъ и, неожиданно, замѣтивъ, что нога у колѣна фаворита обнажилась отъ покрывала, осторожно нагнулся, коснулся губами открытаго мѣста и покрылъ его одѣяломъ, бормоча:

— Озябнуть изволятъ ножки твои, милостивецъ... Беречь, чай, ихъ надо... Ножки-то...

Зубовъ, привышій ко всякимъ формамъ угодливости, все-таки смутился и, быстро укрывшись поплотнѣе, сказалъ:

— Что ты, государь мой... Не женщина я, чтобы подобныя ласки... Вѣрю, что отъ сердца. Да, лучше, не надо...

— Не буду, не стану, милостивецъ... Не стерпѣлъ... Когда пожку увидѣлъ, ту самую... твою... Хе-хе-хе... Сердце выграло. Всѣ мы — рабы нашей государыни-матушки. Ничего не пожалѣемъ для нея.: Вотъ, я и... Не взыщи,

милостивецъ... Пей... На здоровьице. Горячо ли? Хорошо? И ладно... А я пойду... Только... словечко, вотъ еще...

— Что такое? Говори...

— Да, слыхаль я: принца нѣмецкаго смѣнить думаетъ государыня. Благодѣтель нашъ, князь Николай Ивановичъ брата на его мѣсто ладить... Геперала Салтыкова... Должно полагать, и вакансій притомъ не мало сткроеся... Такъ, ужъ попомни меня, слугу своего вѣрнаго... И племянничка, Сережку... Знаешь, чай, его. Оба мы тебѣ готовы усердствовать... Такъ, ужъ ты...

— Хорошо, хорошо. Если только перемяна будетъ я, буду помнить... А много народу тамъ ждетъ? Изъ чужихъ?

— Полны горницы... Лизоблудишки набѣжали... Лишь бы беспокоить тебя, благодѣтеля! Того не понимаютъ, что мужей такихъ въ ихъ дѣятельности государственной излишними заботами утруждать нельзя, докучать ихъ имъ не подобаетъ. Духъ чтобы бодрый у милостивица былъ, чтобы онъ могъ угодить и матушкѣ государынѣ, чѣмъ Богъ послалъ... Хе-хе-хе... Ну, я тоже докучать не стану... Ужъ самъ попомнишь просьбишку...

— Да, да, буду помнить. Скажи тамъ, чтобы отказали всѣмъ. Я не принимаю сегодня... Что-то не по себѣ мнѣ...

— Здоровъ ли, ангель мой? Лѣкаря бы... А то бы...

— Здоровъ, здоровъ я! Ступай, скажи...

Съ низкими поклонами вышелъ Кутайсовъ.

Зубовъ съ помощью камердинера набросилъ на себя мѣховой халатъ и перешелъ во вторую комнату, гдѣ тоже горѣлъ каминъ, усѣлся у него на низенькомъ креслѣ, ноги протянулъ на мягкую скамеечку. Взявъ пилку, сталъ точить розовые ногти и приказалъ камердинеру:

— Кто тутъ рядомъ? Своихъ зови. А чужихъ не принимаю.

Кивнувъ довольно привѣтливо на низкіе поклоны троихъ вошедшихъ, Зубовъ обратился прежде всего къ Козицкому:

— Ну, что тамъ у тебя?

Тотъ подалъ нѣсколько бумагъ изъ портфеля.

Зубовъ взялъ, поглядѣлъ, выбралъ одну и сталъ читать, положивъ остальные на столъ, рядомъ. Довольная улыбка показалась на его изиѣженномъ, еще розоватомъ отъ сна, лицѣ.

— Прекрасно... Неужели, это такъ? Это я могу сдѣлать. Все въ моихъ рукахъ. Только чтобы потомъ отъ условія не отступилъ купчишка... А то, знаешь: тонеть, топоръ сулить...

— Быть тому невозможно, ваше превосходительство. Онъ есть въ нашихъ рукахъ, такъ и останется. Откупное дѣло такое, что всегда можно прорѣху найти, если даже не новую продрать... Тутъ все вѣрно.

— Тогда я исполняю. Напиши записку. Я отцу въ Сенатъ самъ перешлю... Тяжба на исходѣ. Теперь самое время... А тутъ?

Онъ взялъ остальные бумаги, снова проглядѣлъ ихъ.

— Хорошо. Пусть лежатъ. Я сегодня скажу тебѣ. Еще потолковать тутъ надо... Съ Вяземскимъ или съ братомъ Дмитріемъ. Онъ самъ тестю передастъ. Ты иди, записку отцу напиши. Вотъ, бери докладную. А что самъ Логгиновъ?

— Ждетъ, какъ мы тутъ порѣшимъ.

— Пусть ждетъ... Ну, у васъ что новаго, государи мои? Ты съ чѣмъ это. Гавріиль Романычъ? Свертокъ подозрительный... И видъ у тебя. Знаешь, на Новый годъ были мы съ государыней въ пансіонѣ благородныхъ дѣвицъ, что на Смольномъ дворѣ... И вздумалось этимъ козочкамъ... цыпинькамъ мнѣ сюрпризъ поднести... Также, вижу, несутъ двѣ мамочки... Ничего уже, съ грудочкой...

Изъ старшихъ, видно. Присѣдаютъ и подають... Разворачиваю—атласу бѣлаго кусокъ, цвѣточками зашить... И стихи на немъ вышиты же. Весьма изрядные. Вонъ тамъ лежать. На столѣ. На французскомъ діалектѣ. Весьма изрядные... Кто только имъ стряпаль? Ха-ха-ха... Послѣ всю ночь объ этихъ пупочкахъ думалось... Сами бы онѣ себя поднесли. Я бы не прочь былъ.. Ха-ха-ха!.. А то стихи... Вотъ и у тебя видъ сходный теперь... Ну, сказывай...

— Угадалъ, милостивецъ, ваше превосходительство. Стишки сложились. Не мудренные.. Да отъ сердца... Ужь, не посѣтуй... Прочешь не изволишь ли?

— Какъ не изволишь? Читай, голубчикъ... Да, что ты стоишь? Садись.. Какіе тамъ у тебя еще стихи? Ода? Государынѣ, небось? Хитрецъ лъстивый... Она и то довольна твоими стихами. Говорила, думаетъ въ свою службу тебя повернуть... Къ ней, да?

— Не такъ, ваше превосходительство... Теперь ошиблись. Слушать извольте. Загадка небольшая. Рѣшить не пожелаете ль?

— Загадка? Въ стихахъ? Занятно. Слушаю... Слушай, Эминь. Ты самъ мастеръ. Судить можешь.

— Гдѣ ужъ намъ судить такихъ большихъ стихотворцевъ,—завистливо, покусывая губы, отозвался менѣ догадливый на этотъ разъ приживальщикъ.— Будемъ хлопать... ушами, коли руками почему-либо не придется.

Тонкая иронія не была оцѣнена. Зубовъ снова обратился къ Державину:

— Загадывай свою загадку, почтенный пича.

— Служу вамъ, государь мой.

Откашлявшись, пріосанясь на стулѣ, гдѣ онъ сидѣлъ на самомъ краешкѣ, но довольно твердо, Державинъ сталъ декламировать съ пафосомъ, обычнымъ для той поры:

„Къ лирѣ!“

Звонко—пріятная лира!
Въ древни, златые дни міра
Сладкою силой твоей
Ты и боговъ, и звѣрей,
Ты и народы плѣняла.
Глазь тихострунный твой, звоны,—
Сердце прельщающаи тоны—
Съ дѣбрей, вертеповъ, степей
Птиць созывали, звѣрей.
Холмы и дубы склоняли...
Нынѣ желѣзные ль вѣки?
Тверже ль кремней челоуѣки?
Сама не знаясь съ тобой,
Свѣтъ не плѣняютъ собой,
Чужды красотъ доброгласья.
Доблестью чуждой плѣняться,—
Къ злату, къ серебру лишь стремятся...
Помнать себя лишь однихъ.
Слезы не трогаютъ ихъ.
Вопли сердце не доходятъ.
Души всѣ льда холоднѣе.
Въ комъ же я вижу Орфея?
Кто Аристонъ сей молодой?
Нѣженъ лицомъ и душой,
Нравовъ благихъ преисполненъ...

Тутъ поэтъ остановилъ потокъ декламаціи.

— Въ поясненіе изъяснить могу, что скромность нравовъ и философское поведеніе чрезвычайно отличаетъ персону, здѣсь изображенную, отъ иныхъ подобныхъ. Оттого сравненіе съ Аристотелемъ. А съ Орфеемъ—ради склонности къ игрѣ скрипичной и къ музыкѣ, въ которой также преуспѣваетъ весьма...

Зубовъ съ очень довольнымъ видомъ, только молча, погрозилъ пальцемъ даровитому льстецу. Тотъ продолжалъ:

Кто сей любитель согласья?
Скрытый зиждитель ли счастья?
Скромный смиритель ли злыхъ?
Дней гражданинъ золотыхъ—
Истый любимецъ Астреи...
Кто онъ? Повѣдай скорѣ!

— Сызнова пояснить хочу. Астрея—справедливости и „златыхъ вѣковъ“ богиня. Кто средь насъ она, пояснять надо ли? Да живетъ на многія лѣта государыня.

— Да живетъ!—подхватили оба слушателя.

— Молодецъ ты, Гаврило Романычъ.. Давай, я уже государынѣ покажу. Ей пріятно будетъ.

— Изволь, милостивецъ. И тутъ еще, коли спросить... Рисунокъ кругомъ означеніе имѣютъ... Вотъ Орфей съ лирой. Уже толковалъ я: это нравовъ пріятность въ вельможѣ, здѣсь воспѣтомъ означаетъ. Онъ же города строить словами одними, приказами мудрыми. И это изображено въ вядѣ Амфіона-царя, по струнному звуку котораго города воздвигались...

— Умно. Все умно. Спасибо. Что ты скажешь, Эминъ?

— Изрядно. Но сей разъ много лучше всего, что обычно слышалъ, чѣмъ угощалъ порою другъ нашъ преславный, піить всесвѣтный. Хотя многіе находятъ, что въ сочиненіяхъ подобныхъ только словъ звучаніе и обычные образы, невысокія мысли кроются. Но изрядно!

— Какъ же это, государь мой, такъ рѣшатся мнѣ въ глаза говорить, — вспыхивъ, задѣтый за живое ѣдкой критикой, отозвался рѣзко Державинъ, даже не помня, что онъ говоритъ въ присутствіи самого Зубова. — Я готовъ свои

сочиненія на общій судъ отдать. Во всѣхъ вѣдомостяхъ напечатать: пускай несутъ сужденія свои господа читатели, а не завистники мелкіе. Поглядимъ: скажутъ ли то же, что я отъ васъ услышалъ. И ежели бы не уваженіе къ покровителю высокому и къ мѣсту этому... И не памятовалъ я услугъ, мнѣ отъ васъ оказанныхъ въ иное время...

— И ничего бы не было. На словахъ ты горячь, Гаврило Романычъ. Знаю я тебя... А про одолженія что говорить? Знаешь: старая хлѣбъ-соль забывается... Молчишь? Оно и лучше. Вотъ, милостивецъ, не позволишь ли, я тоже свою загадочку прочту тебѣ? Нынѣ по рукамъ ходить. Не вѣдаю, кто и сложилъ. А занятно. Тоже енигма изрядная.

— Забавное што-либо? Читай, читай. Я люблю...

— Такъ, бездѣлица. „Изображеніе пѣнты“ называется. Кхм... вхм...

Своимъ сипловатымъ, глухимъ баскомъ Эминъ началъ читать:

У златой Гипокрены стою на берегахъ,
Какъ въ шелкахъ, весь въ долгахъ.
Проливаются злата живые ключи
Днемъ, а болѣ въ ночи.
Съ музъ печатью на твердомъ, широкомъ челѣ,
При зеленомъ стою я столѣ.
Безумолчный мнѣ слышится золота звонъ.
Богъ Парнаса, мой богъ, Аполлонъ!
Что ни больше на карту унести помощи,
Лишь покрыть бы свои всѣ долги!
Коль игрой обезпечу пристойный доходъ,
Грянетъ рой звучныхъ одъ.
Кто мнѣ нуженъ, я всѣхъ воспою заурядъ,
Пусть потомъ и бранять, и корять!

За червонцы, златой Гипокрены ключи,
Стану славить ихъ въ день и въ ночи.
Величать стану звучными виршами тѣхъ,
Кто мнѣ далъ тьму пріятныхъ утѣхъ!..

— Вотъ она, энигма, какова. Узнать трудноовато, на кого сложена.

Багровѣя отъ злости, Державинъ ясно понялъ, что стрѣла брошена прямо въ него.

Пріѣхавъ въ столицу безъ денегъ, онъ успѣлъ счастливой игрой быстро набрать до 40 тысячъ рублей, и объ этомъ вездѣ говорили. Поэтъ былъ увѣренъ, что пасквиль написанъ именно Эминимъ, съ нѣкоторыхъ поръ завидующимъ успѣхамъ своего прежняго протеже... Но нашель силъ сдержаться.

— Недурно! И звучныя вирши... И соль есть... Какъ скажешь, дружокъ?—обратился къ Державину Зубовъ, любившій потѣшиться падъ вспыльчивымъ и амбиціознымъ стихотворцемъ, даже порой самъ stravливающій для этой цѣли обоихъ соперниковъ.

— Что могу сказать?! Я въ такихъ пасквиляхъ не судья. Пока прошенія прошу, благодѣтель. Въ судъ, по дѣламъ пора... Мытарятъ меня... И конца нѣтъ... Послѣдніе гроши проживаю. Ужъ не взыщи...

— Нѣтъ, нѣтъ, я знаю. Не держу тебя. Обѣдать приходи... Да, кстати: правда, что на послѣдней игрѣ у графа Матвѣя Апраксина семеновскій капитанъ Жедринскій 30 тысячъ проставилъ?

— Вѣрно, ваше превосходительство. Я самъ и былъ при томъ. Больше тридцати. Въ семидесяти сидѣлъ. Да сорокъ отыгралъ кое-какъ. А остальное гнать пришлось. Не бѣда, Апраксинъ къ Жедринскому на фараонъ загля-

нетъ, они сквитаются. Банку всегда больше, чѣмъ понтамъ, везетъ, дѣло извѣстное.

— Правда твоя. Ты мнѣ дай знать. Я тоже заѣду на вечерокъ къ нимъ, когда побольше игра тамъ будетъ...

— Не премину, ваше превосходительство. Вашъ слуга... И съ низкимъ поклономъ вышелъ поэтъ отъ фаворита...

* * *

Тяжелыя минуты пришлось пережить на другой день императрицѣ, Зубову, всѣмъ обитателямъ столицы.

Около полудня какіе-то отдаленные, глухіе удары, словно раскаты далекой грозы, стали доноситься до слуха всѣхъ, живущихъ въ Петербургѣ и въ окрестностяхъ его.

Заслышавъ бухающіе удары, Екатерина вздрогнула, поблѣднѣла и подняла глаза на Зубова и другихъ, кто сидѣлъ и стоялъ вокругъ ея невысокаго стола, за которымъ совершала государыня свой малый туалетъ.

— Кононада!—едва могла выговорить Екатерина. — Такъ близко... Послать узнать: что такое?..

Нѣсколько человекъ кинулось изъ комнаты.

Зубовъ тоже сдѣлалъ было движеніе, но почувствовалъ, что ноги ему не повинуются, и стоялъ, жалкій, позеленѣлый, съ дрожащей нижней губой.

Другіе тоже выглядѣли не лучше.

И вдругъ, какъ боевая труба, прозвучалъ голосъ государыни, совершенно и быстро овладѣвшей собою:

— Да, что вы, друзья... Я и забыла. Это мнѣ на нынче принцъ писалъ, адмиралы мои побѣду готовятъ надъ шведскимъ флотомъ, который умышленно ближе къ берегамъ нашимъ подманили... Успокойтесь... Принцъ вѣсти пришлетъ скоро...

И она приказала продолжать свой туалетъ, какъ ни

въ чемъ не бывало, вышла потомъ къ ожидающимъ ее напуганнымъ придворнымъ, спокойная, ясная, даже веселая, какъ всегда.

И, глядя на эту удивительную женщину, всѣ воспрянули духомъ.

Но испытаніе не кончилось.

Прискакалъ съ берега курьеръ.

Еще сама Екатерина только знакоилась съ подробнымъ донесеніемъ, а ужъ всѣ близкіе знали, въ чемъ дѣло.

Принцъ Нассаускій выслалъ развѣдочныя суда своей гребной флотиліи издать набладать за ходомъ морской битвы двухъ сильныхъ флотовъ.

Командиръ одного русскаго фрегата, не понявъ сигнала, вышелъ изъ строя, сломалъ всю линію русскихъ кораблей.

Поправляя дѣло, старикъ-адмиралъ Крузе подалъ сигналы перестроиться.

Вся русская флотилія круто повернула курсъ къ берегу.

Люди принца приняли это за бѣгство. Дали знать Нассау, и тотъ послалъ гонца извѣстить Екатерину.

Подступъ къ столицѣ могъ оказаться незащищенъ, и государыня должна была принять мѣры...

Пока, потрясенные этой вѣстью, собранные министры и сановники, военные и гражданскіе чины обсуждали, какъ поступить, на Выборгской сторонѣ громко прогремѣла пушечная кононада...

— Шведы входятъ въ столицу!—крикомъ ужаса пронеслось по всему городу.

Кто могъ, бросились бѣжать.

Блѣдная, со слезами на глазахъ, Екатерина приказала немедленно узнать, что тамъ происходитъ.

Прошло больше часу.

Молча сидѣли всѣ и ждали. Изъ сараевъ уже выкатили кареты, вывели и заложили лошадей. Стали спѣшно собирать все самое драгоценное и необходимое.

Наконецъ прискакалъ посланный гонецъ, за нимъ явился и Архаровъ, и Рыльевъ:

— Успокойтесь, ваше величество. Враговъ не видно... Это несчастье вышло небольшое. Видно, ужъ Господь попустилъ... Въ лабораторіи, на артиллерійскомъ дворѣ, огонь заронилъ кто-то... До 500 бомбъ снаряженныхъ взорвало на воздухъ.

— А погреба? Порохъ тамъ...

— Все цѣло, государыня... И не убило никого. Одинъ солдатъ сгорѣлъ. Видно, онъ трубкой огонь и заронилъ... Покаралъ его Богъ... Все цѣло. Стекла повывило... Дѣло пустое...

— Ну, слава Богу. Не попустилъ Господь. Что еще тамъ?

Бурей ворвался второй гонецъ:

— Богъ милости послалъ, ваше величество. Прощенья просить принцъ. Не понялъ онъ боя... Напрасно потревожилъ своимъ донесеніемъ... Отбиты шведы. Флотъ нашъ подъ защитой своихъ батарей у Сескари стоитъ... Вотъ тутъ все писано...

Офицеръ-морякъ, полумертвый отъ быстрой ѣзды, отъ усталости и волненія, подалъ пакетъ Екатеринѣ.

Всѣ вздохнули свободнѣй.

Но послѣ этого страха нѣсколько дней была больна государыня, Зубовъ и многіе при дворѣ.

Кругомъ по дачамъ запрещено было изъ пушекъ стрѣлять, какъ это случалось въ торжественные дни. Фейерверковъ пускать нельзя было.

Каждый выстрѣлъ или звукъ, похожій на орудійные залпы, слишкомъ пугалъ обитателей столицы и дворцовъ ея.

На другой же день послѣ канонады, такъ напугавшей столицу, пришли совѣмъ добрыя вѣсти: Крузе соединился съ флотомъ, стоящимъ въ 40 верстахъ отъ Петербурга, въ Сескари, а шведы очутились запертыми въ шхерахъ близъ Выборга и со дня на день могли ожидать полного разгрома, какъ только русскій флотъ оправился послѣ недавняго боя.

Оправясь немного отъ своего нездоровья, Екатерина рѣшила сама осмотрѣть флотъ и повидать своихъ храбрыхъ моряковъ, отряды гвардіи, которые такъ отважно дѣлали свое дѣло.

Раннимъ іюньскимъ утромъ выѣхали изъ Царскаго села открытые экипажи.

Въ первомъ сидѣла императрица, графиня Анна Петровна Протасова и Зубовъ.

Во второмъ — графы Ангальтъ и Безбородко съ графомъ Валентиномъ Платоновичемъ Мусинымъ — Пушкинымъ. Въ третьемъ экипажѣ ѣхали двѣ дежурныя фрейлины и одна изъ сестеръ Алексѣевыхъ.

Въ Петергофѣ, куда направлялись экипажи, стояла наготовѣ яхта, которая должна была отвезти государыню въ Кронштадтъ. Тамъ теперь стояли оба соединенные флота: адмирала Крузе и тотъ, который былъ у Сескари, не считая гребныхъ судовъ флотиліи принца Нассау.

Гладкая дорога, хорошее утро, счастливо пережитая опасность, все это располагало къ бодрому, радостному настроенію. И всѣ спутники выглядѣли очень хорошо и весело.

— Видно, вмѣстѣ съ маемъ кончена наша маята, — замѣтила государыня, охотно начинающая всегда игру словами: — шведы своими пушками заставили у меня въ столицѣ стекла дрожать. Теперь пусть сами попляшутъ на водѣ безъ выходу... Говорять, всѣ пути имъ принцъ сво-

ими лодочками отрѣзаль... Боятся они этой флотилии послѣ прошлогодней бани...

— А я слыхаль, — отозвался Зубовъ, — что принцемъ большія ошибки и тогда были допущены. Не даромъ въ заграничныхъ газетахъ шведскій король такой обидной реляціей для нашего оружія свѣтъ удивиль...

— Отвѣчать на все можно. Не такъ ужъ вѣтренъ король, чтобы зря писать. А теперь толкуютъ... Я и отъ графа Салтыкова, и отъ иныхъ слышалъ, совсѣмъ не дѣльно блокаду устроиль принцъ. Генераль Салтыковъ беретса до послѣдняго бревнышка шведскаго весь ихній флотъ захватить, если бы ему поручили дѣло...

— То-то и есть, что онъ беретса. Да ему не дается. Можно ли принца обижать послѣ всѣхъ удачъ его? И что за охота у моихъ генераловъ именно за тѣ дѣла братьса, на которыхъ уже другіе сидятъ? Какъ будто чего иного найти нельзя, если отличиться воистину охота моимъ генераламъ?.. Господи! Да я бы, будь я мужчиной... Ужъ сколько разъ сказывала... Не стала бы подъ другихъ подрыватьса... Сама бы столько отыскала подвиговъ для себя... Не слушай ты ихъ, другъ мой... Я знаю, ты считаешь себя обязаннымъ графу Николаю Иванычу. Да и то помни: не безъ личныхъ выгодъ онъ принялъ тебя подъ свое попеніе. У каждаго свой расчетъ... А мнѣ ужъ позволъ самой думать, кто куда лучше подходитъ... Сколько лѣтъ этимъ дѣломъ занята была. Приловчилась, генераль. Вѣрьте вы мнѣ!

— Да, я и въ думахъ не клалъ, ваше величество...

— Само лечь хотѣло, безъ твоего положенія? Пусть такъ... На этотъ счетъ всякое бываетъ. И ты на меня не обижайса за прямое слово. Дѣло сейчасъ не шуточное. Не время сахарничать... Вся имперія въ опасности. А на мнѣ лежитъ отвѣтъ за благо моей земли, всѣхъ подданныхъ моихъ...

— Да, я и думать не посмѣлъ бы ваше величество..

— Смѣлъ, не смѣлъ, а вижу я, какъ ты сейчасъ нахмурился... Ты бы то помнилъ: вся моя жизнь съ перваго дня царствованія была посвящена на одно: чтобы росло величіе Россіи. Такъ и удивляться нельзя, что всякое горе для нея—двойное мое горе. Всякая обида, ей нанесенная, малѣйшая несправедливость для меня не переносны бываютъ... Не могу молчать я при такомъ разѣ. Силь больше нѣтъ все въ себѣ таить, притворствоваться, какъ до сей поры не разъ случалось, ради осторожности и благо-разумія, по тогдашнимъ обстоятельствамъ и конъюнктурамъ глядя... Но чѣмъ больше таить въ себѣ злое чувство, тѣмъ оно сильнѣе закипаетъ внутри... И я рѣшила расправиться со шведами какъ можно лучше. Да и туркамъ спуску не дать. А въ такомъ разѣ не свойство и кумовство въ дѣло идуть, а люди стоящіе... Будешь это помнить, мой другъ, самъ поймешь, за кого можно просить, за кого не стоитъ и время терять.

Наступило молчаніе.

— А не имѣлъ ли вѣстей отъ нашего храбреца-чудака, отъ Александра Васильича?—спросила ласково государыня, видя, что строгая отповѣдь сильно повліяла на ея любимца, и желая направить его мысли въ другую сторону.

— Какъ же, ваше величество. Онъ просить повергнуть къ стопамъ нашей матушки-государыни его благодарность за вниманіе и память... И что дочку не оставляете, „Суворочку“ его, какъ онъ ее зоветъ.

— Премилая дѣвочка. Скоро и невѣста. Вотъ бы брату твоему посватать... Совсѣмъ хорошая партія..

— Конечно, Николай былъ бы счастливъ, если бы ваше величество пожелали принять участіе въ этомъ, когда настанетъ время..

— Съ удовольствіемъ... Я не забуду... Глядите, вонъ видны и корабли. Какіе это?

— Должно-быть, береговая охрана, ваше величество... Сейчасъ узнаемъ...

Въ этотъ день императрица успѣла осмотрѣть всѣ морскіе отряды Сескари и въ Кронштадтѣ.

Поблагодаривъ адмирала Крузе за его распорядительность и умѣнье, за послѣднюю побѣду, раздавъ рядъ награды, кинувъ милостивое слово осчастливленному экипажу, къ вечеру государыня вернулась въ Петергофъ.

Съ яхты снова пересѣли въ коляски, и всѣ дремали отъ усталости и множества пережитыхъ впечатлѣній, когда экипажи, колыхаясь на упругихъ рессорахъ, быстро несли ихъ назадъ, къ тѣнистымъ садамъ и паркамъ Царскаго Села...

Какъ бы въ отвѣтъ на похвалы, на ласку и награды, которыми почтила свои войска государыня, они постарались доставить и ей радость: 25 іюня произошла битва подъ Выборгомъ, и снова русскіе одержали рѣшительную побѣду надъ врагомъ.

Снова зазвучали благодарственныя молитвы въ храмахъ столицы, и Екатерина появилась съ Зубовымъ и всею блестящей свитой въ Казанскомъ соборѣ благодарить Господа силъ за одолѣніе надъ врагомъ...

Но съ юга не было такъ жадно ожидаемыхъ, пріятныхъ вѣстей объ успѣхахъ русскихъ войскъ.

Наоборотъ: Валеріанъ Зубовъ и самъ Суворовъ, какъ и нѣкоторыя другія лица, имѣющія возможность писать Екатеринѣ, словно сговорясь, извѣщали государыню, что свѣтлѣйшій по какимъ-то, непонятнымъ ни для кого побужденіямъ и причинамъ, затягиваетъ кампанію, начатую очень удачно, и избѣгаетъ рѣшительныхъ дѣйствій.

Между тѣмъ, самъ Потемкинъ все писалъ, что ему

необходимо побывать въ Петербургѣ, о многомъ лично побесѣдовать съ императрицей.

И только ея рѣшительныя, хотя и очень дружескія, письма удерживали избалованнаго полувластелина отъ намѣренія бросить всю армію на произволь судьбы и скакать домой, за двѣ тысячи верстъ...

А дни, недѣли и мѣсяцы мелькали одинъ за другимъ...

Только въ декабрѣ, послѣ усиленныхъ настояній императрицы, отрядъ Кутузова обложилъ Измаиль, но не спѣшилъ съ приступомъ.

2 декабря прискакалъ туда въ своей двуколкѣ Суворовъ.

9 дней ушло на подготовленія... Злые языки потомъ говорили, что было не мало переброшено золотыхъ и серебряныхъ мостиковъ отъ осаждающихъ къ осажденнымъ.

Какъ бы тамъ ни было, 11 числа, послѣ отчаяннаго штурма и упорнаго сопротивленія, крѣпость была взята, и Суворовъ послалъ императрицѣ обычное, лаконическое донесеніе:

„Измаиль палъ передъ трономъ вашего величества“.

Отъ Потемкина съ этой радостной вѣстью помчался его адъютантъ Валеріанъ Зубовъ.

Порученіе завидное и почетное. Но болѣе сообразительные люди, какъ и самъ „чрезвычайный гонецъ“, прекрасно понимали, что свѣтлѣйшій желалъ избавиться отъ непріятнаго соглядатая. Какъ ни скромно держалъ себя Валеріанъ, роль его была скоро разгадана и самимъ княземъ, и многими иными изъ окружающихъ...

Изъ Петербурга также друзья свѣтлѣйшаго, особенно управитель его и придворный „всезнайка“, Гарновскій извѣщали, что Безбородко, Воронцовъ и многіе другіе съ Платономъ Зубовымъ во главѣ стараются пошатнуть, если ужъ нельзя совсѣмъ свалить, непріятнаго имъ князя. И

лучшій матеріалъ для этого получаютъ несомнѣнно отъ Валеріана.

Потемкинъ былъ внѣ себя. Но онъ хорошо зналъ, какъ сердечно относится Екатерина къ красивому, гибкому и до срока испорченному юношѣ. Въ каждомъ письмѣ она писала объ этихъ двухъ братьяхъ. Просила содѣйствія, чтобы „со временемъ вывести въ люди Валеріана“, этого „писанаго мальчика“, какъ она выражалась... Напоминала, что ей будетъ пріятно, если Потемкинъ проявитъ больше ласки къ Платону во время предстоящей встрѣчи и теперь, въ своихъ письмахъ.

Отъ Платона Зубова, конечно, по настоянію, а можетъ-быть, и подѣ диктовку самой государыни, получались весьма почтительныя и дружескія письма...

Все это вязало свѣтлѣйшаго, и онъ вынужденъ былъ надѣвать личину любезности по отношенію къ людямъ, которые, въ сущности, были ему опаснѣйшими и смертельными врагами...

Но и этотъ необузданный человѣкъ, избалованный временщикъ, принужденъ былъ поддаваться и гнуться подѣ мягкой, ласковой, но такой неумолимо тяжелой рукой, какою Екатерина правила всѣмъ и всѣми, кто только находился вокругъ нея, въ тѣни ея трона...

Вмѣстѣ съ январской метелью, свѣжій и розовый, какъ морозное утро, примчался въ Петербургъ Валеріанъ съ радостными вѣстями о завершенныхъ побѣдахъ, о новыхъ ударахъ, какіе Суворовъ и другіе генералы собирались нанести врагу. Ласково, нѣжно, какъ родного, приняла Екатерина юнаго гонца, отъ котораго, казалось, еще вѣяло пороховымъ дымомъ и жаромъ битвы.

— Весьма рада васъ видѣть, поручишь, а со столь пріятными вѣстями особенно, — встрѣтила юношу она, когда

Платонъ привелъ брата въ комнату, гдѣ государыня утромъ работала одна надъ своими „Записками“.

— А я несказанно счастливъ видѣть вновь ваше величество въ добромъ здравіи и столь цвѣтущемъ видѣ!

— Все благодаря побѣдамъ, которыми, какъ дождемъ, орошаетъ мою душу славное войско російское и его вожди, мой маленькій льстецъ! Давайте вашъ пакетъ.

Пока государыня съ довольнымъ видомъ, покачивая головой, читала донесеніе, адресованное на ея имя княземъ, братья отошли къ нишѣ окна и тихо о чемъ-то толковали.

— Увидимъ, — наконецъ, съ неприятнымъ, злымъ выраженіемъ лица сказалъ Платонъ, — чья возьметъ? Теперь же, осторожно заведи объ этомъ рѣчь, когда государыня станетъ разспрашивать обо всемъ...

Не успѣлъ онъ договорить, какъ Екатерина обратилась къ Валеріану:

— Великолѣпно! Хотя классическая реляція чудака нашего, графа Александра Васильевича и не уступаетъ этой по силѣ, зато находимъ въ послѣдней подробности, драгоцѣнныя для меня и для російской исторіи... Знаешь, мой мальчикъ, — по-старому, дружески, обратилась она къ Валеріану, — я ужъ гораздо успѣла разработать тему. Гляди, и ты попадешь туда, если будешь вести себя хорошо. Не обижаешься, что я съ тобою такъ? Чаю, ты себя уже большимъ мужчиной полагаешь?.. А я такъ рада нынче, что на всякія дурачества готова! Ну, все рассказывай мнѣ, что тамъ и какъ... Нѣтъ! — сама перебила себя Екатерина, — французы мои каковы! Князь свѣтлѣйшій для „Дама Дерезе“, какъ онъ его влечетъ, проситъ шпагу золотую... И для герцога Ришелье... Да этому еще Георгія солдатскаго. „Моль, оказали чудеса храбрости“... Любезный народъ, французскіе дворяне. Умѣютъ платить за доброе

гостепріимство и себя прославить... Да, что они тамъ на-творили, говори, мальчикъ. Все по порядку...

— Дрались хорошо, государыня. И наши герои, молодцы. Да, какъ-то по-просту у нихъ все выходитъ. Идетъ нашъ, дерется, умираетъ. И не видео ничего. Какъ-будто такъ и надо. Всталъ, перекрестился и пошелъ. А у нихъ иначе. Вотъ, этотъ, хоть бы.. Рожа домашняя. Простите, государыня: Роже де Дама... 11 декабря мы приступомъ пошли. Морозище здоровый. А онъ вырядился, какъ на балъ: кафтанчикъ, перчатки, шляпа. Шпагой машетъ, впередъ рвется. Первый на валъ впереди своего отряда взошелъ... Ужъ назадъ насъ труба позвала, когда дѣло было кончено... Тутъ и встрѣтилъ нашего шевалье лакей съ плащомъ на рукѣ. А Роже и говоритъ: Какъ разъ, кстати... Послѣ жаркаго боя прохладно стало на улицѣ! " Ну, конечно, объ этомъ только и рѣчей было по лагерю... Герцогъ Ришелье идетъ и свой киверъ передъ глазами держитъ. А въ киверѣ сильная дыра отъ турецкой пули. И сапоги свои модные порвалъ на приступѣ.. А ужъ не взыщите, государыня, кюлотты прямо вдребезги, ключьями висятъ. Это взбирался гдѣ-то на валъ. Сукно нѣжное... Ну, и не устояло...

— Зато и турки не выдержали. Ужъ, такъ и быть, все сдѣлаю, какъ пишеть свѣтлѣйшій. Своихъ не забуду... Особенно графа Александра Васильевича. Но и гостей почту. У меня они тоже тутъ, чужіе, лучше своихъ управляются. Про Нассау, поди, и тамъ слухи дошли... Золото, не начальникъ. И удачливый. Это главнѣе всего. Вѣрная по-словица на Руси: „Не родись уменъ, красивъ, а—счастливъ“... Ну, и помельче есть, тоже люди нужные. Капитанъ мой Прево-де-Лоньонъ такъ берега укрѣпилъ, что врагамъ и носу сунуть никуда невозможно! Де Траверзэ—чудесный командиръ... А, помнишь, Ванжура?

— Какъ же не помнить! Онъ еще такъ ловко умѣлъ черепомъ двигать! Сморщить лобъ и волосы у него на переносицѣ ежомъ сидятъ... А тамъ назадъ отведетъ. Потѣшный...

— Да... А я тоже тогда начинаю: помнишь, такъ...— И, совсѣмъ развеселясь, Екатерина повернулась къ Валериану правой стороной лица, сдѣлала какое-то незамѣтное усилюе, и правое ухо отчетливо зашевелилось взадъ и впередъ.

Всѣ трое расхохотались.

— Охъ, матушка! Не бросила своихъ проказъ?

— Зачѣмъ бросать, мой мальчикъ, если на душѣ весело? Въ могилу ляжемъ, смѣяться тѣсно тамъ будетъ. Здѣсь ужъ надо досыта порадоваться.

— Такъ, что же Ванжурка нашъ, „Двадцатидневный“, какъ вы его, матушка, звать изволили?

— Охъ, милый! Сорокадневный ужъ онъ теперь. А то и поболѣ... Померъ! Да, да... Не печалься. Смерть— дѣло такое никто ея не минетъ. Жалѣть надо, а грустить что толку...— Утѣшаетъ Екатерина юношу, а у самой крупная, частая слезы полились изъ глазъ. Но она ихъ быстро отерла и продолжала:

— Да, умеръ-то какъ, если бы ты зналъ, забавникъ нашъ. И тутъ почудачилъ. Прямо, можно сказать, забавно вышло, какъ бы смертью дѣло не кончилось. Вотъ, слушай. Башкирь я отрядъ пустила для сторожевой службы по берегу. Шведы ихъ, какъ чертей боятся. А мнѣ того и надо. И баталія была на морѣ. Потомъ сухопутныя стычки. Наши десантъ высадили, шведовъ догонять, которые на утекъ пошли. Ванжура славно бился на морѣ... И съ отрядомъ высадился. Да, ужъ не знаю какъ, и отбился отъ своихъ, отъ моряковъ. Чай, тутъ дѣвчонка какая замѣшалась. Любилъ онъ ихъ. Глядь, башкиры патрулемъ насккали,

Видятъ: не русская одежда. За него. Лопочуть что-то по-своему. Онъ по-русски плохо. Свое имъ несетъ. Таеъ, почитай, съ полчаса дѣло шло. Онъ ершится. Они въ задоръ вошли. Думаютъ: плѣнникъ, а какой задира. Да взяли и прикололи его! Ужъ я таеъ плакала... Ну, а ты носикъ утри.. и дальше рассказывай: свѣтлѣйшій что?

— Все слава Богу. Хотя по несчастью, полагать надо, нездоровъ былъ... И до боя, и послѣ баталіи, почитай, и не появлялся къ войскамъ, и не принималъ никого... Доклады по суткамъ, по двое лежали безъ резолюціи... Мраченъ очень свѣтлѣйшій...

— И съ солнцемъ затменія бываютъ. А ты старшихъ не осуждай. Молодъ еще.

— Храни меня Господь, ваше величество. Я лишь говорю все, что видѣлъ, какъ не смѣю утаить отъ матушки отъ нашей ни малѣйшаго, хотя бы и противъ себя самого. А къ князю Григорію Александровичу я со всякой любовью и респектомъ отношусь, помню, сколь много онъ для государыни моей, для родины хорошаго совершилъ.

— Вотъ, вотъ. Помни это, мой мальчикъ. И я тебя еще больше за то любить буду. Ну, а теперь говори, не тая, какъ началъ. Вижу, правду ищешь, а не во вредъ кому.

— Да, я и сказалъ, ваше величество. Мраченъ очень князь... И не то, чтобы нездоровье большое. Духомъ, говорятъ, тоскуеть...

— Это бываетъ у него. Вамъ сказать могу. Онъ о далекомъ часто думаетъ. Старше я его. Могу ранѣй умереть... А съ сыномъ, съ Павломъ у нихъ вражда большая. Такъ я думаю, изъ этого вытекаетъ многое. И въ архіереи онъ ужъ у меня просился. Надумалъ, что лицо духовное будетъ и для моего наслѣдника недосягаемо. А того не хочетъ понять, вѣрить боится, что я смѣю иначе его страхи

Императрица ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСЪЕВНА.

успокоить... Что я могу... Ну, да о томъ въ свое время потолкуемъ... Только и всего?

— Нѣтъ, и на тѣлесный недугъ часто жалуется князь,—съ совершенно дѣтскимъ, наивнымъ видомъ сказалъ Валеріанъ.—Ни одинъ докторъ, сказываетъ свѣтлѣйшій, тамъ помочь не можетъ... А и хворь-то пустая... Зубъ болить, сказываетъ... Зубъ рвать хочеть... Такъ, сюда ѣхать собирается, ваше величество.

Екатерина быстро переглянулась съ Платономъ и помолчала немного, испытующе поглядывая на юношу.

Тотъ глядѣлъ въ глаза государынѣ своими ясными, красивыми глазами безъ малѣйшей тѣни смущенія, открыто и радостно.

— Вотъ какъ! Пускай. Можетъ и такъ... Говоришь, сюда собирается ѣхать? Хоть я и просила не дѣлать этого?

— Не знаю, государыня. Всѣ тамъ такъ говорятъ, кто къ нему поближе. Уже и готовиться стали. Гляди, слѣдомъ за мной самъ пожалуетъ, порадуетъ тебя, матушку нашу.

Вторая стрѣла была пущена съ тѣмъ же невиннымъ, дѣтскимъ видомъ.

— Милости просимъ! Надо, видно, и намъ приготовиться... Дѣлать нечего... Вотъ, сейчасъ, пойдѣмъ на половину на его. Поглядимъ, что тамъ, да какъ? Прибрать, поправить чего не надо ли? Самой все приходится... Вотъ, только Платонъ твой и помогаетъ мнѣ кой-чѣмъ. Идемте...

* * *

Медленно идутъ они всѣ втроемъ по высокимъ покоемъ обширнаго отдѣленія дворцоваго, предоставленнаго въ распоряженіе Потемкина уже много лѣтъ и безъ пере-

мѣнь. Впереди дежурный камеръ-лакей открываетъ запертыя двери, приподымаетъ портьеры. Спертый воздухъ необитаемыхъ, давно непровѣтриваемыхъ хоромъ даетъ себя знать. Морщится Екатерина, дышетъ не такъ свободно, какъ всегда.

— Здѣсь обои смѣнить надо,—говорить она:—Запиши, въ штофной гостиной, въ желтой. Здѣсь и мебель худа... Но картины зато... Смотрите, друзья... Какія рѣдкости. Денегъ сколько стоило, вспомнить жаль...

— Чудесныя картины,—съ видомъ знатока подтверждаетъ Платонъ.—А эти бронзы... А статуи. Имъ цѣны нѣтъ!..

— Это что! Вотъ я васъ другой разъ въ его галерею да библиотеку поведу. Тамъ воистину клады собраны. Умѣетъ раритеты отыскивать свѣтлѣйшій, что говорить!

— Государыня, нельзя ли нынче взглянуть?—съ ласковой просьбой обратился къ ней Платонъ:—Очень хочется видѣть... Тутъ вещи, какія и эрмитажнымъ не уступать! И неужто, все его собственное?

— Теперь его, какъ я подарила... А многое и самъ онъ собралъ. Дальше мы не пойдемъ нынче. Довольно. Вернемся.

— Ужъ не откажите, матушка. Глаза разгорѣлись у меня... Люблю я очень все такое. Ужъ, пройдемте.. Что стоитъ? Близо...

— Вижу, генераль, разгорѣлись глаза. Не стоитъ себя тревожить. Будетъ и у васъ то же, погодите. Времени много впереди... Скоро войну кончимъ. Тогда и я свободнѣе буду о друзьяхъ своихъ думать... А дальше нынче не пойду. Я сказала... Въ словахъ и въ тонѣ Екатерины звучала непривычная для Платона Зубова рѣшимость.

Эта женщина вся поддавалась своимъ настроеніямъ. Теперь въ глубинѣ души зрѣло у нея рѣшеніе ломить

послѣднее сопротивленіе Потемкина, который, судя по всему, собирается явиться и сдѣлать попытку снова овладѣть своей многолѣтней подругой, ея мыслями и желаніями.

И отголоски внутренней рѣшимости, готовности къ борьбѣ отражались и въ обращеніи съ человѣкомъ, который, собственно, въ настоящую минуту былъ ей ближе и дороже всего на свѣтѣ, какъ послѣдняя вепышка радости передъ близкой развязкой трагикомедіи, называемой „жизнью человѣка»...

Но фаворитъ этого не понялъ своимъ узкимъ умомъ и неглубокимъ духомъ.

Замолчавъ, надувъ губы, какъ капризный, обиженный ребенокъ, шелъ онъ за повелительницей.

Замѣтивъ его огорченіе, она вдругъ невольно улыбнулась и негромко шепнула Платону:

— А, знаешь, ты моложе моего мальчика... Право... по душѣ!.. Ничего. Это—быстро излѣчимая болѣзнь... Охъ, мнѣ ужъ ею не хворать, *malgré moi!*

IV.

„Эсвирь и Аманъ“.

Въ февралѣ примчался Потемкинъ въ Петербургъ, опередивъ свой обширный дворъ и огромный, воистину царскій обозъ, который всегда и повсюду слѣдовалъ за нимъ.

Встрѣча была торжественная и самая теплая, радушная со стороны императрицы. Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось для всѣхъ.

Но самъ свѣтлѣйшій хорошо зналъ Екатерину. Это знаніе и давало ему силу править умной, гордой, вѣчно замкнутой въ себѣ женщиной почти 20 лѣтъ подъ-рядъ.

Это же знаніе подсказало ему, что игра его если и не совсѣмъ еще потеряна, то и на выигрышъ шансовъ слишкомъ мало.

Какъ ни странно, такая увѣренность имѣла основаніемъ второе наблюденіе, сдѣланное княземъ.

Онъ самъ и черезъ приближенныхъ своихъ старался опредѣлить: что за личность этотъ новый фаворитъ, красивый, какъ херувимъ, хрупкій, какъ женщина, незначительный на видъ?

И личныя наблюденія, и общій голосъ подтверждали, что Платонъ Зубовъ—совершенно незначительный по уму и душѣ человекъ.

Хорошо воспитанный, прекрасно болтающій по-французски, прочитавшій много книгъ, особенно съ той поры, какъ попалъ въ клѣтку рядомъ съ покоями Екатерины, Зубовъ обладалъ всѣми аппетитами здороваго мужчины, средняго человека. Былъ очень корыстолюбивъ, любилъ

прекрасное и женщинъ, и произведенія искусства. Могъ понимать и прекрасные порывы души, самъ не проявляя ихъ. Недурно игралъ на скрипкѣ, тоже не внося захвата, огня въ свое исполненіе. Словомъ, это былъ вполне уравновѣшенный, достаточно одаренный, но бездарный въ высшемъ смыслѣ слова человекъ. А, главное, въ немъ было пассивное женское упорство хотѣнія и не было характера, активной энергіи, мужской, властительной замашки.

Природа какъ-будто создала его быть фаворитомъ женщины съ мужскимъ характеромъ съ желѣзной волей, умной, избалованной властью и удачами жизни, и притомъ весьма не молодой.

Оставаясь самимъ собою въ мелкихъ, не мѣшающихъ проявленіяхъ ума и души, Платонъ Зубовъ невольно и вполне искренно во всемъ остальномъ подчинялся волѣ своей покровительницы, тонулъ въ ея лучахъ, какъ темный спутникъ въ ореолѣ солнца.

Это именно нужно было теперь Екатеринѣ. И тѣмъ труднѣе было бы разорвать ихъ взаимное сосуществованіе, чѣмъ легче и ничтожнѣе на видъ казался темный спутникъ блестящаго солнца, къ которому приковалъ его законъ взаимнаго тяготѣнія тѣлъ и даже душъ...

Кто знаетъ, есть ли ужъ такая большая разница между физическими и психическими законами, какъ это намъ кажется на первый взглядъ?

Все это понялъ Потемкинъ, но рѣшилъ, что безъ борьбы уступить все-таки нельзя.

И началась борьба, тѣмъ болѣе упорная и беспощадная, что наружно приходилось надѣвать личину взаимнаго доброжелательства, даже дружбы обоимъ врагамъ.

Въ Страстной четвергъ, 10 апрѣля 1691 г., въ придворной церкви Зимняго дворца люди наблюдательные могли видѣть очень интересную, полную глубокаго значенія картину

Съ предусмотрительностью, свойственной женщинѣ и многолѣтней правительницѣ, Екатерина сумѣла такъ повести дѣло, что Платонъ Зубовъ говѣлъ и явился къ причастію въ одинъ день и часъ со свѣтлѣйшимъ „княземъ тьмы“, какъ обычно звали недруги Потемкина.

Екатерина, сама совершенно равнодушная къ обрядамъ, порою позволяла себѣ даже подтрунивать надъ ними, называя французскимъ, насмѣшливымъ словомъ: „tomerie“.

Но глубокая религіозность Потемкина была искренней. Всѣ это знали.

На этомъ задумала сыграть Екатерина.

И съ внѣшней стороны ей затѣя удалась.

Вся блестящая толпа, наполняющая церковь во время торжественной службы, больше занималась наблюденіемъ за двумя столь несходными соперниками, которые теперь съ такимъ смиреннымъ видомъ стояли рядомъ и слушали священныя слова о всепрощеніи, братствѣ и любви...

Если между Платономъ Зубовымъ и Потемкинымъ была большая, до смѣшного рѣзкая разница и въ фигурѣ, и въ наружности, и въ осанкѣ, то Валеріанъ, стоящій почти рядомъ со старшимъ братомъ, казался совсѣмъ ребенкомъ передъ княземъ.

Этотъ контрастъ давалъ тему для всевозможныхъ шутокъ всѣмъ придворнымъ острякамъ со Львомъ Нарышкинымъ во главѣ. И даже въ настоящую, торжественную минуту молящіеся наблюдали за всѣми тремя „первыми персонами“ съ чувствомъ жгучаго любопытства, къ которому примѣшивалась доля весьма мало почтительной веселости.

Очень осторожно, правда, но касались и самой Екатерины въ этихъ вольныхъ шуткахъ и каламбурахъ наиболѣе отважные изъ остряковъ.

Митрополитъ съ чашей и всѣ сослужащіе съ нимъ

іереи, совершивъ послѣднія моленія, вышли изъ алтаря, ожидая говѣющихъ, которые стояли большой, нарядной группой, съ двумя братьями-фаворитами и однимъ временщикомъ во главѣ.

Невольно Платонъ Зубовъ и Потемкинъ сдѣлали одновременно первые шаги къ возвышенію, на которомъ стоялъ клиръ, сверкая своими парчевыми облаченіями подъ огнями множества восковыхъ свѣчей и большихъ церковныхъ лампадъ.

Съ легкимъ полупоклономъ Платонъ Зубовъ остановился, какъ бы желая пропустить впередъ колосса, мѣсто котораго онъ заполнилъ своей небольшой персоной и довольно успѣшно, какъ объ этомъ шептались во дворцѣ, судя по расположенію Екатерины къ своей новой живой игрушкѣ.

Потемкинъ сперва машинально сдѣлалъ движеніе, чтобы воспользоваться учтивостью. Но вдругъ какая-то мысль озарила его важное, сосредоточенное въ эту минуту лицо. И мысль эта, очевидно, была далека отъ настроенія минуты, отъ обстановки, въ которой находились оба соперника. Что-то злорадно-насмѣшливое мелькнуло въ живомъ глазу князя, которымъ онъ повернулся къ Платону, сдѣлалъ даже полуборотъ всѣмъ грузнымъ тѣломъ.

Этотъ односторонній взглядъ съ приспущенной головой и изогнутымъ книзу туловищемъ, даже сильнѣе, чѣмъ бы то требовалось при высокомъ ростѣ князѣ, этотъ серьезный, но въ то же время неувлимо-насмѣшливый, глумливый взглядъ...

Платонъ Зубовъ часто испытывалъ его на себѣ и готовъ былъ вѣспитаться, какъ кошка, въ это круглое, упорно, по-птичьи глядящее око соперника, хотя бы и обойденнаго по пути къ успѣху.

Всѣ тоже замѣтили манеру Потемкина глядѣть на фаворита и замѣчали:

— Ишь, пѣтухъ-Голяеъ орломъ сбоку на цыпленка-пѣтушонка зубатенькаго поглядываетъ, словно мѣстечко высмотрѣть ищетъ: куда бы его клюнуть, въ самую въ маковку.

Именно такое чувство испытывалъ и Зубовъ. И только обѣщаніе, данное Екатеринѣ, да личный физическій, неодолимый страхъ передъ дюжимъ и неукротимымъ во гнѣвѣ княземъ,—это лишь и удерживало Зубова отъ какой-нибудь самой рѣзкой выходки.

Сейчасъ Потемкинъ, все такъ же глядя на Зубова, вдругъ любезно оскалилъ свои плохо вычищенные крупные зубы и сдѣлалъ преувеличенно учтивый знакъ рукою, предлагая пройти впередъ.

Такъ иногда гуляка-щеголь, желая оказать вниманіе дешевой куртизанкѣ, раскланивается передъ ней преувеличенно-почтительно и любезно.

Пятнами покрылось розовое, холеное лицо фаворита.

Не находя ничего иного, онъ еще съ большей учтивостью склонился передъ „отставнымъ“, на правахъ хозяина и сдѣлалъ даже полъ-шага назадъ.

Этотъ балетъ, конечно, не прошелъ незамѣченнымъ со стороны всѣхъ окружающихъ.

Будь здѣсь не храмъ, улыбки, смѣшки и перешептываніе приняли бы явноскандальный характеръ. Здѣсь-же все происходило въ очень сдержанныхъ границахъ.

Но Зубовъ и братъ его чувствовали, что страдательными лицами являются скорѣе всего они, хотя сила за ними и Потемкина никто не любитъ.

Кто смѣшенъ, тотъ и не правъ, — вотъ законъ для сужденій толпы. А они, маленькіе, нервныя, суетливыя, были теперь именно забавны.

Неожиданно Валеріанъ, какъ бы набираясь храбрости, сталъ выдвигаться впередъ.

Платонъ Зубовъ въ это время обратился прямо къ Потемкину.

— Изволите прослѣдовать, ваша свѣтлость! Я послѣ васъ!

— Нѣтъ, почему же, ваше превосходительство. Тутъ мы, передъ Господомъ, безъ чиновъ должны... По евангельскому слову... «Послѣдніе да будутъ первыми»!..

— „А первіи—послѣдними!“—парировалъ колкостью колкостью Платонъ...—Тогда, извольте...— И онъ уже соби-рался пройти впередъ. Но Валеріанъ предупредилъ старшаго брата.

— Я—самый послѣдній... въ роду у насъ... Стало, по мысли его свѣтлости, мой чередъ.—И быстро поднялся къ чашѣ.

Даже Потемкинъ снисходительно и безъ горечи улыбнулся при этой смѣлой, дѣтской выходкѣ и медленно занялъ свою очередь.

Екатерина была очень огорчена, когда ей передали по-подробности мимолетной сцены. Она возлагала большія надежды на такую торжественную минуту, какъ взаимное прошеніе о забвеніи всѣхъ обидъ, которымъ обвинялись наканунѣ Зубовъ и Потемкинъ, и, наконецъ, принятіе изъ одной чаши святыхъ Таинъ.

— Немудрено, что двое у чаши не подѣлились: каждому досыта пить охота, а одному всегда больше достается,— толковали теперь.

Хотя князь и чувствовалъ, что на этотъ разъ онъ сумѣлъ потѣшиться надъ мозглякомъ, женоподобнымъ Зубовымъ, надъ „левреткой въ эполеткѣ“, какъ онъ звалъ Зубова, но серьезной побѣды не сулили ему окружающіе об-ихъ, куртизаны, придворные, наушники, сплетники и дву-личные льстецы.

Они, правда, забѣгали еще съ чернаго крыльца къ князю,

толпились и въ его пріемныхъ. Но ужъ не такъ, какъ прежде... И далеко не такъ, какъ у Зубова...

Даже и тутъ, послѣ службы, онъ могъ провѣрить свое наблюденіе на Державинѣ. Когда встрѣченный имъ по пути поэтъ-царедворецъ отдалъ князю очень почтительный, но не лишенный достоинства поклонъ, гдѣ сочеталась рабская льстивость съ затаенной амбиціей даровитаго человѣка, сознающаго себя выше своихъ господъ, Потемкинъ поманилъ къ себѣ стихотворца.

— Здорово, Гавріиль. Что стало рѣдко видать тебя? Раньше часто жаловалъ въ мои влѣтушки. Подъ новымъ солнышкомъ крылья грѣешь, соловей... либо чижъ сладкогласный, а?

— Куды намъ въ соловьи, ваша свѣтлость! Тѣмъ болѣе что соловьямъ и вовсе солнца не надобно: они по ночамъ поютъ... Да, я не по-соловиному... По-скворцовому, больше теперь чирикалъ... Да, вотъ, съ тяжбишками своими маюсь!

— По-скворцовому?! Не по-дворцовому ли, пріятель? Толкуютъ, въ большія персоны попалъ: шуткомъ у перваго человѣка здѣшняго состоишь.

— Напрасно обижать изволите, ваша свѣтлость. Человѣкъ я маленькій... Ваша вся воля.

— Ну, не обижайся. Знаешь самъ, я на словахъ хуже, чѣмъ на дѣлѣ... А такъ люблю тебя. И даръ твой цѣню, свыше тебѣ посланный... Такъ, поешь понемножку? Вонъ, ночную кукушку нашу, Платошу - святошу пѣть сталъ? Дѣло ли?

— И кто сказалъ вашей свѣтлости? Все наносы...

— Наносы? А у меня и на бумагѣ ода та списана... Приходи, покажу. Кстати, дѣло къ тебѣ есть...

— Вашъ слуга покорный... Ужъ, коли на чириканье мое свой слухъ изволите склонять, счастливъ и тѣмъ...

— Пой, пой... А я, вотъ, читаю теперь... Знаешь:

про крысъ началъ. Умнѣйшее животное въ мірѣ. Прозорливость, удивленія достойная... Бываетъ, что кораблю тонуть пора. Онѣ первыя съ него шмыгъ на берегъ. Или въ домѣ пожару быть. Крысы ужъ вонъ бѣгутъ заранѣе. Малыя твари, а смышленныя...

Державинъ понялъ намекъ и сейчасъ же подхватилъ:

— Есть еще меньше созданія, а того мудреннѣе... Коли Эзопу вѣрить, — комаръ и льва побѣдитъ сумѣлъ!

Потемкинъ потемнѣлъ въ свою очередь. Комариное жало Зубова больно ныло и трепетало въ его сердцѣ, отравляя кровь.

Съ кривой усмѣшкой онъ презрительно кинулъ Державину:

— Мужики наши еще умнѣе. Какой дрянью поля заваливаютъ. А послѣ хлѣбъ растеть. Во всемъ нужда порою бываетъ. Такъ, приходи. Ты мнѣ нуженъ, Романъчъ...

Державинъ молча поклонился отходящему вельможѣ.

Выпрямляясь, онъ прошепталъ:

— Я тебѣ нуженъ, смердъ такой малый, каковъ есть. А ты, вотъ, великанъ, да мнѣ не надобенъ... И никому не нуженъ болѣе... Никому... никому, никому!.. — злорадно почти въ слухъ твердилъ обиженный сравненіемъ самолюбивый поэтъ.

* * *

Хмурый, стоитъ и чутко прислушивается у дверей Захаръ: что происходитъ въ покоѣ Екатерины?

Съ другой стороны, у другихъ дверей, въ уборной Перекусихина, обѣ сестры Алексѣевы тоже почти прильнули къ закрытой двери, казалось, не только слушаютъ, но стараются взорами проникнуть въ спальню госпожи своей и узнать какъ можно лучше, что значитъ этотъ громкій го-

воръ, взрывы мужского гнѣвнаго порою, порою убѣдительнаго голоса, который смѣшивается со знакомымъ, рѣзкимъ теперь голосомъ Екатерины, со взрывами ея слезъ...

— Въ такіе дни! Охъ, Господи, Владычица Милосердная! Въ такіе дни и не жалѣеть онъ ее, матушки нашей... Тиранить-то какъ! Господи!.. Нешто за Платономъ Александровичемъ спосылать?—беззвучно причитала Перекусихина.

— И думать нельзя о томъ!—замахала руками старшая дѣвица Алексѣева:—мужчины въ такомъ разѣ хуже дикаго вепря становятся. Тутъ и до смертельной баталіи дѣло дойти можетъ. Ничего. Она, матушка, хотъ и плачетъ, а то же спуску ему, одноглазому, не дастъ! Видали мы всякихъ мужчинъ. Кричить, такъ опасно. Хуже если молчить да дуется. Тутъ ихъ больше опасаться надо... Тихе ты. Услышитъ, Боже сохрани. Тутъ ужъ намъ хуже всего будетъ...

И слушаютъ, замеревъ, преданныя женщины.

Екатерина полулежитъ на кушеткѣ, спрятавъ лицо въ подушки.

Глаза у нея заплаканы, подъ ними обозначались мѣшки. Лицо покрыто пятнами.

Чепецъ съѣхалъ на сторону, хотя она порою и поправляетъ его быстрымъ движеніемъ полной красивой руки, но этимъ придаетъ только новый кренъ своему легкому головному убору.

Порою, пользуясь минутой передышки великана, который со свербающимъ глазомъ, съ растрепанными волосами шагаетъ по обширной комнатѣ, извергая потоки укоровъ и жалобъ, Екатерина часто-часто начинаетъ говорить, вопреки своему обыкновенію, пріобрѣтенному съ годами, путемъ усиленнаго самовнушенія.

И въ такія минуты особенно рѣзко звучитъ низкій,

мужественный обычно голосъ государыни. И явственнѣе проступаетъ нерусскій, нѣмецкій говоръ, такъ живо напоминающій пербетскую принцессу, стройную, тоненькую Фигхенъ, жену цесаревича Петра, которая вставала по ночамъ, чтобы лучше приготовить урокъ для своего учителя русскаго языка.

— Понять прямо не могу: откуда сіе? Чѣмъ заслужилъ такое презрѣніе и забвеніе, не токмо заслугъ... Нѣтъ ихъ и не было... Не о нихъ говорить хочу... О любви моей. О преданности безмѣрной и вѣчной. Твердые доводы къ тому давалъ и давать готовъ ежечасно... Жизнь сложу тутъ же по единому слову твоему! но такоевое сносить... Это превыше силъ! Брошень, забыть, въ шуты поставлень! На общій смѣхъ и глумь. И кого ради!.. Хоть бы чело-вѣкъ былъ! Пѣшка... щенокъ... ничто! И тебя, матушку. словно зельемъ опоилъ... Словно чарой обошелъ, прости Господи... во дни такіе молвить даже грѣшно. Чего видала въ цыпленкѣ въ томъ! Что нашла въ башкѣ его пустой, въ рожѣ его пряничной?.. Мизериска подобный. Да, глазомъ мигни: десятокъ тебя во сто разъ лучше предоставлю... А тутъ!.. За тебя досада, матушка... За тебя сердце болитъ... Ужъ о себѣ и не поминаю почти... Думаешь, невѣдомо мнѣ, какъ онъ помаленьку дѣла всѣ, и тебя самое въ руки свои, въ обезьянѣ забираетъ?.. Вотъ, вотъ... Самъ онъ на себя портретъ пишетъ. Обезьяна у него по столамъ да по мебелиамъ скачетъ. Вещи грязнить да портить, парики у почтенныхъ людей грызетъ, кои къ фаворитишкѣ поганому являются, тебя почитая... Вотъ, и онъ самъ на ту свою обезьяну смахиваетъ... Ну, счастливъ его Господь, что тебя я люблю да жалѣю. Я бы ему!..

— Ахъ, молчи, молчи, мой другъ! Не смѣй и говорить мнѣ такого ужаса... И не грѣшно тебѣ такъ мучить свою государыню? Я всегда останусь къ тебѣ, какъ и раньше

была... Но дай же мнѣ тоже самой жить, какъ мнѣ хочется... Боже мой, какая я несчастная. Два моихъ лучшихъ друга... Ты первый и единственный... И онъ послѣдній... Пойми, князь: послѣдній... Вотъ даже Мамоновъ на что пошелъ: оставилъ меня ради дѣвчонки смазливой. А этотъ не уйдетъ, не оставитъ, пока сама не захочу. И ты понимаешь это не хуже моего. Такъ оставь же, князь! Не мучь меня. Дай съ нимъ въ покоѣ доживать. Право, онъ не мѣшаетъ и не думаетъ итти противъ тебя... Право онъ...

— Покой! Въ покоѣ думаешь съ нимъ дожить! Гдѣ же прозорливость твоя, матушка? Ты провидица была. Неужто теперь такъ отъ склонности къ этому мальчишкѣ затемнилась? Онъ теперь такой тихенькій, змѣя эта подколодная... Да и то уже ковы строить... А тамъ, погляди, ты у него куда хуже въ рукахъ будешь, чѣмъ говорить, изволишь что я тебя тѣснилъ... Я о тебѣ вѣкъ думалъ. О благѣ твоемъ... О родинѣ. Родины слава—твоя слава... Моя слава... Общее счастье. А этотъ пройдоха... Онъ куски хватать любить... И пуще учнетъ. Отецъ его—вѣдомый воръ. Кого хочешь, спроси. До того дошелъ, чуть въ Сенатъ посаженъ, тяжбы скупаютъ черезъ своихъ клеветишекъ... Да самъ послѣ тѣ тяжбы въ свою пользу и рѣшаетъ, другихъ на сеѣ уговаривая... Да и того мало... Вотъ, Бехтѣевъ надняхъ ко мнѣ приходилъ, майоръ одинъ отставной... Прямо Зубовъ-старикъ у него воровскимъ манеромъ деревнишку и 600 душъ захватилъ... Теперь и отдавать не желаетъ... Позоръ. Да, сказываютъ, не только на сына въ надеждѣ то творится, а и долю получаетъ любимецъ твой отъ всѣхъ стяжаній отца-хапуни, взяточника, прямого грабителя. Что о тебѣ, матушка, думать стануть... Господи, да если бы человѣкъ хорошій... Самъ бы я ему ноги мылъ, да воду пилъ, тебя ради... А этотъ... этотъ...

Пѣна появилась и сохла въ углахъ губъ разгнѣваннаго

отставного фаворита. Онъ умолкъ, какъ-будто опасаясь слишкомъ грубымъ, грязнымъ словомъ оскорбить слухъ женщины, которую все-таки надѣялся образумить и лаской и грозой, какъ дѣлають отцы съ дочерьми, мужа съ легкомысленными женами. Долголѣтнее сближеніе, постоянная общность интересовъ установили между подданнымъ и государыней почти супружескія отношенія.

Но на этотъ разъ всё усилія Потемкина были напрасны.

— Нѣтъ, не можетъ быть... Ты ошибаешься насчетъ Платона. У него столько враговъ! Нѣтъ, нѣтъ!—только повторяла Екатерина. Уткнула лицо въ подушки и на всё дальнѣйшія рѣчи и грозные упреки отвѣчала только взрывами слезъ.

Уже не первый разъ происходили такія сцены со дня пріѣзда Потемкина, но сейчасъ ему хотѣлось довести все до конца.

— Вотъ, матушка, прямо тебѣ скажу: между нами двумя выбирай! Ни одинаго разу ты слова такого отъ меня не слыхала. А теперь сказалъ и твердо буду держаться его! Не себя ради... Тебя и отечество спасая, сей выборъ тебѣ кладу. И безъ страха отвѣтъ дай, матушка. Отъ тебя отойдя, ни къ кому на службу не отдамся. Вонъ, доносили тебѣ, что и румынскимъ господаремъ я быть собираюсь, и въ курляндскіе герцоги на вольное правленіе тянусь... И въ польскіе короли пройти собираюсь, отъ тебя отойдя. Богомъ клянуса, враки все! Высшая радость моя, высшая честь, великое счастье тебѣ служить, тебя покоить. Довольно у меня всего, что на землѣ цѣнно. А вѣрю я въ Господа моего... Хотѣлъ бы и нетлѣнныхъ благъ для души спасенія собрать малость. Свято присягу свою держалъ и держать стану. Онъ при тебѣ будетъ,—я тутъ не жилецъ. Въ монастырь ли, въ помѣстья ли свои поѣду... Тамъ видно будетъ... Но Цесаревичу служить не стану, какъ тоже опа-

сенія тебѣ вливали дружки мои... Предатели!... Вотъ и выбирай!..

— Да, что ты! Да какъ это можно,—вдругъ переставая рыдать, совершенно твердо, почти строго заговорила Екатерина. Она даже какъ-будто обрадовалась, что отъ личности Платона бесѣда перешла къ болѣе общимъ вопросамъ: — Да могу ли я безъ тебя! И думать не смѣй... Мы оба съ тобой служили государству... столько лѣтъ! И помереть на службѣ должны. Вотъ, тогда смѣешь говорить, что присягу свято держалъ. Тогда и къ Богу придешь со спокойной душой. А иначе и быть не можетъ... Слышишь?

И властно, почти вдохновенно звучить голосъ этой женщины, за минуту передъ тѣмъ, казалось, разбитой, подавленной своей ли виной, или напоромъ чужой, сильнѣйшей души...

— Умереть на службѣ родинѣ? Въ томъ присяга и честь, полагаешь ты? Правда твоя, Катеринушка-матушка!.. Добро, что напомнила. Да, сама-то почему не такъ дѣлать собираешься?

— Я! Чѣмъ? Въ чемъ? Укажи! Мои дѣла сердечныя царства не касаемы. Самъ про то, Григорій Александрычъ, лучше иныхъ вѣдаешь... И грѣшно бы тѣмъ корить меня. А тебѣ вдвое! Я же слова не говорю тебѣ, хотя многое слыхала и занавѣрное знаю, какъ ты и на самомъ полѣ брани тѣшить себя изволишь съ сударками съ разными, пирами да затѣями. Знаю, дѣлу у тебя время и потѣхъ часть...

— А-а! Вотъ ужъ какъ! Объ этомъ ты мнѣ пенялъ начинаешь. Себя обѣляя, на меня вину взводишь... Не бывало того, сказать и я могу! Ну, въ такомъ разѣ бесѣдъ нашей всей и конецъ надо дать! Богъ въ помощь, Матушка! Не пожалѣй, гляди... О томъ лишь и стану Господа молить. А ужъ больше докучать тебѣ не стану... Прости!

И, сильно хлопнувъ за собою дверью, вышелъ Потемкинъ изъ комнаты.

Сурово, гнѣвно поглядѣлъ мимоходомъ на Захара, въ которомъ тоже замѣчалъ какую-то обидную перемену, и широкими, тяжелыми шагами направился на свою половину, мелькая въ зеркалахъ, напоминая своей высокой, широкоплечей фигурой Великаго Петра, какъ-будто воскресшаго въ тѣлѣ неукротимаго великана, одноглазаго князя Потемкина.

Едва онъ ушелъ, женщины, сторожащія подъ дверью, вбѣжали въ комнату, столи поить водой и растирать виски Екатеринѣ, снова почувствовавшей изнеможеніе.

— Генерала позовите!—слабо прошептала она и снова залилась слезами, теперь ужъ и сама не зная, почему.

Въ словахъ Потемкина, въ звукѣ голоса, съ которымъ они были сказаны, ей послышалась какая-то мучительная, еще незнакомая до тѣхъ поръ нота.

И долга звучало въ ухахъ измученной женщины это послѣднее «прости!» человѣка, послѣ многихъ лѣтъ вынужденнаго уступить свое мѣсто другому...

* *
*

Съ большей или меньшей силой еще нѣсколько разъ повторялись сцены, въ родѣ описанной выше. Но не такія бурныя и захватывающія выходили почему-то онѣ. Все главное было высказано. А повторенія только вызывали взаимное недовольство и раздраженіе, тѣмъ болѣе тяжкое, что его приходилось скрывать отъ постороннихъ глазъ, ото всѣхъ окружающихъ.

Но тайну Полишинеля, конечно, зналъ цѣлый городъ и она служила предметомъ всякихъ пересудовъ, толковъ и предсказаній...

Второй темой служили грандіозныя приготовленія къ празднеству въ Таврическомъ дворцѣ, которое задумалъ дать почему-то Потемкинъ для государыни.

Приготовленія эти начались почти немедленно послѣ Пасхи, которая припала на 13-е февраля, и длились больше двухъ съ половиной мѣсяцевъ.

„Потемкинскій праздникъ“, состоявшійся 28-го апрѣля, описанъ очень подробно многими современниками и потомъ служилъ темой для историческихъ бытописателей.

Самъ по себѣ онъ отличался отъ другихъ подобныхъ затѣй того вѣка только грандіозными размѣрами и суммой денегъ, потраченныхъ на него Потемкинымъ.

Одного воску пошло на разныя плошки, факелы и прочія приспособленія для иллюминаціи больше, чѣмъ на 70 тысячъ рублей, то-есть на наши деньги почти на 300 тысячъ рублей. А въ общемъ, праздникъ стоилъ 300 тысячъ тогдашнихъ серебряныхъ рублей, которые равноцѣнны 600 тысячамъ теперешнимъ, не принимая въ расчетъ большую дешевизну припасовъ.

Были тутъ и длинныя улицы, застроенныя временными домиками и декоративными замками, имѣлись на лицо и жареные цѣлые быки для народа, съ позлащенными рогами и посеребренными тушами...

Приключилась и неизбѣжная въ такихъ случаяхъ давка, гдѣ погибло нѣсколько человѣческихъ жизней...

Даже экипажъ императрицы только съ большимъ трудомъ пробрался къ подъѣзду, гдѣ Потемкинъ въ блестящемъ маскарадномъ нарядѣ, осыпанный крупными брилліантами, ожидалъ свою благодѣтельницу и поднесъ ей драгоценный скипетръ, какъ богинѣ счастья, съ крупнымъ, рѣдкимъ по величинѣ и по цѣнности, сапфиромъ наверху.

На фронтонѣ дворца красовалась надпись: „Твое тебѣ принадлежитъ!“

Вензеля Екатерины, составленные изъ всевозможныхъ лампіоновъ, прозрачныхъ хрусталей разнаго цвѣта, освѣщенныхъ изнутри, изъ цвѣтовъ и зелени, видны были повсюду.

Всего было создано на пиршество около 3,000 по именнымъ билетамъ, не считая простого народа, который сзывался особыми герольдами и бирючами и привалилъ десятками тысячъ.

Для этихъ гостей были построены въ огромномъ паркѣ разные балаганы, устроены буфеты съ пивомъ, водкой и квасами... Сюрпризы, фокусники, акробаты въ разныхъ мѣстахъ потѣшали толпу...

Сначала Екатерина съ Павломъ, его женой и двумя внуками прошла въ круглый большой залъ, гдѣ ослѣпительно горѣлъ транспарантъ изъ искусственныхъ драгоценныхъ камней, въ видѣ буквы Е. Стѣны были увѣшаны рѣдкими гобеленами съ изображеніемъ исторіи Аманъ и Эсѣири. Князь возлагалъ большія надежды на эту аллегорію. Увы, она почти не была замѣчена царицей!

Въ этой огромной залѣ состоялся концертъ и балетъ.

Затѣмъ были осмотрѣны всѣ чудеса дворца, его убранство, статуи, картины, зимніе сады и оранжереи, гдѣ даже для Екатерины были приготовлены грядки съ гнѣздами грибочковъ, которые любила она собирать у себя въ паркахъ... Затѣмъ послѣдовалъ ужинъ.

Столы были заставлены золотой посудой, собственной, Потемкина, которую онъ скупилъ частью у изгнанныхъ французскихъ принцевъ, частью изъ другихъ рукъ. Изъ кладовыхъ государыни тоже было выдано много рѣдкихъ сосудовъ и блюдъ изъ золота для большаго украшенія пиршественныхъ столовъ.

Самое кушанье подавалось на дорогомъ фарфорѣ, который ставился сверхъ золотыхъ тарелокъ и блюдъ.

Екатерина хотя пріѣхала съ полумаской въ рукавъ, но ея не надѣвала, какъ самъ князь и всѣ великія князья и княжны.

Зубовъ сидѣлъ рядомъ съ государыней, но былъ хмуръ и блѣденъ отъ скрытаго недовольства, отъ зависти и какого-то страха.

Ему казалось, что такой блескъ можетъ затемнить въ глазахъ Екатерины незначительную фигурку самого Зубова, поднятаго изъ праха, куда также легко можно было и свергнуть его обратно.

Онъ не зналъ Екатерины, этой мудрой, при всей ея вѣшной впечатлительности, устойчивой и осторожной, несмотря на нѣкоторое показное легкомысліе, которымъ она словно щеголяла въ своемъ кругу.

Какъ бы угадывая, что дѣлается въ душѣ фаворита Екатерина выбрала минуту, негромко сказала своему любимцу:

— Будьте повеселѣе, генераль. Чтобы не сказали, что вы питаете дурныя чувства къ тому, счастливѣе кого оказались очевидно... А я сейчасъ же вамъ покажу, какъ вамъ тоже нетрудно будетъ роскошью затмить и настоящій пиръ Валтасаровъ!..

— Я веселъ, государыня. Это, просто, такъ... Моя мигрень...

— Хорошо... вѣрю. Но надо владѣть и своими недугами, живя на свѣтѣ... Я попробую вылѣчить васъ...

И сейчасъ же обратились къ хозяину сказочнаго пира, который давно уже своимъ зрячимъ глазомъ слѣдилъ за бесѣдой Екатерины и Зубова:

— Свѣтлѣйшій, у меня къ тебѣ просьба...

— Всей душой готовъ служить, государыня-матушка...

— Продай мнѣ твое могилевское имѣніе, что на

Днѣпрѣ. Тамъ 12 тысячъ душъ, какъ мнѣ помнится?... Деньги сполна плачу... Идетъ?

Потемкинъ вспыхнулъ до самыхъ ушей и даже зубы стиснулъ, чтобы не вырвалось неожиданнаго для него самого неловкаго слова или восклицанія досады.

Онъ сразу понялъ, для кого хотѣла купить Екатерина это имѣнiе, цѣнимое почти въ два милліона рублей и мгновенно рѣшилъ скорѣе кинуть эти деньги на вѣтеръ, чѣмъ помочь обогащенію ненавистнаго соперника.

Передохнувъ и съ огорченнымъ видомъ пожимая плечами, князь громко отвѣтилъ:

— Экая досада! Къ несчастью моему великому, не могу исполнить желанія вашего величества! Вчера какъ разъ оно продано... И задатокъ взять...

— Продано? Кому?—недовѣрчиво протянула государыня, и глаза ея потемнѣли отъ досады и гнѣва. Она хорошо поняла уловку князя.

— Да, вотъ, ему какъ разъ,—полуобернувшись еще передъ тѣмъ и разглядѣвъ за стуломъ у себя дежурнаго камеръ-юнкера, молодого бѣдняка, дворянина Голынскаго, отрѣзалъ князь, кивая на окаменѣлаго юношу.

И самъ незамѣтно сдѣлалъ ему знакъ глазомъ своимъ, словно приглашая подтвердить свое невѣроятное для всѣхъ заявленіе.

Екатерина даже вспыхнула отъ неожиданности..

— Этому? Ему?. — не находя словъ, въ явномъ смущеніи заговорила она и обратилась затѣмъ къ Голынскому, о которомъ всѣ знали, что кличка—по шерсти, и считали его совершеннымъ бѣднякомъ:

— Послушай, какъ же это ты купилъ имѣнiе у свѣтлѣйшаго?..

Голосъ отказался повиноваться юношѣ, который чуялъ, что ему съ неба свалилось огромное, неожиданное счастье.

Онъ только и могъ, что съ глубокимъ, почтительнымъ поклономъ склонить голову передъ государыней.

Даже слезы проступили на загорѣвшихся глазахъ императрицы.

Зубовъ внезапно закашлялся и прикрылъ салфеткой лицо, чтобы скрыть гримасу досады и злобы, которая исказила его противъ воли.

Только хозяинъ волшебнаго пира, въ первый разъ за весь вечеръ словно расцвѣлъ, помолодѣлъ, почувявъ, какую глубокую, мучительную рану нанесъ своему недругу.

Пиръ шелъ своимъ чередомъ.

Около полуночи уѣхала Екатерина съ Зубовымъ и всей своей семьей.

А веселый, сверкающій пиръ, превратившійся теперь въ полудивную оргію, благодаря гостямъ изъ парка, провиѣшимъ въ залы послѣ отъѣзда царскихъ особъ, длился до самаго утра.

А хозяинъ этой роскоши и великолѣпія съ непокрытой головой, безъ маски, долго слонялся между своими, уже опьянѣлыми гостями, снова потемнѣлый, задумчивый! Все бормоталъ что-то невнятно, грызъ ногти по своей вѣчной привычкѣ и порой подходилъ къ буфету, выпивалъ что-нибудь, закусывалъ, чѣмъ попало, и снова пускался бродить изъ покоевъ въ паркъ и обратно.

Никто и не замѣтилъ, какъ онъ ушелъ къ себѣ, на покой...

* * *

На другое утро дрожащій, взволнованный, терзаемый надеждой и страхомъ, явился Голынский къ своему покровителю.

— А, покупатель пришелъ!—съ явной ироніей встрѣтилъ его князь.—Деньги принесъ? Подавай. Деньги нужны... Теперь въ особенности... Видѣлъ: абшидъ... Надо на сухой кормъ переходить!.. Ха-ха-ха!..

— Я только... ваша свѣтлость... Потому только... чтобы только...

— Ишь, какъ растолковался... Вижу, зачѣмъ... Дѣлать нечего. Умѣлъ фортупу за... спину поймать, получай... Только ужъ не совсѣмъ даромъ. Повѣдешь съ Поповымъ, онъ на твое имя купчую сдѣлаетъ. Въ кредитномъ банкѣ тебѣ подъ имѣніе тысячь триста выдадутъ. Эти деньги мои... А остальное твое. Разживайся... Только бы клопу этому розовому не досталось!..

Въ порывѣ винулся юноша руки цѣловать благодѣтелю...

* * *

Прошло еще долгихъ, томительныхъ три мѣсяца.

Послѣ новыхъ столкновений и сценъ, послѣ самыхъ рѣшительныхъ настояній государыни, Потемкинъ собрался въ обратную дорогу.

— Прощай, матушка, благодѣтельница моя!— упавъ въ ноги императрицѣ, съ рыданіями могъ только выговорить, князь, когда они остались наединѣ, въ минуту прощанья.

— Что за странныя думы у тебя, Гри-Гри? Вернешься еще... Вотъ, миръ подписанъ будетъ, тогда мы и отдохнемъ съ тобой на покоѣ... Авось, что и по-твоему выйдеть,—слукавила по женской слабости она, желая ободрить стараго друга, который имѣлъ видъ тяжкаго больного челоука.

— Да?... Авось, быть-можетъ... Живу-надѣюсь,—говорятъ древніе латиняне... Такъ и я! А, по правдѣ сказать, ни на что не надѣюсь, кромѣ могилы!.. Помани тогда меня, грѣшнаго... Какъ я любилъ тебя... Какъ жизнь всю... Ну, да что теперь... Пора... Ужъ сѣли, поди, всѣ... Прощай, матушка... На прощанье, въ послѣдній разъ удостой... Хоть руку облобызать...

И онъ горячими, воспаленными губами до боли крѣпко впился въ красивую, выхоленную руку Екатерины.

— Нѣтъ, нѣтъ, что же это... Дай, я тебя... По-старому, какъ вѣрнаго, давняго друга...

И Екатерина тепло поцѣловала своего многолѣтняго помощника и защитника, съ которымъ теперь пришлось разлучиться... Кто знаетъ, можетъ-быть, и вправду навсегда...

Не даромъ такъ болитъ сердце-вѣщунъ у государыни...

Они разстались опечаленными, съ глазами, полными слезъ...

Но оба поняли, что разлука неизбѣжна...

А еще черезъ два съ половиной мѣсяца, 5 октября 1791 года, въ степи, около Яссы, на придорожной, пыльной полянѣ, задыхаясь отъ припадковъ астмы и сердечной своей застарѣлой болѣзни, скончался лучшій, самый смѣлый и мощный изъ орловъ-питомцевъ Екатерины Великой, свѣтлѣйшій князь Потемкинъ-Таврическій, генераль-фельд-маршалъ, кавалеръ всѣхъ орденовъ, владѣлецъ колоссальнаго состоянія...

И сейчасъ же почти весь тяжкій грузъ этихъ почестей, должностей и орденовъ захватилъ и взвалилъ на свои небольшія, но упругія плечи Зубовъ, давая свободу Екатеринѣ плакать въ своемъ покоѣ о другѣ, погибшемъ, вопреки всему, раньше ея; хотя она была на много старше его...

— Всѣ теперь, какъ улитки, будутъ высовывать противъ меня голову, когда не стало друга моего!—сказала она Храповицкому, наперснику своему, въ минуту грусти.

— Все это много ниже васъ, ваше величество!

— Такъ!.. Но я стара!—печально произнесла Екатерина. И умолкла!

Л. ЖДАНОВ

ПОСЛЕДНИЙ ФАВОРИТ

КНИГА I

репринтное издание

Подписано в печать 19.01.90. Формат 60×
×90¹/₁₆. Бумага кн. журн. для офсет. печ.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,5. Усл.
кр.-отт. 14,0. Уч.-изд. л. 9,03. Тираж
100 000 экз. Заказ № 3231. Цена 2 р. 90 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Художественная литература»
107882, ГСП, Москва, Б-78,
Ново-Басманная, 19.

Ордена Октябрьской Революции и ордена
Трудового Красного Знамени МПО «Первая
Образцовая типография» Государственного
комитета СССР по печати.
113054, Москва, Валовая, 28.

ЛЕВЪ ЖДАНОВЪ.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ.

Историческіе романы-хроники.

- Т. I. Въ стѣнахъ Варшавы. Кн. I.
Т. II. Въ стѣнахъ Варшавы Кн. II.
Т. III. Осажденная Варшава.
Т. IV. „Сгибла Польша!“.
Т. V. Послѣдній фаворитъ. Кн. I.
Т. VI. Послѣдній фаворитъ. Кн. II.
Т. VII. Былые дни Сибири. Кн. I.
Т. VIII. Былые дни Сибири. Кн. II.
Т. IX. Третій Римъ.
Т. X. Грозное время.
Т. XI. Боярыня Морозова.
Т. XII. Протопопъ Аввакумъ.
Т. XIII. Цесаревичъ Павелъ.
Т. XIV. Павелъ—Императоръ.
-

2p 90K